Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет
имени Г. Р. Державина»

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

Монография
В 3 книгах

Тамбов 2022

УДК 93
ББК 63
М58

Рецензенты:

В. Н. Глазьев – доктор исторических наук, профессор,
Воронежский государственный университет;

Д. А. Ляпин – доктор исторических наук, профессор,
Елецкий государственный университет

Мизис, Ю. А.

М58 На южных рубежах Московского государства : монография : в 3 кн. Кн. 1. История заселения и освоения Тамбовского и Козловского уездов XVI–XVII вв. (до 1635 года) / Ю. А. Мизис, П. К. Напольникова ; М-во науки и высш. обр. РФ, ФГБОУ ВО «Тамб. гос. ун-т имени Г. Р. Державина». – Тамбов : Издательский дом «Державинский», 2022. – 236 с.

ISBN 978-5-00078-603-1

Книга посвящена заселению и освоению бассейнов Цны и Воронежа на примере Тамбовского и Козловского уездов начиная с конца XVI – начала XVIII в. Оба уезда отразили в рассматриваемый период процессы, происходящие на южных рубежах России, как в военном, так и в хозяйственном и социальном аспектах. Рассматривается миграция русского населения и его совместная хозяйственная и военная деятельность с коренным мордовским населением в борьбе с угрозой набегов кочевников. Определяющим событием для развития южного региона стало строительство Белгородской и Тамбовской черт, которое позволило создать надежный рубеж обороны границ, построить новые города и села, начать аграрное освоение края. Особое внимание уделено формированию профессионально-социальной структуры населения с преобладанием военно-служилого населения. Издание будет состоять из трех книг. Первая отразит начало русского освоения территории до строительства городов-крепостей. Вторая книга охватывает период с начала строительства Козлова и Тамбова, сооружение козловского участка Белгородской черты и Тамбовской черты и до середины 90-х годов XVII в. Третья книга рассмотрит дальнейшее освоение южной территории Козловского и Тамбовского уездов в процессе расширения Русского государства после взятия в 1696 г. Азова, превращение этой территорией из фронтирной в центральную часть страны.

УДК 93
ББК 63

© Ю. А. Мизис, П. К. Напольникова, 2022
© ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина», 2022

ISBN 978-5-00078-603-1

Книга 1

Ю. А. Мизис, П. К. Напольникова

ИСТОРИЯ ЗАСЕЛЕНИЯ И ОСВОЕНИЯ ТАМБОВСКОГО И КОЗЛОВСКОГО УЕЗДОВ XVI–XVII ВВ.

(ДО 1635 ГОДА)

ТАМБОВСКАЯ ОБЛАСТЬ

Уважаемые друзья!

В 2022 г. Тамбовская область отмечает своё 85-летие. Между тем, наш край имеет многовековую историю. В глубокой древности здесь проживала мордва-мокша, затем территория края вошла в состав Рязанского княжества, а в начале XVII в. – Шацкого и Ряжского уездов. После строительства городов-крепостей Тамбов и Козлов были созданы Козловский и Тамбовский уезды. Административные преобразования Петра I привели к оформлению Тамбовской провинции, включившей оба уезда. Реформами Екатерины II вводится Тамбовское наместничество, а с 1796 г. – губерния, просуществовавшая до 1928 г. В ходе реформ советской власти Тамбовский край был включён в большую Центрально-Чернозёмную область, и лишь в 1937 г. возникла современная Тамбовская область.

В освоении Тамбовского края большую роль сыграли русский и мордовский народы, принявшие участие в создании Великорусской нации. Волей и трудом своего населения некогда малозаселённый и даже пустынный край превратился в одну из центральных областей Русского государства, житницу России. Гордостью нашей Тамбовской земли являются как известные, так и рядовые её уроженцы и жители. Имена поэта-наместника Г. Р. Державина, композиторов А. Н. Верстовского и С. В. Рахманинова, художника А. М. Герасимова, учёных Б. Н. Чичерина и И. В. Мичурина, дипломата Г. В. Чичерина и многих других уроженцев нашей земли известны далеко за пределами страны.

В юбилейный год настоящим изданием мы открываем серию книг по ранней истории Тамбовского края, когда русский человек пришел на эту землю и в тяжёлых условиях борьбы с постоянными набегами кочевников начал её осваивать, строя города-крепости, заселяя села и деревни, распахивая «дикое поле». Мы надеемся, что эти книги помогут читателю узнать малоизвестные страницы прошлого Тамбовской земли, сохранить память о наших предках, освоивших тогдашнюю окраину Русского государства и превративших её в современную, быстро развивающуюся часть Российского государства.

Врио главы администрации
Тамбовской области ***М. Б. Егоров***

10.06.2022 г.

ВВЕДЕНИЕ

Одной из узловых проблем истории Русского государства остается вопрос заселения и освоения окраин, формирования государственных границ и территории страны. Эта широкая и многогранная тема охватывает различные аспекты истории России: социально-экономические, политические, демографические и культурные, длительность процесса формирования и развития феодальных отношений и зарождение капиталистических[1].

Проблема заселения окраин была поставлена ещё русской буржуазной историографией. Наряду с работами общероссийского характера определенное место в ней занимали исследования по отдельным регионам, в том числе и по югу Русского государства. Многие крупные историки России считали колонизацию ведущим фактором развития государства[2]. Так, С. М. Соловьев, создавая свою концепцию русской истории, особую роль отводил колонизации

[1] Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 21-18-00024) на базе ФГБОУ ВО «Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина».

[2] *Багалей Д. И.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887; *Иловайский Д. И.* История России. М., 1876–1905. Т. 1–6.; *Кавелин К. Д.* Мысли и заметки о русской истории // *Кавелин К. Д.* Собр. соч.: в 4 т. СПб., 1897. Т. 1. С. 611–618; *Ключевский В. О.* Курс русской истории. Сочинения. М., 1956. Т. 1. Ч. 1.; *Платонов С. Ф.* К истории городов и путей на южной окраине Московского государства в XVI в. // Журнал Мин-ва народного просвещения. Ч. 316, март – апрель 1893 г., отдел наук. С. 93–94; *Соловьев С. М.* История России с древнейших времен. Кн. 1. Т. 1–2. М., 1959. Кн. 2. Т. 3–4. М., 1960.

окраин. Он связывал её с постоянной борьбой с «азиатцами», «леса» со «степью». Его теория оказала серьезное влияние на взгляды К. Д. Кавелина, С. Ф. Платонова, Д. И. Багалея и других исследователей. В их работах большое место отводилось природным факторам, организации военной службы и обороне границ, разнообразию форм заселения новых территорий.

Впервые в российской историографии попытку рассмотреть роль народных масс в процессе переселения на окраины предпринял А. П. Щапов и продолжили В. О. Ключевский и П. М. Милюков. Они тесно увязывали деятельность народа и монастырей в заселении Северо-Восточной Руси. Оба последних автора смотрели на русскую историю того времени как на перманентную колонизацию страны. Вслед за своим учителем В. О. Ключевским М. К. Любавский считал колонизацию окраин важнейшим фактором формирования Русского государства[1]. Он отмечал роль строительства укрепленных линий в этом процессе и неустанное стремление русского народа в степные пространства.

В русской буржуазной историографии проблема заселения окраин рассматривалась не только на общероссийском фоне, но и на примере отдельных регионов. В частности, вопрос о колонизации Тамбовского края как одного из крупных районов черноземного юга поднимали местные краеведы. Их взгляды во многом формировались под воздействием видных представителей русской исторической науки. Ряд статей и несколько глав своих «Очерков» посвятил проблеме заселения края известный тамбовский историк И. И. Дубасов[2]. Вслед за В. О. Ключевским и Д. И. Багалеем он ведущую роль в заселении юга России отводил монастырям и правительству: «Все эти монастыри, как я высказывал это не раз в разных печатных трудах, – писал И. И. Дубасов, – представляли несомненную и главную местную колонизационную силу, вокруг которой собира-

---

[1] *Любавский М. К.* Наступленіе на степь. М., 1918.

[2] *Дубасов И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Вып. 1–3. М., 1883–1884, Вып. 4–6. Тамбов, 1887–1897.

лась, строилась и крепла местная сбродная вольница и инородцы»[1]. По его схеме заселение края происходило следующим образом: появлялись первые поселенцы-монахи, или старцы, которые возводили монастырские стены и обзаводились полным хозяйственным инвентарем, вокруг монастырей возникали починки, деревни и села, местные «инородцы» подчинялись монастырскому влиянию, а русская «голытьба» отвыкала от своих скитаний. Из схемы И. И. Дубасова выпадала роль народной колонизации в заселении края, и его теоретические подходы к раскрытию темы явно не соответствовали уровню развития современной ему исторической науки.

В 1911 году молодой начинающий историк П. Н. Черменский опубликовал большую статью «Очерки истории колонизации Тамбовского края»[2]. В ней на основании ряда новых опубликованных источников он дал хотя и краткую, но довольно точную историю заселения края в границах Тамбовской губернии со строительством укреплений на южных границах Русского государства. Её авангардом он считал станицы и сторожи. Вольную и монастырскую колонизацию П. Н. Черменский ставил в зависимость от правительственной. В целом буржуазная историография, поставив проблему заселения окраин и введя значительный круг источников, не сумела раскрыть причины явления, проследить направления и темпы миграционных потоков, хозяйственное освоение территории, проследить особенности формирования и функционирования пограничных регионов, специфики социальной и профессиональной структуры населения.

Методологической основой работ советских историков, посвященных вопросу заселения юга России, стали произведения классиков марксизма-ленинизма. Они использовали принципиально новые подходы в раскрытии темы, рассмотрели социально-экономические и политические причины переселенческих процессов, определили их классовую сущность. Исследователи стали увязывать процесс заселения окраин с их хозяйственным освоением,

[1] *Дубасов И. И.* О развитии населения в нашем крае в XVII и XVIII столетиях // ИТУАК. Тамбов, 1883. Вып. 35.

[2] См. ИТУАК. 1911. Вып. 54. С. 182–281.

формированием территориально-экономических регионов, втягиванием новозаселенных районов в водоворот складывающегося всероссийского рынка[1].

Общим проблемам заселения юга России были посвящены работы известного советского историка, уроженца г. Тамбова, профессора А. А. Новосельского[2]. В своих статьях он поставил вопрос о значении роста феодально-крепостнических отношений в стране и крестьянских побегов на переселенческие процессы, проследил эволюцию феодальной собственности на юге России, ввел в научный оборот принципиально новый комплекс источников. В монографии «Борьба Московского государства с татарами в XVII в.» он проследил влияние всего комплекса отношений Русского государства с Турцией и Крымом на заселение юга России, отметил военные аспекты этих взаимоотношений, детально проследил все формы набегов татар на Русское государство на протяжении первой половины XVII века и ответные меры, предпринимаемые русским правительством.

Отдельные проблемы заселения Тамбовского края рассмотрел П. Н. Черменский, работавший в 20-х годах XX века в Губмузее и учебных заведениях в Тамбове. В своих исследованиях он дал краткий очерк экономического положения региона, проследил судьбу мордовского населения Поценья, конкретную историю строитель-

---

[1] *Ямзин И. Л., Вощинин В. В.* Учение о колонизации и переселениях. М.; Л., 1926; *Шульгин М. М.* Землеустройство и переселения в России в XVIII – первой половине XIX в. М., 1928; *Шунков В. И.* Очерки по истории колонизации Сибири в XVII – начале XVIII в. М.; Л, 1946; *Преображенский А. А.* Очерки колонизации Западного Урала в XVII – начале XVIII в. М.; Л., 1956; *Тарасов Ю. М.* Русская крестьянская колонизация Южного Урала. Вторая половина XVIII – первая половина XIX в. М., 1984; *Ивина Л. И.* Внутреннее освоение земель в XVI в. М., 1985.

[2] *Новосельский А. А.* Побеги крестьян и холопов и их сыск в Московском государстве второй половины XVII века // Труды института истории. М., 1926; Он же. Отдаточные книги беглых, как исторический источник для изучения народной колонизации на Руси в XVII в. // Труды историко-архивного института. М., 1946. Т. 2.; Он же. Борьба Московского государства с татарами в XVII в. М.; Л., 1948.

ства г. Тамбова и составил чертеж крепости середины XVII века[1]. Однако его научные взгляды той поры находились под сильным влиянием школы М. Н. Покровского, особенно на роль торгового капитала в XVII веке, он недооценивал степень развития земледелия и преувеличивал роль промыслов в хозяйственной жизни Тамбовщины. В исследованиях позднего периода он снял некоторые свои, как он считал, ошибочные взгляды[2]. Работы П. Н. Черменского стали заметной страницей в изучении истории Тамбовского края.

Важное место в раскрытии проблемы заселения Центрально-Черноземного края русскими в XVI–XVII веках занимают работы профессора Воронежского университета В. П. Загоровского[3]. Им разработаны общие методологические принципы изучения темы, проанализировано взаимодействие различных форм колонизации южной окраины, дана периодизация. Процесс заселение юга России автор связывал со строительством укрепленных линий, созданием системы обороны границ, формированием воинских гарнизонов. Им изучалась конкретная история поуездного освоения южной окраины, что позволяло проследить соотношение общего и особенного в колонизационных процессах. В. П. Загоровский на первое место в колонизационных процессах выдвигал народную и правительственную колонизацию.

---

[1] *Черменский П. Н.* Культурно-исторический очерк Тамбовской губернии. Тамбов, 1926. Вып. 1.; Он же. Г. Тамбов в XVII в. как тип военно-сторожевой крепости // Известия Тамбовского общества изучения природы и культуры местного края. Тамбов, 1927. Вып. 2.

[2] *Черменский П. Н.* Прошлое Тамбовского края. Тамбов, 1961.

[3] *Загоровский В. П.* Белгородская черта. Воронеж, 1969; Он же. Формирование и заселение Козловского уезда в XVII веке // Из истории Воронежского края. Воронеж. 1969. Вып. 3; Он же. Некоторые особенности колонизационного процесса южной окраины России в XVII веке и его периодизация // Из истории Воронежского края. С. 84–93. Вып. 3; Он же. Общий очерк истории заселения и хозяйственного освоения южных окраин России в эпоху зрелого феодализма // История заселения и хозяйственного освоения Воронежского края в эпоху феодализма. Воронеж, 1987. С. 3–23.

Социальным и хозяйственным проблемам освоения юга России посвятил свои исследования В. М. Важинский[1]. Изучая землевладение и землепользование мелких служилых людей, он проследил формирование земледельческой общины однодворцев и весь комплекс их сельскохозяйственных занятий. Несколько статей историка-архивиста Е. А. Швецовой посвящены истории заселения Тамбовского уезда в XVII веке, миграции беглого населения, хозяйственной жизни дворцовых крестьян, особенностям классовой борьбы[2]. Она отмечала высокий уровень экономической жизни бывших беглых крестьян, записавшихся в мелкие служилые люди Тамбовского уезда, которых власть возвращала своим прежним владельцам в ходе сыска 60-х годов XVII века. Вопрос о роли и значении процесса заселения юга России в формировании социальной структуры населения, ряд демографических проблем подняты в монографии Я. Е. Водарского[3]. В частности, он проследил рост численности населения в Козловском и Тамбовском уездах во второй половине XVII – первой четверти XVIII века, формирование границ уездов.

В постсоветское время история заселения и освоения юга России, как и всей южной окраины XVI – начала XVIII века, продолжилась в университетских научных центрах Центрального Черноземья, прежде всего учениками В. П. Загоровского. Были поставлены новые темы и проблемы. В частности, воронежским историком В. Н. Глазьевым рассмотрен вопрос борьбы с уголовной

[1] *Важинский В. М.* Торговые связи южных городов России в третьей четверти XVII в. // Города феодальной России. М., 1966; Он же. Земледелие и складывание общины однодворцев в XVII веке. Воронеж, 1974; Он же. Сельское хозяйство в Черноземном центре России в XVII веке. Воронеж, 1983.

[2] *Швецова Б. А.* Социально-экономические отношения в Тамбовском уезде в 70-х годах XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы. Минск, 1964; Она же. Крестьянская война под предводительством С. Разина на территории Тамбовского уезда // Ежегодникпо аграрной истории Восточной Европы. Вильнюс, 1964; Она же. Колонизация Тамбовского уезда в XVII веке // Ежегодник по аграрной истарии Восточной Европы. Кишинев, 1966.

[3] *Водарский Я. Е.* Население России в конце XVII – начале XVIII в. М., 1977.

преступностью на Юге Русского государства в XVII веке[1]. Он отметил роль воевод и губных старост в управлении пограничными уездами, проследил место губных изб, в том числе в Козловском уезде, подчеркнул роль мирских традиций в этом процессе. Особое место в истории освоения юга России В. Н. Глазьев уделил деятельности городских воевод на примере г. Воронежа в своем очерке по воронежским воеводам[2]. Были составлены краткие биографические справки и прослежена деятельность воевод с начала образования Воронежа и по конец XVII века, что позволило отметить место и роль воеводского управления в одном из важных южных городов на протяжении более чем века. В Очерках по истории г. Воронежа конца XVI – XVII века он же рассмотрел место и роль Воронежа как одного из главных форпостов России в это время на степном пограничье России[3]. Отмечено значение смутного времени и прослежен процесс выхода из него юга Российского государства, взаимоотношения мира и воевод, роль выборов на земские соборы.

Ученики В. Н. Глазьева продолжают исследования особенностей местного управления юга России в XVII веке. Важное место занимает изучение процесса использования украинских переселенцев в южнорусских городах. А. А. Глаголева проследила эти процессы на примере г. Острогожск, показала деятельность воеводской власти в уезде и систему управления черкасским полком, поселенным здесь в качестве основной военной силы, изменение объема их властных полномочий, многочисленные конфликты, возникавшие из-за разницы менталитетов русских и украинцев[4]. Автор подчеркивает значительную долю настороженности центральной власти

[1] *Глазьев В. Н.* Власть и общество на юге России в XVII в.: противодействие уголовной преступности. Воронеж, 2001.

[2] *Глазьев В.* Воронежские воеводы и их окружение в XVI – XVII веках. Воронеж, 2007.

[3] *Глазьев В. Н.* Очерки истории г. Воронежа и Воронежского уезда в конце XVI–XVII веков. Воронеж, 2018.

[4] *Глаголева А. А.* Местная власть в Острогожском уезде во второй половине XVII – начале XVIII в.: городовые воеводы и черкасские полковники. Воронеж, 2008.

по отношению к черкасам и в то же время отмечает регулярные попытки создания украинским переселенцам благоприятных условий для ведения землепользования и занятий торговлей. Подробное исследование деятельности южнорусской приказной избы как органа местного управления изучила Е. В. Камараули[1].

В книге по истории русско-украинских отношений конца XVI – первой половины XVII века белгородский исследователь А. И. Папков проследил непростую борьбу и противоречия, возникавшие в процессе освоения приграничных земель между Россией и Польшей, русскими и украинскими переселенцами, упорядочение роли черкас в формировании воинских гарнизонов русских городов[2]. Автор впервые в нашей историографии поставил эту проблему и дал свою интерпретацию этим сложным процессам. Он же вместе с коллегами подготовил научно-популярный очерк по истории строительства и функционирования Белгородской черты в XVII веке с широкой публикацией картографического материала из фондов Российского государственного архива Древних актов[3]. Осуществлено исследование одного из важных районов Белгородской черты – Болховского участка[4]. В книге отмечено не только строительство и эксплуатация Болховских укреплений, но и процесс заселения уезда, формирование социально-профессиональной структуры населения, состав воевод города и их роль в его функционировании. Новое исследование истории Белгородской черты XVII века, включая процесс формирования оборонительных сооружений городов-крепостей, состояние артиллерии, вооружения, состав гарнизонов, подготовлено белгородскими и московскими исследователями[5].

[1] *Камараули Е. В.* Южнорусская приказная изба как учреждение местного самоуправления во второй половине XVII века. Воронеж, 2009.

[2] *Папков А. И.* Порубежье Российского царства и украинских земель Речи Посполитой. Конец XVI – первая половина XVII в. Белгород, 2004.

[3] *Папков А. И., Петрухинцев Н. Н., Хитров Д. А.* Белгородская черта: история, фортификация, люди. Рыбинск, 2020.

[4] *Жигалов В. М., Бобов А. Г.* Болховской рубеж. Белгород, 2017.

[5] *Жигалов В. М., Курбатов О. А., Швырев Е. В.* Белгородская черта: крепости и гарнизоны. Белгород, 2021. Т. 1–2.

Научно-популярный очерк о колонизации Верхнего Дона представлен в книге елецкого ученого Д. А. Ляпина[1]. Он рассмотрел роль Ельца и Елецкого уезда в процессе заселения Верхнего Дона, а также семейной династии бояр Романовых в освоении степных пространств. Отдельное место в работе заняла роль церкви в этом вопросе. В монографии о городских восстаниях середины XVII века в России, в том числе и на юге страны, Д. А. Ляпин пересмотрел их роль и место в истории России. Он считает эти восстания не элементом классовой борьбы, как это предлагала Е. А. Чистякова[2], а началом процесса социально-политической борьбы за укрепление царской власти, отвечающего идеологии народных масс[3].

Один из авторов этой книги ещё в 1990 году издал небольшое учебное пособие по истории заселения Тамбовского края в XVII–XVIII веках, в котором рассмотрел процессы заселения новой территории и строительство укреплений в двух типичных уездах юга России[4]. В другой монографии исследовался процесс формирования регионального рынка Центрального Черноземья в XVII – первой половине XVIII века как результат заселения и роста экономического освоения территории. В монографии о жизни и деятельности воеводы, стольника Р. Ф. Боборыкина прослеживается его биография, значительный период пребывания его в качестве воеводы Шацка, Тамбова, Яблонова и Козлова на южной окраине Российского государства[5]. Отмечена квалифицированная административная деятельность Р. Ф. Боборыкина в ряде южных уездов, включающая проведение строительных и ремонтных работ укреплений, организацию

[1] *Ляпин Д. А.* На степном пограничье: Верхний Дон в XV–XVII веках. Тула, 2013.

[2] *Чистякова Е. В.* Городские восстания в России в первой половине XVII века (30-40-е годы) Воронеж: Изд-во ВГУ, 1975.

[3] *Ляпин Д. А.* Царский меч: Социально-политическая борьба в России в середине XVII века. СПб., 2018.

[4] *Мизис Ю. А.* Заселение Тамбовского края в XVII – XVIII веках. Тамбов, 1990.

[5] *Мизис Ю. А.* Воевода Московского царства (Р. Ф. Боборыкин на государевой службе). Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2012.

освоения территории, её заселения и формирования сети сельских поселений. Особое место уделяется военной деятельности воеводы по охране границ и отпору татарским набегам.

Важное место в последние годы в истории изучения процессов освоения территории юга России по Белгородской черте занимает ежегодный сборник статей «Белгородская черта». В нем публикуются материалы не только по истории строительства отдельных участков черты, но и рассматриваются различные политические, социальные, экономические, духовные процессы на данной территории[1].

Интерес к процессу заселения и присоединения российских окраин вырос в последнее время, прежде всего, в американской литературе (работы А. Эткинда, С. Белкина, М. Ходорковского и др.)[2]. Они рассматривают этот процесс как формирование фронтирной территории. В частности, одним из первых о южном и восточном фронтирах упомянул известный австрийский ученый А. Каппелер[3]. Специальный труд по истории г. Козлова в первые годы его существования написал американский исследователь Б. Дэвис, в котором особое внимание уделил особенностям воеводского правления на юге России, состоянию служилого населения и подробно описал волнения в крепости в 1648 году[4].

---

[1] Белгородская черта. Вып. первый. Белгород, 2016; Вып. второй. Белгород, 2017; Вып. третий. Белгород, 2018; Вып. четвертый. 2019; Вып. пятый. 2020.

[2] *Эткинд А.* Внутренняя колонизация. Имперский опыт России // Александр Эткинд; авториз. пер. с англ. В. Макарова. – М.: Новое литературное обозрение, 2013; Там внутри. Практика внутренней колонизации в культурной истории России / под ред. А. Эткинда, Д. Уффельманна, И. Куклина. М., 2012; *Stevens Belkin C.* Soldiersonthe Steppe. Armyreformand Socialchangein Earlymodern Russia. Northern Illinois University Press, 1995; *Ходарковский М.* Степные рубежи России. Как создавалась колониальная империя. 1500–1800. М.: Новое литературное обозрение, 2019.

[3] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя. М. 2000; Он же. Южный и восточный фронтир России в XVI–XVIII веках // Ab Imperio. 2003. № 1. С. 47–64.

[4] *Davies L. B.* State Power and Community in Early Modern Russia. The Case of Kozlov, 1635 – 1649. New York, 2004. P. 308.

В целом обзор литературы показывает наличие определенных лакун в изучении проблемы заселения и освоения юга России. В частности, необходимо детально проработать региональные особенности территорий, расположенных вдоль линий укрепления, в том числе конкретную историю заселения Тамбовского края в XVII веке, отдельные вопросы социально-экономического развития региона, особенностей образования городов и городского населения. В настоящей работе предпринимается попытка проследить сложный и многогранный процесс заселения Центрально-Черноземного региона на примере его крупного района – Тамбовского края, а фактически двух уездов: Тамбовского и Козловского. Работа охватывает период с конца XVI – первую четверть XVIII века, т.е. время активного заселения Тамбовщины русскими.

Источники

Для написания книг использовался широкий круг источников. Во-первых, это документы, находящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА) и в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН (Архив СПБИИ РАН). В работе также используются печатные материалы, опубликованные как в дореволюционное, так и в настоящее время. Это, прежде всего, 58 номеров Известий Тамбовской ученой архивной комиссии, выходившие с 1884 по 1918 год. В них, особенно в период руководства комиссии И. И. Дубасовым до 1900 года, публиковались документы из архива Российского министерства юстиции, передаваемые в виде копий сотрудниками архива или сделанные членами ТУАК во время работы в Москве. Здесь встечаются описания крепостей Тамбова и Козлова, полевых укреплений, донесения воевод. Комиссия публиковала и источники из архива ТУАК, собранные в Тамбовской губернии в различных местных государственных учреждениях или переданные частными лицами из семейных архивов. Особенно интересным в этом плане был комплекс документов Шацкого провинциального архива, где хранились документы XVI–XVIII веков, которые в настоящее время находятся в РГАДА, а часть из них оказалась утерянной.

В начале XVII века в Поценье возникает новая административная единица – Верхоценская волость Шацкого уезда. Её образование и функционирование является важным этапом освоения края. Появляется новая система управления территорией, видоизменяется налогообложение населения, и в связи с этим начинают проводиться описания сёл и деревень, входящих в волость.

В РГАДА хранятся копия с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 1623 года о владениях великой старицы инокини Марфы Ивановны в Верхоценской волости[1], а также Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года[2]. В Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН сохранился список 1681 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова 1622 года, который ещё в середине XIX века отослал из библиотеки Тамбовской духовной семинарии в архив Археографической комиссии первый тамбовский краевед С. А. Березняговский[3].

Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года представляет собой перепись бортников селений Верхоценской волости с указаниями бортных ухожьев, которыми владеет бортник, и количества оброка, выплачиваемого каждым бортником. Ценным является также наличие в документе описаний и графических изображений бортных знамен, которыми владели бортники. Объем книги сто восемьдесят пять листов. По нижнему полю документа по слогам через всю книгу идет скрепа: «Воеводы Матвея Федоровича Стрешнева крестовой поп Констянтин по ево веленью руку приложил к сим книжным спискам». Документ выполнен скорописью начала XVII века. Книга сохранилась без начала и без конца, но и имеющихся в ней данных достаточно для анализа системы налогообложения Верхоценской волости.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1.

[3] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291.

Копия с Шацкой писцовой книги Федора Чеботова 1623 года представляет компилятивные выписки, сделанных в конце XVII столетия из разных писцовых книг, таких как: Писцовая книга шацких дворцовых сёл Федора Чеботова 1622 года; Писцовая книга Федора Чеботова 1623 года; Шацкие писцовые бортные книги Федора Чеботова 1631 года; Писцовые книги Богдана Карпова и дьяка Третьяка Копнина 1640 года; Писцовые дворцовые книги, письма и меры стольников князя Василия и сына его Михаила Кропоткиных и подьячего Ивана Кудрявцева 1679–1682 годов. Документ находится в фонде Поместного приказа, в делах, касающихся имений Нарышкиных. Это связано с тем, что часть дворцовых сёл и деревень Верхоценской волости в 1691 году были переданы в поместное владение дяде Петра I и фактическому руководителю правительства России того времени Льву Кирилловичу Нарышкину. В связи с этим были подготовлены копии документов, описывающих Верхоценскую волость в разные периоды XVII века. Книга выполнена скорописью конца XVII века.

В отличие от документа, хранящегося в РГАДА, список 1671 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова – это не компиляция, а аутентичная копия писцовой книги 1622 года. Список выполнен скорописью конца XVII века на четырехста шестидесяти девяти листах. Представляет собой книгу в кожаном переплете. На первом листе имеется запись: «Дорогому брату моему Михаилу Ивановичу Семевскому от П. И. Семевского. Г. Керть. 24 июня 88 г.». Таким образом, документ являлся частью личного архива историка М. И. Семевского и был подарен ему братом Петром. В составе этого архива документ, видимо, впоследствии и вошел в архив Санкт-Петербургского института истории. Подлинники писцовых книг Федора Чеботова не сохранились, вероятно, сгорели вместе с архивом Большого дворца во время пожара Москвы 1812 года.

Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года воеводы Матвея Федоровича Стрешнева и Писцовые бортные книги Федора Чеботова шацких дворцовых сёл и деревень 1622–1623 годов – первые источники, которые позволяют

рассматривать и изучать Поценье с его разнообразным в этническом плане населением, ландшафтом, природными ресурсами.

Указанные писцовые материалы появились в русле масштабного описания земель Московского государства, охватившего практически всю его территорию, и в результате возникновения в начале XVII века крупной административной единицы – Верхоценской волости, принадлежавшей на момент описания матери царя Михаила Федоровича – Ксении Ивановне Романовой (в иночестве – Марфа Иоановна).

Примечателен факт того, что под одним годом – 1622 – появляются сразу два описания волости, на первый взгляд дублирующих друг друга. И в Книге ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева, и в Писцовых бортных книгах Федора Чеботова по селам и деревням Верхоценской волости дается поименный перечень оброчного населения с указанием выплачиваемых налогов и описанием территории хозяйственного ведения каждого плательщика. К сожалению, Книга ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева, как уже говорилось, представляет собой документ без начала и конца и охватывает описание только двенадцати мордовских деревень Верхоценской волости, расположенных вверх по течению Цны. Однако в ней, помимо перечисления вышеуказанных данных, содержатся описания споров между населением относительно владения и использования тех или иных территорий, а также решения по этим спорам.

В Списке 1671 года с Писцовых бортных книг Федора Чеботова 1622 года представлены сорок три населенных пункта Конобеевского присуда и Верхоценской волости (включая десять деревень из описанных в Книге ясачных сборов Матвея Стрешнева), а также несколько сёл и деревень Рязанского, Темниковского и Кадомского уездов, жители которых платили оброк Марфе Ивановне.

Появление параллельных описаний было связано как с особым статусом Верхоценской волости как дворцовой в составе Шацкого уезда с 1631 года, так и с существованием двух администраций – уездной и волостной, функции которых частично пересекались. Здесь необходимо отметить, что до образования Верхоцен-

ской волости, по данным Писцовой книги 1617 года, Шацкий уезд делился административно на три стана – Подлесный, Борисоглебский и Замокошский[1]. Станы были уездными округами и включали в себя множество сёл, деревень и починков, находящихся в поместном и вотчинном владениях.

Говорить об административной самостоятельности стана нельзя, так как он полностью был в ведении уездной администрации, возглавляемой воеводой. В отличие от стана, дворцовая волость являлась единой крупной феодальной вотчиной, принадлежавшей царскому дому. Это была самостоятельная административная единица, имеющая собственное управление в лице приказчика, который формально соблюдал субординацию с уездом, но имел собственную компетенцию на вверенной территории. В Верхоценской волости, вероятно, таким приказчиком в период не позже 1622 и по 1631 год, по всей видимости, был Федор Чеботов. Несмотря на то, что в выписках с писцовых книг 1623 года Федор Чеботов назван писцом[2], круг его полномочий был значительно шире. Вероятно, писцом он был назван уже переписчиками конца XVII века в связи с тем, что его должность нигде в писцовых материалах не упоминалась. Однако в Книге ясачных сборов Матвея Стрешнева Федор Чеботов постоянно фигурирует как лицо, к которому обращаются бортники и мордва за разрешением споров по владению лесными угодьями и который от имени Марфы Ивановны эти споры разрешает: «130 года, генваря, воеводе бил челом, Государыне великой старице иноке Марфе Ивановне, Верхаценские волости Деревни Мутасева мардвин Худячко Серкин... А Федору Чеботову подал челобитною... И... перед Федором Чоботовым мордвин Худячко Серкин, став, сказал, что он в том в долгиннам деле с мордвинам с Беляйкой Лемясевым по купчей записи помирился»[3].

---

[1] Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И. П. Алябьев. Ульяновск, 2014. С. 26–319.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 219.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 8–11.

Таким образом, Федор Чоботов как минимум на протяжении девяти лет занимался управлением Верхоценской волости, проводил описания сёл и деревень, разрешая внутриволостные споры и ведя учет собираемых налогов. Результатом его описаний и являлись писцовые книги. После 1622 года подобные описания проводились, по крайней мере, ещё в 1623 году (возможно, это было продолжение или уточнение масштабного описания 1622 года) и в 1631 году[1].

С другой стороны, Матвей Федорович Стрешнев (отец боярина и воспитателя Петра I Родиона Матвеевича Стрешнева), будучи в 1622 году воеводой, в исполнение своих финансовых функций также организовал проведение описания мордовских деревень Верхоценской волости. Почему воевода проводил описания мордовских деревень и как быть с тем, что по другим документам воеводой Шацка в 1622 году был Степан Караулов?[2] Это было вызвано тем, что, помимо местной администрации во главе с городовым воеводой, существовала практика назначать в уезды или волости для управления мордовским населением специальных должностных лиц – бортничьих и мордовских дел воевод, мордовских голов, в чью компетенцию входили не только чисто фискальные, но и административные, судебные и другие «мордовские дела».

Таким образом, первоначально в административном отношении уезды или волости на территории расселения мордвы имели двойное управление. Например, в Арзамасском уезде в XVII веке существовала уездная администрация с обычным воеводским управлением для русского населения (всех категорий), подчинённая Поместному приказу, и уездная администрация для бортников и мордвы под управлением бортничьих и мордовских дел воеводы с особой Приказной избой, подчинённая Новгородской чети[3].

Матвей Стрешнев и был таким «мордовским» воеводой Шацкого уезда, тогда как городовым воеводой оставался Степан Караулов.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 234.

[2] Там же. Л. 219 об.

[3] *Персидская Н. Ю.* Мордовский голова в системе органов местного управления XVII века. // Вестник мордовского университета. 2014. Вып. 3. С. 88-92.

Таким образом, первоначально в административном отношении уезды или волости на территории расселения мордвы имели двойное управление, что и вызвало появление «двойных» описаний.

Сравнивая две писцовые книги 1622 года в отношении одних и тех же населенных пунктов, можно сказать, что Книга ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева представляет собой более подробное и доскональное описание верхних мордовских деревень. Возможно, это было вызвано как раз тем, что они больше находились в компетенции воеводы, нежели волостного управляющего. И именно поэтому их описание в книгах Федора Чеботова не столь подробно. Так, в Писцовых бортных книгах Федора Чеботова по деревне Мутасево как плательщик оброка числится один человек[1]. В Книге же ясачных сборов Матвея Стрешнева по той же деревне указаны 23 налогоплательщика[2]. Две небольшие по количеству жителей деревни – Ардашева и Княжая вообще не попали в волостное описание Федора Чеботова, но описываются воеводой Матвеем Стрешневым. Нельзя исключать в качестве причины такой разницы то, что писцовые книги Федора Чеботова дошли до нас в виде списка 1671 года, и, соответственно, могла иметь место ошибка или неточность позднейших переписчиков.

Кроме рассмотренных основных источников, необходимо отметить и документы Тамбовской приказной избы – Переоброчные книги на бортные угодья в Верхоценской волости[3]. Переоброчные книги составлялись в период с 1663 по 1666 год в связи с увеличением налога и необходимостью проведения новой переписи бортников, определением новой налоговой базы. Содержащиеся в них сведения часто имеют отсылочный характер на предыдущие переписи. Кроме того, они позволяют выявить динамику развития обложения Верхоценской волости, увидеть влияние массового колонизационного процесса.

---

[1] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 315.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 2.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 3.

Церковная колонизация бассейна Воронежа и Цны нашла свое отражение в документах и грамотах Коллегии экономии[1]. Это не цельный комплекс источников, а отдельные грамоты по ведению бортных владений новыми местными монастырями, споры с мордовскими вотчинниками, обмен владениями. Однако в этих документах встречаются данные не только по экономическому использованию бортных ухожьев, но и по составу населения новых монастырей.

Источниками по истории заселения бассейна р. Вороны являются отдельные документы по поместному владению Д. М. Пожарского. История татарских нападений на междуречье Воронежа и Цны отражена в многочисленных донесениях царских воевод Шацка и Ряжска, а после строительства и Козлова, и Тамбова, в которых они сообщали русскому правительству факты татарских нападений на южную границу России. В источниках описываются меры, принимаемые для их отражения, сюда же относятся сообщения бортников, приезжающих из своих угодий со сведениями о появлении в поле татар.

Отдельно использованы документы по истории создания единой сторожевой службы на юге Русского государства. Это, прежде всего, комплекс документов, подготовленный комиссией князя М. И. Воротынского[2]. Сюда входила Роспись сторожам из украинных городов от польской украины. Она наверняка обобщала опыт сторожевой службы, существовавший в предшествующей эпохе, в том числе из городов Шацка и Ряжска. Другой комплекс документов, связанный с возрождением сторожевой службы после смутного времени, отмечает изменения в размещении сторожевых отрядов[3]. В роспись Шацких и Ряжских сторож 20–30-х годов XVII века вхо-

[1] РГАДА. Ф. 281. Грамоты коллегии экономии. Л. 12123, 12124, 12126, 12128, 12131, 12132.

[2] Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 9–23.

[3] Книги Разрядные. СПб., 1890. Т. 1853; РГАДА. Ф. 210. Книги Московского стола. № 12. Л. 1–52; Книги Денежного стола. № 87. Л. 210–212; Столбцы Белгородского стола. № 25. Л. 138–260.

дили как старые сторожи, так и некоторые новые, то есть использовали опыт предшествующей деятельности сторожевой службы и возможности окраинных городов в организации сторожевой службы. В это время уже делали росписи по отдельным южным городам, то есть фактически единая сторожевая служба постепенно передавалась в распоряжение воеводам пограничных городов.

История строительства и заселения Тамбовского и Козловского уезда XVII века нашла свое отражение в многочисленных актовых материалах. Это писцовые, переписные, дозорные книги уездов. Так, по г. Козлову сохранились переписные книги за несколько лет. По г. Тамбову есть переписная подворовая книга писца князя Василия Васильевича Кропоткина 1676–1678 годов. Она связана с подворной переписью населения в ходе фискальной реформы царя Федора Алексеевича. Это отдельные книги старых и новых сёл Верхоценской волости, которые были созданы по просьбе боярина Льва Кирилыча Нарышкина, получившего её в свою вотчину. Кроме нее, имеется такая же копия книги, присланная тамбовским краеведом С. А. Березнеговским в 40-е годы XIX века в Археографическую комиссию[1]. Оба документа дают подворное описание сёл и деревень Верхоценской волости. Однако в книге РГАДА это только описание поселений Верхоценской волости, а в Архиве Санкт-Петербургского института истории РАН, кроме дворцовых сёл, указаны и поселения служилых людей[2].

Сюда же можно отнести годовые сметные книги городов Белгородского полка, описывающие состояние городовых укреплений. В каждом таком описании за соответствующий год представлена информация по г. Козлову: численность и профессиональный состав служилых людей, наличие артиллерии и боеприпасов к ним.

Важную роль в изучении процессов заселения южных территорий играют различные документы местной администрации.

[1] *Алленова В. А., Мизис Ю. А.* История Тамбовского краеведения (XIX – 30-е гг. XX в.). Тамбов, 2002. С. 16.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. № 6034; Архив СПБИ РАН К. 115. Оп. 1. Д. 291.

К ним относятся отписки воевод, которые должны были регулярно описывать обстановку в своих уездах и на пограничной территории, прежде всего по отражению татарских набегов, докладывать о своей повседневной деятельности. Другую группу документов представляют челобитные населения уездов, в основном служилых людей, в которых они сообщали о различных своих проблемах по службе и хозяйственной деятельности.

Достаточно многочисленная группа документов связана с разбором конфликтных случаев и ведением судебного разбирательства. В распросных речах свидетелей и обвиняемых прослеживаются факты повседневной жизни населения пограничных окрайн России. Однако недостатком таких документов является частое отсутствие окончательного решения вопроса, так как оно выносилось в московских приказах. Большой объем документов связан с правительственной перепиской и местными воеводами. Сюда входили ответы на челобитные, правительственные распоряжения, передача важной информации. В этих документах прослеживается государственная политика в области заселения и освоения пограничной территории, формирования социальной структуры пограничных уездов. Таким образом, имеющиеся источники позволяют достаточно подробно осветить процессы, происходящие в Козловском и Тамбовском уездах в период их активного заселения и освоения.

Глава первая.

ЗАСЕЛЕНИЕ КРАЯ РУССКИМИ ДО 1635 ГОДА

1.1. ГЕОГРАФИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТАМБОВСКОГО КРАЯ

Процесс заселения окраин русского государства тесно связан с проблемой взаимодействия человека и природной среды. Выбор места строительства городов, сельских поселений, укреплений, хозяйственная деятельность человека в период феодализма во многом зависели от природных условий, активно стимулирующих жизнедеятельность человеческого общества. Сюда входило наличие лесов, водных, земляных и пищевых ресурсов. Поэтому мы представим краткую характеристику географических условий территории Тамбовского края[1], на которую со второй половины XVI века начали активно переселяться русские.

Тамбовский край занимал северную часть Окско-Донской низменности, которую известный русский географ В. П. Семенов-Тян-Шанский назвал Тамбовской равниной. Она имеет плоский, как поверхность стола, рельеф, с незначительными колебаниями высот. Если северную половину Тамбовской области в древности покрывали леса, составлявшие до 50 процентов всей её площади, то южная включала сплошную степь с небольшими островками редких лесов. Специфичной особенностью растительного покрова Тамбовского края является мощный лесной массив правобережья Цны. Цнинский лес, словно узкий кинжал, глубоко вклинивается в зону лесостепи, создавая исключительно благоприятные условия для заселения. Начинаясь от левого притока Цны р. Липовицы, он протянулся широкой полосой до Шацка и далее сливается с непроходимыми

[1] Под Тамбовским краем в XVII в. мы понимаем территорию Тамбовского и Козловского уездов.

лесами Мещёры. Цнинский бор давал человеку разнообразные пищевые продукты, предоставлял надежное убежище от набегов кочевников, служил основным поставщиком строительного материала и топлива. Видовой его состав включал сосну, дуб, березу, осину, ольху, причем первые три вида широко использовались при строительстве и ремонте укреплений и жилья. Лес служил основным видом топлива в зимнее время. Другие лесные массивы, гораздо меньше Цнинского, располагались вдоль рек Лесной Воронеж, Матыра, Челновая, Ворона. Именно здесь, под защитой лесных участков, и возникли первые русские поселения. Малая заселенность Поценья в XVI веке давала широкие возможности заниматься бортным промыслом, одним из главных видов занятий местного населения.

Другим важным условием возникновения населенных пунктов в древности служила вода. Она использовалась для приготовления пищи, водопоя скота и орошения огородов. По территории Тамбовской области проходил водораздел двух крупных речных бассейнов: Волжского и Донского. Тихая, ласковая Цна, имевшая длину до 451 км и множество притоков, относится к Волжскому бассейну. Только рек длиной более 10 км, впадающих в Цну, насчитывается более 140. Другая группа рек – Воронеж, Матыра, Битюг, Хопер, Ворона – относится к Донскому бассейну. Таким образом, разветвленная речная сеть создавала благоприятные условия для возникновения населенных пунктов, обеспечивала водой население и скот, давала возможность добычи рыбы, способствовала развитию путей сообщения.

Основной массив населенных пунктов издревле располагался вдоль берегов р. Цна. Правый берег на протяжении всего русла оставался лесным, а левый берег в значительной мере находился в степной зоне. На первом этапе заселения края расположение населенных пунктов определялось основными занятиями местного населения мордвы-мокши: бортничеством, охотой, рыбной ловлей, а также угрозой постоянных татарских набегов. Они предопределили характер формирования поселений, которые в основной массе располагались на правом лесном берегу Цны. Это позволяло мордве использовать лес как зону своей хозяйственной деятельности

и как традиционное укрытие от набегов кочевников. Глубина залегания грунтовых вод – 4–6 м создавала длительное время слабую возможность их использования. Города-крепости располагались на возвышенностях, и снабжение гарнизона водой на случай осады оставалось серьезной проблемой[1]. Для получения воды на случай возможной осады в крепостях делался тайный подземный ход от одной из башен к реке. Однако длительное время эксплуатации таких ходов приводило к их разрушению. Как показывают источники XVII века, выкапывание колодцев на большую глубину оставалось уделом специалистов – колодезных мастеров, о чем пойдет речь в дальнейшем. На юге России их было немного, и эту проблему приходилось решать через центральные приказы. Поэтому основным источником питьевой воды оставались на протяжении всего рассматриваемого периода естественные открытые водоемы.

Климатические особенности XVI–XVII веков связаны со временем малого оледенения, когда климат на среднерусской равнине стал более суровым, а сроки сельскохозяйственных работ сжатыми[2]. Значительная часть северных территорий Русского государства той эпохи размещалась в зоне вечной мерзлоты, что создавало дополнительные трудности для аграрных занятий. Поэтому включение в состав Русского государства Казани и Астрахани, уход из степей Большой орды благоприятно сказались на политической ситуации для освоения лесостепных просторов юга России. Климат Тамбовской области – умеренно-континентальный с суммой положительных температур +10 и в среднем 500 мм осадков в год[3]. Всё это создавало гораздо более благоприятные условия для дальнейшего освоения края русскими людьми, которые устремлялись сюда из разных центральных уездов страны.

---

[1] *Дудник Н. И.* Природа Тамбовского края (Популярные географические очерки). Тамбов, 2020. С. 16.

[2] *Волкова М. А., Кужевская И. В.* Исторические и современные изменения климата. Томск, 2010. URL: http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/meteorology/publications/Истор_и_совр_изменения_климата/index.html

[3] Там же. С. 10–11.

Главным богатством Тамбовского края, манившим сюда русских переселенцев, оставалась земля. Плодородные тучные черноземы издавна привлекали человека. В настоящее время трудно восстановить точную структуру почв девственных тамбовских степей. В какой-то мере этот пробел может восполнить изучение почвы, сохранившейся под Козловским и Тамбовским валами[1]. Земляные насыпи законсервировали почву степей до активного освоения её человеком в первой трети XVII века. Исследование московских почвоведов в 2011 году позволяют судить о структуре девственных степных почв[2]. Толщина гумусного наиболее плодородного слоя составляла в отдельных местах 120–140 см. Именно плодородный чернозем издревле манил сюда русских переселенцев, основным занятием которых оставалось земледелие. Лесостепные черноземные ландшафты Тамбовской области подверглись различного рода социально-экологическим воздействиям, в том числе и опустошительным набегам кочевников на южные рубежи Российского государства в XVI–XVII веках, что сдерживало процессы заселения и освоения территории.

Начало строительства укрепленных линий Белгородской и Тамбовской черт привело к широкой порубке лесов и быстрой распашке девственной лесостепи. Поэтому небогатая полезными ископаемыми Тамбовщина с самого начала её заселения была сориентирована на сельскохозяйственные и охото-промысловые занятия.

---

[1] См.: Окско-Донское плоскоместье. Воронеж, 1976. С. 154. Анализ почвы под Тамбовским валом, выполненный тамбовским географом Н. И. Дудником, показывает толщину лишь гумусного горизонта в 110 см, а общую толщину почвенного слоя – до 2 м. В настоящее время произошло почти двойное его сокращение на соседних полях.

[2] *Канищев В. В., Ковалева Н. О., Ковалев И. В.* Историческое почвоведение Тамбовской области: первые результаты исследований // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2012. № 6. С. 1541–1547; *Ковалева Н. О., Канищев В. В., Самохина О. И., Ковалев И. В.* Антропогенная эволюция ландшафтов Тамбовской области в историческое время // Вестник Тамбовского университета. Серия: Естественные и технические науки. 2017. № 1. С. 126–135.

1.2. НАЧАЛО ОСВОЕНИЯ КРАЯ РУССКИМИ ПЕРЕСЕЛЕНЦАМИ

Благоприятные природно-климатические условия Тамбовского края способствовали сравнительно раннему освоению его людьми. Человек появился здесь с эпохи позднего палеолита, и с каждым новым периодом степень его воздействий становилась всё более интенсивной. Находясь на границе леса и степи, Тамбовщина неоднократно становилась ареной столкновения степного кочевника с оседлым земледельцем. В первом тысячелетии нашей эры в бассейне р. Цны из местных финно-угорских племен сформировалась новая народность – мордва-мокша. В VIII веке часть мордвы-мокши из Верхнего Посурья уходит на северо-запад в Цнинско-Мокшанское междуречье и активно заселяет его[1]. Мордовские племена надолго стали основным населением края. Многочисленные мордовские могильники и поселения домонгольского времени дают представления о быте и занятиях мордовского народа, обычаях, верованиях. Мордовские племена занимались скотоводством, рыбной ловлей, бортничеством, охотой, частично земледелием, различными кустарными ремеслами. Земледелие у мордвы не занимало важного места, однако соседство со славянским и затем русским населением позволяло перенимать опыт. Об этом говорит наличие в небольшом количестве железных серпов и матыжек[2].

---

[1] *Вихляев В. И.* Расселение мордвы в III – начале XIII вв. // Поволжская археология. 2013. № 2 (4). С. 166.

[2] Материалы по истории мордвы XVIII–XI вв. Дневник археологических раскопок П. П. Иванова. Моршанский краеведческий музей. 1952. С. 203. Таблица XIX; *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX–XI века. М., 2007. С. 43.

Цнинская мордва поддерживала торговые, экономические, культурные связи со своими соседями, в том числе и со славянами-вятичами, проживавшими на Рязанщине. В период ещё до монголо-татарского нашествия усилилось влияние древнерусских княжеств, прежде всего Рязанского в Поценье и недолго просуществовавшего Пронского, на западную часть Тамбовщины. В бассейне р. Воронежа возникли русские поселения и даже небольшие городки[1]. Раскопки последних лет позволили значительно удревнить начало появления древнерусского народа на территории Тамбовского края. В верховьях Цны и междуречья Цны и Воронежа обнаружено несколько поселений и крепостей домонгольского типа. Вероятно, общая угроза для мордвы-мокши и Рязанского княжества со стороны степи заставила их пойти на компромисс и создать цепь русских укрепленных городков, с юга прикрывших тамбовские земли[2].

Страшное опустошительное нашествие орд Батыя в начале XIII века огненным вихрем прокатилось по Русской земле и привело к ликвидации очагов заселения по Воронежу, резкому сокращению мордовского населения, частично уведенного в рабство или насильственно включенного в армию завоевателей. Однако Тамбовский край не превратился в XII–XIV веках в полностью безлюдную территорию, «дикое поле», как это показывают некоторые исследователи. О наличии в Поценье местного населения говорят многочисленные источники. В XII–XIV веках крупные княжества, такие как Рязанское, продолжили освоение лесостепи юга Руси, одновременно

---

[1] В начале XII в. на р. Воронеж существовало несколько небольших городков. Именно сюда бежал после поражения в битве на р. Колокше от владимирского князя Вселовода один из рязанских князей Ярополк. Исходя из этих данных, идет давний спор, где находился городок Воронеж. Так, по мнению В. П. Загоровского, городок с возможным названием Воронеж находился на территории современного Липецка. Другая точка зрения состоит в том, что речь идет не о городке, а о реке, где находилось несколько городков, возможно, один из них и имел название Воронеж. См.: *Винников А. З., Синюк А. Т.* Дорогами тысячелетий. Воронеж, 2003. С. 235–238.

[2] *Андреев С. И.* Никольское городище: монография. Тамбов, 2013. С. 14–98.

шло крестьянское освоении новых территорий из русских земель. В этот период верховья Воронежа и Цны стали активно осваиваться русскими. Об этом говорят находки раннерусских поселений в районе с. Никольского Знаменского района, Красного городища в Мичуринском районе. Особый интерес вызывают поселения русских в районе с. Ярок, Казинки, Гаритова Мичуринского района, где в начале XVII века появятся новые русские сёла и деревни[1]. «Великая замятня» в Золотой орде привела к усилению конфликтов мира кочевников и землевладельцев. Междоусобицы внутри кочевников, способствовали несанкционированным нападениям на соседей – мордву и русских. Русские ликвидировали в верховьях Воронежа и Цны свои поселения и переместились в более безопасные северные лесные районы, а мордва частично покинула свои прежние поселения по правому берегу Цны.

В XIV–XV веках начался процесс объединения русских земель вокруг Москвы и образования единого централизованного государства, который втянул в свое центростремительное движение и такие далекие окраины, как Тамбовская земля. Начало раздробленности, междоусобицы привело к постепенному ослаблению влияния золотоордынских ханов. Так называемые мордовские князья местного и татарского происхождения попадали во все большую зависимость от Рязани и Москвы. Победа русского войска на Куликовом поле в 1380 году ещё более ускорила этот процесс.

Цнинская мордва конца XIV века, как видно из русских договорных грамот, считалась уже данником рязанских князей. О русских людях в бассейне Цны в этот период источники умалчивают. Однако грамота строителям Шацкого Черниева монастыря от 1583 года сообщает о старинной русской церкви, стоящей здесь без «пения» сто лет[2]. Данный факт косвенно свидетельствует о наличии русского населения в среднем течении Цны во второй половине XV века. Из грамоты митрополита Киевского о пределах Рязанской епархии отмечается её граница с Сарайской епархией

[1] *Андреев С. И.* Никольское городище. Тамбов, 2013. С. 151–157.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 3. С. 17; РГАДА. Ф. 181. Кн. 680. Л. 32.

по р. Великая Ворона[1]. Автор поданной «сказки» козловский священник посчитал, что знаменитый Червленый Яр находился в 30 верстах ниже устья р. Воронежа и жильцы, приезжая на это место, «того не ведают»[2]. Другой Червленый Яр он локализовал на р. Хопре в устье р. Савала. В целом современная историография локализует территорию Червленого Яра в районе междуречья Хопра и Дона. Долгое время эта территория была зоной заселения казаков как православного вероисповедования, так и выходцев из мусульманских народов.

Мы предлагаем выделить несколько этапов освоения лесостепного региона.

1-й период: вторая половина XVI – 1634 год. Распад Большой орды и уход кочевников на юг. Присоединение Казани к Российскому государству, строительство г. Шацка (1553 г.), Воронежа (1585 г.), Ливны (1585 г.), Ельца (1592 г.), Белгорода (1596 г.), Курска (1596 г.), которые стали опорными пунктами русской колонизации региона. В бассейне Цны находилась цнинская мордва-мокша, которая прослеживается здесь с VI века н. э. Она продолжала здесь жить и после татаро-монгольского нашествия. Важным стратегическим фактором развития этой местности являлось наличие старинной торговой Одобазарной дороги из нижнего Поволжья до Москвы.

2-й период: 1635–1696 годы. Строительство крепостей по Белгородской и Тамбовской чертам, формирование Тамбовского и Козловского уездов, активное заселение территории служилыми людьми и дворцовыми крестьянами, широкое аграрное освоение северной части края. Монастырское освоение терррритории Поценья и р. Лесной Воронеж. Продолжение промыслового использования территории вплоть до Хопра.

3-й период: с 1696 по 20-е годы XVIII века. Время освоения и заселения южной территории от старой линии укреплений, строительство городов Борисоглебска и Павловска, возникновение новых

[1] РГАДА. Рукописное собрание библиотеки МГАМИД. Ф. 181. Л. 12.

[2] Там же. Л. 13; *Шенников А. А.* Червлёный Яр. Исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV–XVI вв. – Л.: Наука, 1987.

сельских населенных пунктов, быстрое включение в сельскохозяйственный оборот новых земель. Активное участие в этом процессе однодворцев, крупных русских монастырей и дворян.

Одним из важных этапов освоения территории Поценья послужил формальный акт включения в 1521 году давно попавшего в вассальные отношения к Москве Рязанского княжества. Он ознаменовал собой юридическое присоединение земель Тамбовского края к Русскому государству. Германский посол в России С. Герберштейн называл в 1526 году мордву данниками Московского государя, правда, речь шла о более восточной от Тамбовщины мордве[1]. Важную роль в освоении южных степных границ русскими сыграл уход отсюда Большой орды. Это татарское объединение играло решающую роль продолжателя дела Золотой Орды. Хан Ахмат, возглавлявший Большую орду в стоянии на Угре в 1480 году, потерпел поражение и по возвращении домой был убит. Его преемники начали ожесточенную борьбу за власть, что привело к резкому ослаблению Большой орды. А их борьба с Крымским ханством за первенство в регионе закончилась в 1502 году победой Крыма и практическим распадом Большой орды, остатки которой ушли на юг.

Несмотря на закат Золотой Орды, падение татарского ига, угроза со стороны кочевников сохранилась. Особую опасность для Московского государства представляли Казанское и Астраханское ханства, так как были расположены вблизи его восточных и юго-восточных рубежей. Кроме того, речь шла о контроле за важнейшим торговым волжским путем. Поэтому взятие войсками Ивана IV в 1552 году Казани, а позднее в 1556 году Астрахани привело к изменению политической ситуации на южных и восточных рубежах страны. Сложилась благоприятная обстановка для освоения значительных территорий лесостепной зоны, что повлекло возникновение новых городов и сел.

Одним из первых результатов казанского похода явилось строительство на левом притоке Цны р. Шаче нового города. Он был основан весной 1553 года служилыми людьми под руководством вое-

[1] *Герберштейн С.* Записки о московитских делах. СПб., 1908. С. 103.

воды Бориса Сукина, а охрану строительных работ несли служилые люди во главе с князем Дмитрием Шестуновым и Степаном Сидоровым. Уже в Ильин день в Шацк назначили своего воеводу князя И. Ф. Мезецкого с мещерянином Строем Лачиновым[1]. Крепость на р. Шаче стала форпостом колонизационных процессов в Поценье. В 1573 году недалеко от Шацка на р. Цне был заложен мужской Чернеев монастырь. Строительство нового города и возникновение Шацкого Чернеева монастыря сыграли важную роль в заселении бассейна Цны, способствовали правительственной и вольной колонизации, а также христианизации местного населения.

Появление на юге России нового города поставило вопрос о дополнительных укреплениях южной границы. Ещё в 1520–1530-х годах вдоль Оки возникла новая линия укреплений, куда вошли крепости Козельск, Калуга, Серпухов, Коломна, Муром, Нижний Новгород. Южнее строилась линия фортификационных сооружений между городами Новгород-Северский, Путивль, Мценск, Пронск. В основе этих укреплений лежали засеки, то есть лесные завалы в глубине лесов. Строители по максимуму использовали большие лесные массивы. Именно на основе этих укреплений и возникла Большая засечная черта[2]. Она протянулась на несколько сотен километров от брянских лесов до Переяславля-Рязанского, проходя в восточной части основного участка параллельно Оке и дублируя её как оборонительный рубеж. Основными крепостями на Большой черте являлись: Белёв, Одоев, Козельск, Болхов, Крапивна, Тула, Венёв, Ряжск и Сапожок. После строительства Шацка появился участок Большой засечной черты на юго-востоке от Скопина до Шацка. Он защищал рязанские земли и проход к Москве с юго-востока. В целом строительство Большой засечной черты было закончено в 1566 году.

Важную роль в заселении Поценья сыграли укрепления Шацка. К сожалению, описания Шацких засек XVI века не сохранились. Имеется краткое описание Шацкой засеки от 1622/23 года.

[1] Разрядная книга 1550–1630 гг. М., 1975. Вып. 1. С. 25.

[2] *Яковлев А. И.* Засечная черта Московского государства в XVII в.: Очерки из истории обороны южной окраины Московского государства. М., 1916.

Воевода Иван Юрьевич Плещеев был послан сюда, чтобы «ставить голов на засеки» и распределить служилых людей для ее охраны[1]. Речь шла об охране вотчины матери царя Михаила Федоровича Марфы Иоановны, владелицы Верхоценской волости. Воеводе поручалось выставить на Шацкую засеку уездных людей и назначить им голов для охраны от набегов татар «воинских людей». Их надо было поставить под «кривою липою» около с. Конобеево, тогдашнего административного центра Верхоценской волости. Речь шла о беломестных казаках с. Конобеева, «чтобы они стояли на засеках крепко и усторожливо». Воеводе поручалось отписать в Москву информацию о количестве беломестных казаков на засеках и сколько их раньше там стояло. Беломестные атаманы, есаулы и казаки размещались в с. Конобеево с целью обороны Шацких засек. За службу они получали кормовое денежное жалование. Так, в 1631 году за период с марта по август выдали жалование атаманам – 11, есаулам – 7, казакам – 6 алтын[2]. В 1632–1636 годах выдача кормового жалования проходила в таких же суммах, а в 1636 году эти суммы получали уже 95 человек.

Сохранилось описание укреплений 1625 года. Это дозорные засечные книги Пушкарского приказа Кузьмы Костошного и подьячего Василия Гаврилова[3]. Шацкая засека начиналась от Кадомской засеки в районе Мастичного и Чебрынского болот и шла до г. Шацка по р. Шача на расстоянии 42 верст. По другую сторону Шацка от Пятницкой горы до Ряжской Липской засеки и р. Пары – 133 версты 161 сажень. Общая длина Шацкой засеки составила 175 верст 161 саж. Поперек заповедный лес имел в разных местах от 2 до 8 верст. Руководили этой засекой засечные воеводы, а проверяли специальные дозорщики Пушкарского приказа.

Сохранилось описание Щацких укреплений 1676 и 1678 годов, скорее всего, усиленные дополнительными сооружениями

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского ст. № 10. Л. 387–389.

[2] Материалы по истории Шацкого уезда. XVII век. Шацк, 2013. Вып. 1. С. 30–45.

[3] ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 27. С. 93–94.

после включения их в общую систему укреплений Русского государства XVII века как продолжение Тамбовской черты и соединение с Нижне-Ломовскими и Верхне-Ломовскими[1]. Можно предположить, что основные направления этих укреплений сохранялись ещё с XVI века. После строительства Тамбова в 1636 году была сформирована Тамбовская черта, которая от р. Челновая шла на юго-восток до Кузминой Гати, а от нее резко поворачивала на север вдоль р. Цна. Её восточным флангом являлся большой Цнинский лес. Он доходил до Шацких укреплений и включал старые засеки.

Описание шацких укреплений начинается от Кривой Поляны с дубом и далее вниз по левому берегу р. Шача до Казачьего острога, затем до Панковской прорехи, где имелся естественный проход через лес. В XVI веке здесь находился деревянный острожек, а в XVII веке появился земляной вал с башней. Далее засека шла по лесу на правом берегу р. Шача через населенные пункты, которые появились в XVII веке: д. Пролом, Карнаухово, Панская, с. Калтырино, Яковлевское, Дуткино, Подысаково, Олеево, Голенищево, д. Петино, с. Волкового, Карабутина, Путятино, Тимошкино до берега р. Пары. Всего длина Шацкой засеки составила 90 верст, а поперек, в ширину, около Панковской прорехи в полверсты, в районе Пролома – версту. Переписчик отмечал отсутствие засеки с полевой стороны от Кривой Поляны по р. Пара до замка Липские. Таким образом, видно, что в общую линию укреплений вошли восточные от Шацка сооружения. Западная часть старых засек от города потеряла свое значение после строительства тамбовских полевых укреплений.

По засеке размещались засечные сторожа, которым за службу выдавали «государево жалование». В 70-е годы XVII века каждому засечному сторожу полагался земельный надел от 10 до 20 четвертей в поле и сенные покосы по 6 копен[2]. Проверяющие обратили внимание на сторожей, которые не послушались этого предложения, ссылаясь на отсутствие грамоты из Стрелецкого приказа, которому они подчинялись. У них, оказывается, обнаружились копны

[1] ИТУАК. Тамбов, 1890. Вып. 27. Л. 68–75.

[2] При трехпольном земледелии нормы надо утраивать.

от 100 до 200 штук. То есть без четкого контроля засечные сторожа могли прирезать себе дополнительные сенные покосы и новые предложения им не импонировали.

В конце XVI века русское правительство активизировало южное направление своей политики, что было связано не только с потребностями обороны, но и с необходимостью дальнейшего экономического развития страны. Строятся новые порубежные города: Воронеж (1585 г.), Ливны (1585 г.). Елец (1592 г.), Белгород (1596 г.), Курск (1596 г.). В это время при царе Борисе Годунове рассматривались планы строительства новых городов на южных рубежах страны. В русле этих идей, как это явствует из более поздних документов, рассматривалась так и не осуществленная идея Бориса Годунова строительства нового города на Урляповом городище. Городище располагалось в районе слияния рек Польного и Лесного Воронежей, где в 1635 году планировалось заложить г. Козлов.

Глубокий экономический и политический кризис конца XVI – начала XVII столетия приостановил политику правительственного заселения окраин. События «смутного времени», польско-шведская интервенция, восстание И. Болотникова в какой-то мере повлияли на интенсивность проникновения русского крестьянства на далекую степную окраину, но полностью не остановили этот процесс. Восстановление политического единства страны, укрепление централизованной власти после избрания на престол М. Ф. Романова, общий экономический подъем 20-х годов XVII века создали благоприятную ситуацию для нового этапа широкого заселения юга России.

1.3. ЗАСЕЛЕНИЕ БАССЕЙНА Р. ВОРОНЕЖ

Важный очаг оседлости в крае возник на р. Воронеже. Местные земли вплотную подходили к старым Ряжскому и Лебедянскому уездам. Здесь господствовал тип поместно-вотчинного хозяйства. Помещичья и монастырская колонизация проникла достаточно далеко в степные районы юга России. Накануне строительства г. Козлова в непосредственной близости от него на реках Воронеж и Матыра существовало несколько групп населенных пунктов. В 1636 году козловские воеводы получили разрешение правительства приписать к новому городу сёла и деревни, расположенные от него в радиусе 50 км, что давало возможность привлекать отсюда даточных людей на строительные работы.

В бассейне р. Воронежа уже существовали крупные вотчины и поместья, принадлежащие светским и духовным феодалам. Герой освободительной войны русского народа от польских интервентов князь Д. М. Пожарский получил, вероятно после воцарения Михаила Федоровича, на р. Воронеже, в 15 км от будущего места строительства г. Козлова, вотчину из с. Гаритова и д. Ярок, Казинки и Торбеево. Русские люди вернулись на свои древние поселения, существовавшие здесь ещё в XII–XIV веках.

По окладным книгам Ряжского уезда 1631 года указывалось наличие рыбных ловель и бобровых гонов по р. Воронеж и от устья р. Ловая (Иловай) до р. Сестренки[1]. Они принадлежали крестьянам с. Гаритова Афонасью Иванову с товарищами, которые платили за них 4 руб., 12 алт., 0,5 д. При строительстве Козлова эти вотчины передали Троицкому монастырю.

[1] ИТУАК. Тамбов, 1889. Вып. 25. С. 52–53.

Западнее владений Д. М. Пожарского по р. Воронеж располагались поместья братьев Вельяминовых, И. Бобрищева-Пушкина, вотчины Чудова и Ново-Спасского монастырей. Таким образом, вблизи г. Козлова находилось 16 сёл и деревень, в которых насчитывались 861 двор крестьян и 76 дворов бобылей. Кроме владений Д. М. Пожарского, здесь встречались такие населенные пункты, как Ратчина Поляна, Каликино, Доброе Городище, Хомутец, Богородицкое, Ладыгино, Семеновка, Буховая, Панино, Тафино и другие. Они до 1636 года входили в Лебедянский и Ряжский уезды. Учитывая, что помещичье освоение окраинных земель всегда в XVI–XVII веках шло за крестьянами, то можно смело говорить о начале вольного заселения этого района уже в конце XVI века.

1.4. МОНАСТЫРСКОЕ ОСВОЕНИЕ ПОЦЕНЬЯ И БАССЕЙНА РЕКИ ЛЕСНОЙ ВОРОНЕЖ

Значительную роль в заселении Тамбовского края сыграли монастыри. Не имея серьезной конкуренции в лице дворян, монастыри на юге страны в короткий срок превращались не только в центры миссионерской деятельности и духовной жизни округи, но и в феодальных вотчинников, обрастая землями, сёлами и деревнями, бортными ухожьями. Наряду с миссионерскими функциями по крещению нерусских народностей, монастыри получали свободные земли, призывали на них переселенцев, выделяя земельные наделы, орудия труда, скот, обеспечивая бортными ухожьями. Они являлись идеологическим оплотом государства и одновременно активными участниками колонизационных процессов освоения окраин.

Дворцовая Верхоценская волость, на территории которой возникали тамбовские монастыри, первоначально по традиции подчинялась приказу Казанского дворца. Вся переписка шла через владелицу волости инокиню Марфу Иоановну, а спорные дела решались в приказе. После смерти Марфы Иоановны 26 января 1631 года Верхоценскую волость передали в подчинение Приказу Большого дворца и записали в дворцовое ведомство. Это произошло по грамоте 13 февраля 1631 года, по которой всех крестьян с их имуществом и владениями передали в государеву собственность под руководством окольничего, князя Алексея Михайловича Львова, который с 1627 по 1647 год возглавлял Приказ Большого дворца[1].

[1] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 353. Л. 1.

Николо-Чернеев монастырь

Начало монастырскому освоению Поценья положил Николо-Чернеев монастырь, основанный в 1573 году[1]. В писцовых мещерских оброчных книгах мещерина Морозова от 1564 года написано, что за Шацкими воротами между двумя речками Вечкасово «на Осинском истоке» за Иваном Просондеевым находится земельный участок в 100 четвертей в поле с «доброй землей»[2]. За нее выплачивался оброк в полтину. В 1583 году Мамышева поляна стояла «пуста» уже 15 лет и старец Матвей просил передать её в Чернеев монастырь.

11 февраля 1583 года мордовский приказчик Юрий Дуров по просьбе попа Матвея с братьею передал монастырю Мамышеву поляну с сенными покосами, так как за 15 лет до этих событий умер её последний владелец новокрещен Иван Просондеев, то есть бывший мордвин, принявший христианство. Старец Матвей просил разрешение рубить здесь лес для монастырских строений. Ю. Дуров выдал такое разрешение и потребовал обеспечить охрану монастыря и его насельников от «мордвы и сторонних людей».

Здесь же стояла деревянная ветхая церковь без службы. По рекомендации рязанского архиепископа Леонида вместо старой церкви, которая стояла «без пенья ветха много лет», была поставлена новая в честь святителя Николая Чудотворца, а рядом с церковью устроили монашеские кельи[3]. Всё это способствовало становлению новой обители, а иеромонах Матвей (по легенде донской казак Матвей) стал настоятелем нового монастыря.

Местное мордовское население отрицательно отнеслось к появлению на их землях на правом берегу Цны христианской обители, видя в монахах угрозу их верованиям и хозяйственной деятельности. Матвей окрестил 15 человек из мордвы, пятеро из них поселились в его пустыне. Однако соседняя мордва сожгла монастырский

[1] *Ситковский Р. П.* Николаевский Чернеев монастырь. ИТУАК. 1886. Вып. 11. С. 4–5.

[2] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 17–18.

[3] Там же. С. 14–15, 17–18.

пчельник и не разрешала рубить лес, угрожая братии разорением и изгнанием. Видно, что в первые годы существования монастырь находился в весьма враждебном окружении, опираясь в основном на правительственную поддержку.

В 1583 году донские казаки выпросили себе право «на вечное прибежище и на строение, а старым и от ран увеченным постригаться в том монастыре»[1]. То есть монастырь выступал и в роли богодельни для донского казачества в старости. Казаки также могли приезжать на богомолье и жить некоторое время в монастырских строениях. По всей видимости, монастырь потерпел убытки в период смутного времени. В 1601 году, как написано в документах, монастырь был возрожден иеромонахом Матвеем, то есть он был частично разрушен какими-то событиями. Поэтому в старых грамотах он назывался «Матфеевою пустынью». Монастырь спасал ещё в 1601–1602 годах крестьян от смуты, сумев привлечь к себе голодающих беглецов. Нет данных о состоянии монастыря во время осады Шацка осенью 1613 года войсками Заруцкого. Однако во время прихода черкас из Ельца в 1617 год в Шацкий уезд, они сожгли укрепления Шацкой крепости, одновременно пострадали и строения Старо-Чернеева монастыря[2].

В грамоте 1622 года, выданной царем Михаилом Федоровичем, отмечается старая грамота царя Федора Иоановича на земельные владения. Упоминается первая грамота от 1613 года, данная при восшествии на престол самим Михаилом Федоровичем и затем подтвержденная грамотой 1622 года от имени царя и патриарха Филарета. В ней указывалось месторасположение монастыря: Подлесный стан Шацкого уезда на р. Цне, а также его полное название – Рождества Пречистой Богородицы и великого чудотворца Николы и преподобных отцах Зосимы и Соватея Соловецких чудотворцев, Матвеевой пустынь[3].

---

[1] ИТУАК. № 54. Тамбов, 1911. С. 94.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 12. Л. 326–327.

[3] Российская национальная библиотека (далее РНБ). Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 1 и 1 об.

Монастырь богател преимущественно за счет вкладов донских казаков. Возвратившись из похода, они просили у круга Войска Донского разрешение на богомолье, «обещаясь помолиться в Москве Московским чудотворцам и великому чудотворцу Николаю в Чернеевском монастыре». Поездки в Чернеев монастырь донских казаков в это время являлись обычным делом и часто сопровождались ценными вкладами.

Первоначально хозяйственная деятельность монастыря развивалась за счет приобретения в собственость бортных ухожей. В 1586 году Чернеев монастырь получил в свое безоброчное владение рыбные ловли в Осинском ухожее на р. Цне в районе Ораксинского и Осинского озер. Настоятель Матвей обратился на имя государя Федора Иоановича с просьбой о закреплении за ним рыбных ловель, которые он арендовал у местной мордвы во главе с Мельсипом Шендановым. Здесь упоминались тарханы Семена Мамышева и оброк Кирдяя Оборева[1]. Общая сумма оброка с них составляла 15 алтын в год. Аргументы Матвея на получение новых ухожей сводились к новому месту обители, отсутствию у нее вотчин, необходимости расходов на свечи и ладан. Ответ пришел от дьяка Андрея Щелкалова и мордовского приказчика Верхоценской волости Василия Акинфова. Они потребовали от шацкого воеводы передать безоброчно указанные ловли монастырю.

В 1603 году уже при другом настоятеле – игумене Кирилле передача этих ловель была вновь подтвержена[2]. К уже имевшемуся бортному ухожею на Цне добавились по р. Челновая и бортный, и рыбный ухожей на Вороне и в районе речки Камлык и «Телиормансκого» леса[3] при впадении в Хопер р. Воронеж[4]. Оброк с ухожей прежних владельцев составлял 3 пуда 13 гривенок меда и куницы, с рыбных ловель Челновой и Вороны водяного оброка платили

[1] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 15, 19–20.

[2] Там же. 22–23.

[3] Известный Теллермановский лес, использовавшийся впоследствии Петром I для строительства караблей.

[4] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 24–25.

9 алтын, а с Хопра 1 руб. То есть с бортного промысла платили натуральный оброк медом, с возможности охоты – куницей, а с ловли рыбы – деньгами, что было характерно для мордвы Верхоценской волости. По грамоте царя Федора Ивановича все оброки с новых монастырских вотчин снимались, им разрешалось пользоваться этими владениями безоброчно. Это же правило подтверждалось и в грамотах последующих государей, что создавало монастырю благоприятные условия для хозяйственной деятельности.

В 1597 году настоятель монастыря Матвей обратился к государю с просьбой о передаче в вотчину монастыря небольшой татарской деревни, что располагалась «пониже села Томниково, вверх по Цне»[1]. Название деревни в документах не указывалось, лишь говорилось, что она располагалась в Новосельском беляке, в бортном ухожье Подлесного стана[2]. Деревня состояла из двух дворов – Василия Куляпина и новокрещенного Сяпы, которые перед этими событиями покинули свои земли.

Для решения спорного дела между старыми и новыми владельцами писцы обратились к Шацким отдельным книгам 1597 года городового приказчика Ивана Фелипьева. По ним предлагалось на двор В. Куляпина переселить Василия Омсоска, а на двор новокрещена Сяпы Митьку Иванова. Ещё поселили восемь новых дворов из русских переселенцев и новокрещенных мордовцев. Фактически деревня обрела новых владельцев и значительно расширилась. Пашни и перелога в ней на левом берегу Цны, или, как его называли в документах, татарском, в районе р. Пилявки насчитывалось 40 четвертей в одном поле[3], и еще 4 десятины располагались около с. Томниково. Новопоселенцам выделили сенокосных угодий 200 копен. То есть в среднем на один двор приходилось 4,4 десятины в одном поле и 20 копен сена. Крестьянам предписывалось пахать пашню и платить доходы монастырю.

---

[1] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 20.

[2] В другом месте указывается Подлесков стан. Скорее всего, речь идет о Подлесном стане, редакторы допустили здесь ошибку.

[3] Далее все размеры земельных владений даны в одном поле. При трехполье надо увеличивать в три раза.

Выяснилось, что в 1595 году татарской деревней около села Томниково реально владели ценские татарские князья Исень Ушаков, Тохтар Мурза Янаев, Узраз Мурза Елгадеев, не имея на это государевой грамоты[1]. Однако служилые татары продолжали хозяйничать в деревне и угрожали монастырю разорением, оскорбляли настоятеля, его братью и крестьян, чуть не убили монастырского служку Конанку Павлова. Письмо для разрешения спора от имени царя Федора Иоановича, за подписью дьяка Афонасья Власова, было послано шацкому воеводе Андрею Протасьеву и городовому приказчику Ивану Филиппову с требованием защиты экономических интересов обители. Грамота 1622 года, выданная настоятелю монастыря игумену Ортемону с братьей, имела ссылку на несохранившуюся до нашего времени грамоту царя Михаила Федоровича. Её подписал дьяк Семен Головин, служивший в 1613 году в Казанском приказе[2]. Грамота была выдана со старого списка Марфы Иоановны и Федора Иоановича и подтверждала передачу деревни Чернееву монастырю.

Монастырю принадлежала д. Чернеева, или, как она ещё первоначально называлась, Ворок Ламская, которая впервые упоминалась в грамоте царя Федора Иоановича[3]. По этой грамоте её пожаловали старцу Матвею, а при царе Борисе Годунове эта грамота была подтверждена. При царе Василии Ивановиче в 1611 году в период смутного времени грамота потерялась. Старец Герасим передал её старцу Карнелию из Троицко-Сергеева монастыря, который умер во время прихода «литовцев» в Москву. А в монастыре остался только список с той грамоты, что подтвердили дети боярские мещеряне, которые в свое время подписали этот документ. По грамоте Федора Иоановича деревня Чернеева числилась за Данилой Чернцовым (возможно, первый владелец и дал название поселению), а затем перешла к Григорию Внукову сыну Языкову. За деревней числилось 25 четвертей земли и сена в диком поле[4].

---

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 21–22.

[2] *Веселовский С. Б.* Дьяки и подьячие XV–XVII вв. М., 1975. С. 121.

[3] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 23–25.

[4] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 1

Так, в 1613-м, а затем в 1614 году грамоты Михаила Федоровича и патриарха Филарета подтверждали передачу д. Чернеева и татарской деревни на Цне, рыбных ловель на Цне, Челновой, Вороне и Хопре в собственность Чернеева монастыря[1]. Она выдавалась настоятелю Ортемону и тем игуменам, кто после него будут на право всей монастырской собственностью. В грамотах подтверждалось право монастыря на деревни, землю, рыбную ловлю на р. Цне в Осинском ухожее «между Багрянской и Шамарской воды вниз по реке, на Осинском озере и р. Сюта». От с. Томникова вверх по Цне с версту размещались бортные ухожеи д. Татарской на «судеревней» вотчины[2] Новосельского беляка, вместе с паханой пашней и перелогом за р. Цной между Зайцевыми «врагом» и р. Пилавкой. Между Носинским рубежом и владениями земцев с. Томниково размещались 4 четверти в поле пашенной земли, а также сена 200 копен на поляне в диком поле. Все эти владения полностью отошли к монастырю. Грамота подтверждала право монастыря на все владения бортными ухожеями, рыбными ловлями и «всякими угодьями».

С рыбной ловли бывшие томниковские земцы раньше платили 1 руб. 21 алт. 4 деньги. За монастырем также оказались записаны бортные ухожеи на Цне, Челновой, Вороне, бортный ухожей и рыбные ловли на Хопре, р. Камлык и у Телермановского леса. За эти владения монастырь по-прежнему платил 3 пуда 13 гривенок с бортного ухожея, с рыбных ловель на р. Челновой и Вороне – 9 алт., а с р. Хопра – 1 руб., «медвяного» оброка – куницу. Одновременно монастырь жаловался на произвол сторожевых казаков, которые выезжали из Шацка на сторожи и «емлют» у них в сторожевую службу крестьян, как это было при прежних владельцах. Государева грамота категорически запрещала ущемлять монастырскую собственность, в отличие от вотчинной и помещичьей.

В грамоте Михаила Федоровича подчеркивалось освобождение монастыря и его крестьян от работ по городовому и острожному

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 23–27.

[2] Судеревный – совместное владение бортным ухожьем. См.: Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 2008. Т. 27. С. 256.

делу, засекам, использованию в ямской и сторожевой службах. Запрещалось брать монастырских крестьян служилым людям в качестве проводников, чинить им насильственные действия, отбирать корм и покупать его только по цене, предложенной крестьянами. Однако подчеркивалось, что судебные дела по настоятелям, служителям и крестьянам монастыря должны рассматриваться в Москве в Казанском и Мещерском дворцах боярами и дьяками, а не шацким воеводой. То есть судебные дела по монастырю выводились из функций местных воевод. Для рассмотрения судебных дел выделялись три дня в году: на Рождество Христово, Троицын день и Семен день «Летопроводца». В случае спора с мирскими людьми на суде, кроме воеводы, должен всегда присутствовать настоятель монастыря или его представитель. Если виновным окажется монастырский человек, то наказание оставалось за игуменом, а если другая мирская сторона – то за местным воеводой и управляющим волостью. То есть вмешиваться в наказание монастырским крестьянам светским властям не разрешалось. Грамота подтверждала запрет собирать с монастыря ямские деньги, стрелецкие хлебные и рыбные запасы, проведение городовых и острожных работ[1]. Таким образом, Чернеев монастырь освобождался от сбора ряда налогов и повинностей, что естественно привлекало под крыло монастыря многих крестьян.

В 1614 году возникло спорное дело между жителями татарской деревни и Чернеевым монастырем на рыбные ловли. Специальной государевой гармотой приказчику дворцовой волости Бажену Шибневу и губному старосте Путиле Черыкову поручалось выехать на спорную землю татарской деревни на р. Турчевелье и Пилавку и разобраться в этом конфликте. Бортники из с. Томниково Тренька Степанов с товарищами заявляли, что они искони владели рыбными ловлями на р. Пилавке. В задачу уездных чиновников входил разбор вопросов: «куда впала речка Пилавка?» – и составление чертежа террито-

[1] Эта грамота на протяжении всего XVII в. подтверждалась Алексеем Михайловичем, Федором Алексеевичем, Иваном и Петром Алексеевичам о праве Чернеева монастыря на бортные, рыбные и другие вотчины, которые были за ним прописаны. См.: РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 2.

рии. После проверки на местности они приняли решение, что речка впала в заводь не прямо, а со стороны, и на этом основании оставили эту ловлю за монастырем. Рассмотр дела подтверждался соответствующей памятью, подписанной земским дьячком с. Конобеева о праве Чернеева монастыря на рыбную ловлю от р. Турчавелье при впадении её в Цну и до р. Пилавки. Память передали игумену Артемону с братью, а за бортниками Тренькой Степановым с товарищами оставили во владении только верхнее течение рек Пилавка и Калитки.

По описанию 1616 года за Чернеевым монастырем по-прежнему числился жеребей с. Чернеево, монастырский двор и коровий «дворец» за р. Цной у Осинского озера, «служилые дворы»: 3 двора «служебников», 29 крестьянских и бобыльских, 69 четвертей пашни и перелогу[1]. Исчезло упоминание татарской деревни. По грамоте матери Михаила Федоровича, владелицы Верхоценской волости Марфы Иоановны, в 1618 году настоятель Чернеева монастыря Артемьев и старец Тихон упомянули во владении обители монастырскую мельницу в Конобеевском присуде на р. Азе, которая в смутное время «запустела от воровских людей»[2]. Она находилась недалеко от с. Алеменева. Восстановить её без разрешения свыше они не рискнули. Поэтому шацкий воевода Иван Романович Безобразов должен был произвести обыск о наличии прошлых владельцев этой мельницы. Монастырская братия просила разрешение выделить под нее плотину, амбар, двор для старцев и двор для мельника, а для проезда туда и прохода монастырских лошадей на пастбище отвести землю и отмежевать её от вотчинных земель. За основу был взят указ царя Бориса Годунова о размере земельного надела в 100 саж. в длину и ширину.

В 1622 году из Приказа Казанского дворца за подписью дьяка Ивана Болотникова вышла грамота[3]. В ней указывалась жалоба донских атаманов и казаков во главе с Епифаном Родиловым, что у них старую грамоту на Чернеев монастырь переписали вновь. По ней якобы монастырские крестьяне должны были платить ямские деньги

[1] РНБ. Ф. 532. ОСАГ. Оп. 2. № 192. Л. 27–28.

[2] Там же. Л. 35–36.

[3] Там же. Л. 29–33.

и стрелецкие хлебные запасы, делать городовое, острожное и засечное дело. В новой грамоте царя Михаила Федоровича и патриарха Филарета, посланной в Чернеев монастырь, говорилось о запрете собирать лишние поборы, за исключением ямских денег и стрелецкого хлеба. Платить налог они должны были с сошных людей, то есть со своих монастырских крестьян. В грамоте особо подчеркивалось предупреждение об опале тех, кто обидит настоятеля монастыря и его братию.

В 1631 году шацкий воевода Р. Ф. Боборыкин получил из Приказа Большого дворца грамоту с предложением выделить землю Чернееву монастырю. Настоятель монастыря Мина и старец Кирилл подали Марфе Иоановне челобитную с просьбой о выделении обители земельного надела в районе Ордашевского ухожья размером в 30 четвертей. Они подчеркивали отсутствие владельцев на эти наделы. Эта просьба также была удовлетворена.

Чернеев монастырь накануне строительства Тамбова имел достаточно значительные земльные наделы и промысловые угодья по сравнению с другими местными монастырями. В 1631 году он владел ещё с. Княжее с двумя пустошами, 334 крестьянскими и бобыльскими дворами и 862 крестьянинами. Общая земельная пашня монастыря достигала 2232 четвертей в одном поле, а сенокосные угодья – 2540 копен. По Цне, Савале, Вороне и Челновой располагались рыбные и бортные ухожеи[1]. Дикое поле в Верхоценской волости Чернеев монастырь получил ещё до начала смутного времени, но московский пожар уничтожил все архивы, и московские чиновники не могли определить, когда эта земля была передана монастырю в вотчину. Приобрела эту землю монастырская братия в 1635 году от бывшего оброчника шатчанина Смирки Чарыкова. В 1636 году игумен Моисей с братьею платили за эту землю оброк и пошлин 4 руб. 10 денег[2]. А за активное участие в строительстве крепости Тамбов монастырь царским указом от 16 августа 1638 года получил эту землю безоброчно.

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 17–18.

[2] Там же. С. 45–47.

В строительстве Тамбова принимали участие крестьяне Чернеева мужского монастыря. Игумен Моисей послал своих «деловцев» по 25 человек на месяц «по-переменно»[1]. Те возвели в Тамбове в Казачьей слободе деревянную церковь Знамения Пречистые Богородицы, две большие башни в самом городе, два раската под пушки и торговую баню. Эти же строители копали ров около острога и города. Во время работ в уезде крестьяне монастыря построили на р. Липовице острог и на Лысых Горах выкопали колодец. За работу своим крестьянам монастырь заплатил по 4 руб. каждому «деловцу». Таким образом, Чернеев монастырь принял активное участие в строительстве тамбовских укреплений, которые обезопасили обитель от татарских набегов.

Первоначально сношения с Московским государством монастырь осуществлял через Черкасский казачий круг, поскольку он считался казачьим монастырем. Однако с 1686 и до 1918 года с небольшим перерывом в первой половине XVIII века монастырь отошёл к Тамбовской епархии и подчинялся местным епископам. Казакам впредь запрещалось вмешиваться в дела обители и принимать кого-либо из её насельников у себя на Дону, но разрешалось делать вклады в Чернеевский монастырь, посещать его, а при достойном поведении – постригаться там в монашество.

Троицкий монастырь на Цне

В первой трети XVII века возникло ещё два монастыря на Цне: Троицкий и Мамонтова пустынь. Первое упоминание в документах о Троицком монастыре относится к 1615 году[2]. В это время писцы по заданию инокини Марфы Иоановны описывали Верхоценскую волость и обнаружили новую пустынь. Спустя 13 лет в 1628 году монастырь получил первый земельный надел – 33 десятины пашни дикого поля и 1000 копен сенокосных лугов между речками Духовка и Починка. С построением Троицкой церкви Пустынь

[1] ИТУАК. 1887. Вып. 13. С. 45–47.

[2] Там же. С. 17–54; 1887. Вып. 15. С. 13–18.

переименовали в Троицкий тамбовский монастырь на Цне. В 1632 году за монастырем числилось уже 147 четвертей пашенных земель, крестьяне платили оброк с бортных ухожеев Ценского, Челнавского, Ломовицкого, Тремасовского, Городищенского, Хмелинского верхового медвяного оброку по 5 руб. в год. С верховых бортных ухожеев и рыбной ловли на р. Хопре и на Вороне денежный оброк составил 4 руб., 6 алтын, 5 денег в год.

В монастыре по описанию писца Богдана Карпова находился основатель обители Нифонт, келарь Кирилл и казначей Вассиан. В кельях проживало пять иеромонахов, 14 старцев, келейник[1], церковный дьячок и «белец» Ганка Иванов[2]. Рядом с монастырем на левом берегу Цны возникла Троицкая слободка, по переписи Богдана Карпова 1632 года в ней находилось 35 дворов крестьянских, 13 бобыльских и 20 пустых. Работников мужских душ насчитывался 61 человек.

В монастыре имелась ограда, 2 церкви (Троицкая и Благовещенская) с иконостасами, некоторые были даже в серебряных окладах, предметы церковной службы из меди и олова, 10 новых келий, амбары с хлебом[3]. В последних хранилось 200 четвертей ржи, 40 четвертей овса, 15 четвертей пшеницы и 30 четвертей проса. В гумнах находилось много не молоченого хлеба. На скотном дворе содержали 24 лошади и 40 коров. В 1635 году во владения монастыря добавился Хоперский бортный ухожей, до этого принадлежащий казаку Прону Нифонтову. А чуть позднее к монастырю приписали Рогановский и Суволский ухожеи. То есть за короткое время, благодаря поддержке владелицы дворцовой волости Марфы Иоановны, монастырь получил значительные земельные и промысловые угодья.

В церквях Троицкого монастыря упоминался вклад строителя монастыря Нифонта на престольное евангелие в бархатном пере-

[1] Келейником в русских православных монастырях называли слугу, чаще всего, при настоятеле монастыря. Иногда келейники даже ещё не имели монашеского звания и носили одежду послушника.

[2] То есть человек, не принявший монашеский сан.

[3] ИТУАК. 1893. Вып. 36. С. 19–22.

плете с позолоченными изображениями и другие книги в хороших переплетах. В монастыре при въезде на колокольне висели 6 колоколов. Один колокол подарил строитель Тамбова Р. Ф. Боборыкин, два небольших колокола – старец Нифонт, а два подарили крестьяне Верхоценской волости Семен и Тимофей Ильины, шестой колокол приобрели на средства монашеской братии.

Таким образом, накануне строительства крепости Тамбов Троицкий монастырь имел уже достаточную собственность вместе с крестьянами, позволяющую ему полностью обеспечивать развитие обители как финансово, так и экономически.

Мамонтова пустынь

Она возникла на правом берегу р. Цны в Ордашевском ухожье. Мамонтову пустынь основал старец Мамонт в 1629 году по челобитной Марфы Иоановны. Первые годы он жил один, однако к нему стали присоединяться и другие насельники. Мамонтова пустынь накануне строительства г. Тамбова тоже обзавелись двумя слободками и одной деревней с 90 дворами.

В 1630 году к Мамонтовой пустыни приписали, кроме Ордашевского бортного ухожея, ещё поляну в 30 четвертей. После создания пустыни в нее потянулась братья, вольные гулящие бобыли, часть которых были беглыми владельческими крестьянами. Их искали дворяне и дети боярские, которые приезжали в пустынь и некоторых насельников «побивали насмерть», как жаловался настоятель монастыря. Помещики регулярно подавали иски шацкому воеводе о возвращении своих беглых. Монастырская братья в ответ жаловалась на отказ этих людей слушать их грамоту, требовали сохранить за ними полянy для выпаса животных и запретить помещикам и вотчинникам разорять своих крестьян и бобылей. Они просили по-прежнему ведать их дела в приказе Большого Дворца. Такую грамоту монастырю выдали с обещанием запрета без особого государева указа из приказа Большого Дворца вывозить крестьян и бобылей монастыря, так как Дворцовая волость была отделена от поместных и вотчинных земель.

Троицкий монастырь на р. Воронеж

Появились монастырские владения и на р. Воронеже. В 1627 году иеромонахом Иосифом был основан Троицкий монастырь. Он находился в 3 верстах от того места, где в 1635 году основали г. Козлов. Ниже по течению р. Воронежа на территории Лебедянского уезда владел сёлами Кривец и Борисовка Московский Новоспасский монастырь. Так что новый монастырь был не единственный в этом регионе.

Источники по монастырю до 1635 года практически не сохранились. По строельным книгам козловских воевод И. В. Биркина и М. И. Спешнева в 1635 году отмечалось, что Троицкий монастырь «вновь строится»[1]. В обители находился основной храм Живоначальной Троицы с пределом Успения Пресвятой Богородицы. Источник подчеркивал бедность монастыря. В церкви имелось мало икон и церковных книг, отсутствовали колокола, а на службу братию собирали ударами в доску. В монастыре насчитывалось всего 5 келий. Для поддержки и развития обители ей выделили земли за Лесным Воронежем размером в 50 четвертей, сенные покосы в 500 копен и 40 десятин леса для строительства монастырских строений. Эти владения должны были обеспечить монастырь всем необходимым, а также ладаном и свечами. До передачи этих угодий Троицкому монастырю они принадлежали крестьянам князя Д. М. Пожарского, с которыми у старцев произошел конфликт. Бывшие владельцы не давали монастырю строить здесь мельницу.

Монастырская братия стремилась прибрать к рукам «порожжие» и «пустые» земли, не останавливаясь перед захватом чужих владений. В 1635 году предприимчивый игумен цнинского Троицкого монастыря Нифонт попытался присоединить к вкладу донского казака Прохора Трифонова юрту на Хопре, соседний Синцовский ухожей дворцового крестьянина д. Черкино Гаврилы Парамзина. Разбор спорного дела происходил в Москве, и лишь наличие старых грамот помогли Г. Парамзину сохранить в своем владении ухожей.

[1] ИТУАК. Тамбов, 1889. Вып. 25. С. 50–52.

Таким образом, в заселении Тамбовского края русскими до строительства городов и укреплений встречались все формы колонизации: вольная правительственная, монастырская и помещичья. Преобладающая роль оставалась за народными массами. На далекую окраину уходили в поисках лучшей доли и земли, прежде всего, русские крестьяне. Однако и здесь их настигало крепостное право в лице светских и духовных феодалов, которые умело пользовались плодами деятельности вольных переселенцев. Эта деятельность встречала резкое сопротивление со стороны местного коренного населения, справедливо видевшее в их лице проводников государственной православной идеологии и конкурентов в хозяйственной деятельности. Так, ещё в 1583 году основатель Чернеева монастыря черный поп Матвей жаловался Ивану IV, что мордва «чинит пакость великую и хотят церковь осквернить и монастырь раззорить». В острой борьбе с местной администрацией и феодалами русские крестьяне и мордва осваивали далекую окраину.

Монастыри по замыслу владелицы Верхоценской волости играли значительную роль в миссионерской деятельности по крещению мордвы и распространению христианства. Поддерживая новые монастыри, руководство волости наделяло их землями, сенокосными угодьями, лесами, бортными и рыбными ухожьями. Многие из этих угодий использовались прежде местным населением в хозяйственной деятельности, и их потеря вызывала неприятие и агрессивную реакцию как за кражу имущества: лошадей и пчельников.

Ряд тамбовских монастырей поддерживали тесную связь с донским казачеством, которые делали в них вклады, приезжали на богомолье и пользовались правом ухода в старости в монастырские служители. То есть существовали вклады на пострижение и проживание в монастыре по старости[1]. Они подразумевали приятие пострига в монахи и дальнейшее проживание в монастыре до глубокой старости. В монастыри убегали владельческие крестьяне соседних уездов, получая здесь более благоприятные условия. Монастырь

[1] *Черменский П. Н.* Очерки по истории колонизация Тамбовского края. ИТУАК. 1901. Вып. 45. С. 262.

давал защиту от реального беспредела коренной мордвы и служилых татар, а в бассейне р. Воронеж ещё и от местных помещиков. Крестьян освобождали от ремонта укреплений, ямской и подводной службы, воеводского суда. Суд с другими категориями населения переводился в Москву.

Предпринимательская деятельность русских монастырей всегда находила поддержку правительства, заинтересованного в деятельности церкви как важного идеологического инструмента в поддержании царской власти и феодальных устоев, продвижении христианства в языческую среду. Поэтому тамбовские монастыри, как это традиционно практиковалось на Руси, получали угодья в форме «государевых пожалований» или вкладов на «помин души». Конечно, до 1631 года цнинские монастыри пользовались безоговорочной поддержкой владелицы Верхоценской волости Марфы Иоановны, а затем и лично царя Михаила Федоровича, в ведение которого эти земли перешли. Этим и объясняется их экономический рост и благосостояние. Кроме того, они давали серьезную поддержку переселенцам, выделяя земельные наделы, орудия труда, помогая выжить в голодный год, предоставляя зерно и скот, а также бортные ухожья, приносящие хороший доход.

1.5. НАБЕГИ ТАТАР И СТОРОЖЕВАЯ СЛУЖБА НА ЮГЕ РУССКОГО ГОСУДАРСТВА, ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVI В. – 1635 ГОД

Южные границы Русского государства вплотную подходили к бескрайним степям, по которым волна за волной прокатывались многочисленные орды кочевников. Борьба кочевника-скотовода с оседлым земледельцем была обусловлена в эпоху феодализма характером и уровнем развития их производительных сил. В засушливые периоды, когда происходил падеж скота из-за сокращения основной кормовой их базы, татарская феодальная верхушка пыталась решить свои экономические проблемы за счет грабежа соседей, которыми выступали Русь и Польская Украина. Такие взаимоотношения Русского государства и кочевников сохранялись на протяжении длительного периода истории. Закопёрщиками подобных набегов зачастую становились крымские ханы, которые не признавали в XVI–XVII веках независимость русских царей и требовали сохранения даннических отношений, как это было во времена Золотой Орды.

Для кочевников – крымских татар, Больших и Малых ногаев, татар Казыева улуса, калмыков – набеги на соседей позволяли захватить добычу в виде скота, лошадей, личного имущества (иногда удавалось даже ограбить сельские храмы). Но главной целью набегов оставались пленные – полон. Пленных можно было оставить в своем хозяйстве, в основном в Крыму, в качестве рабов и использовать в производственной деятельности. Часть полона продавали на невольничьих рынках востока как гребцов на галерах или в гаремы. Наконец, часть пленных можно было возвратить обратно на Русь.

Для этого в Русском государстве XVII века собирались специальные налоги – полоняничные деньги. Со служилого человека брали 2 деньги, а с крестьян – 4 деньги в год. Их использовали для массового выкупа пленных. На границе государства происходили специальные съезды русских посланников и представителей кочевников. На них шли переговоры о выкупе пленных, и совершался этот обмен[1]. Небольшие партии русских пленных в Крыму выкупали русские посланники, которые приезжали к крымским ханам на дипломатические переговоры. Однако основной выкуп производился по согласованию сторон невдалеке от Валуек в степи. Русские привозили сюда деньги и при обмене посольств выкупали пленных скопом. Если в плен попадал знатный человек, то выкупом приходилось заниматься отдельно – через государственных посланников или через родственников, которые везли требуемую сумму лично в Крым.

Контроль за опасной степью оставался важной формой защиты своих южных рубежей. Сторожевая служба на Руси относится к ранним векам истории и была связана с необходимостью контролировать степное пространство на юге. Первое официальное известие о посылке сторожевых отрядов в сторону татар относится к 1360 году в грамоте митрополита Алексия на Червленый Яр[2]. Он упоминает караулы по р. Хопру и Дону. В последующие годы караулы в виде «скрытых притонов» располагались по рекам Хопру, Дону, Быстрой и Тихой Соснам, по Воронежу. Именно эти реки

---

[1] *Жуков В. Д.* Общая милостыня: Выкуп пленных Московским государством из Крыма в середине XVII в. // Родина. 2014. № 11; Он же. «Памяти о полоняниках» как источниках по истории государственного выкупа пленных из Крыма (1620–1630-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время: материалы к международной научной конференции. Москва, 2017 г. М., 2017. С. 207–213; Он же. Сравнительный анализ расходных документов о выкупе пленных на валуйской размене (1640-е – 1650-е гг.) // Русь, Россия: Средневековье и Новое время. Выпуск VI Чтений памяти академика РАН Л. В. Милова: материалы к международной научной конференции. Москва, 2019 г. М., 2019. С. 689–695.

[2] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевой службе на польской украине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 1.

использовали татары для переправ во время походов на Русь. В русских городах появились специальные ратники – сторожевые казаки, которые несли службу по охране пограничья. В их задачу входили обязанности по контролю за передвижением татар в степи, захват языков и передача воеводам известия о противнике. Это была опасная и трудная служба, требовавшая особых навыков следопытов. В неё набирали вольных и «охочих» людей. На юго-востоке Русского государства, начиная с XV века, для охраны границ стали использовать представителей татар, которые перешли на службу к московскому князю. Так появились Касимов, Темников с прилегающими уездами, где служилые татары получали земельные наделы за службу русскому царю. Так же появились шацкие татары и ценские мурзы, которые получили земли в низовьях Цны.

С конца XVI века основная опасность для Руси исходила от Крымского ханства, которое пыталось с большим или меньшим успехом играть роль преемницы Золотой Орды, объединяя многочисленные татарские орды: белгородских и астраханских татар, татар Казыева улуса, Больших и Малых ногаев и даже народы Северного Кавказа. Татарские набеги проходили по наиболее удобным водораздельным территориям, получившим название шляхи. Речь идет не о дорогах в нашем сегодняшнем понимании этого слова, а о широкой полосе степных путей, традиционно используемых кочевниками для набегов или совместной торговли. Они, как правило, проходили по открытым степным участкам, водоразделам рек, чтобы до минимума свести водные переправы. Из источников известны Муравский, Изюмский, Кальмиусский, Свиной шляхи, расположенные западнее Тамбовского края.

По междуречью Цны и Воронежа проходила Ногайская дорога. Она начиналась от мест кочевий ногайцев на правобережье Волги и Приазовья и через пространство междуречья Воронежа и Цны выходила на рязанские земли. Татары пользовались переправами через Цну около Кузьминой Гати, при слиянии Польного и Лесного Воронежей на Урляповом городище, степной полосы междуречья Польного Воронежа и Челновой. Вероятно, кочевники

использовали и старинную торговую Ордобазарную дорогу, которая проходила от Астрахани до Москвы. По ней торговцы традиционно перегоняли в центральные области Московского государства табуны лошадей на продажу. Часть этой торговой дороги шла от Кузьминой Гати вдоль левого берега р. Цны до Шацка, а от него до Рязани и Москвы.

Татарские отряды представляли собой серьезную угрозу для русских земель на южных рубежах. Они практически не имели огнестрельного оружия, но с детства приученный стрелять из лука по ходу движения лошади, татарин мог выпустить до дюжины стрел в минуту. Дальность полета стрелы в те годы была вполне совместима с ружейной пулей. Татарская конница, с запасными лошадьми для перевозки пленных, развивала высокую скорость передвижения без полона. Татары внезапно появлялись в пределах Русского государства, захватывали скот и пленных и стремительно уходили в степь, избегая открытых столкновений с русскими войсками. Хорошее знание местности, внезапность нападений и высокая мобильность делали их опасным противником, вынуждая русское правительство тщательно разрабатывать тактику борьбы с кочевниками.

Сторожевая служба России на южных границах

С целью охраны границ проводился целый комплекс традиционных мероприятий. На далекую окраину для обнаружения противника выезжали отряды станиц и сторож. Сторожи – наблюдательный пост из нескольких всадников, которые ездили по небольшому участку территории взад и вперед, пытаясь обнаружить следы противника. Станицы представляли собой крупные отряды по нескольку десятков человек. Они выезжали далеко в степь на наиболее опасные участки, которые регулярно использовались кочевниками для переправ через реки. Эти дозорные отряды ехали по заранее определённому маршруту в степи и возвращались обратно. Единой организации такой службы не было, её контролировали воеводы южных городов.

По их донесениям русские войска выдвигались на берега Оки, перекрывая путь противнику в центральные уезды страны. Другой формой борьбы с татарами служило строительство засечных черт, преграждавших дорогу кочевникам. Так возникли старая Засечная черта в районе г. Тулы, засеки около Шацка, Ряжска, выстроенные во второй половине XVI века.

Строительство новых городов-крепостей, быстрый рост населения на окраинах Русского государства, расширение территории приводили к необходимости укрепления южных границ. Силами небольших сторожевых отрядов и малочисленных гарнизонов близлежащих городов остановить татарские набеги не представлялось возможным. Поэтому с завершением процесса образования централизованного государства встал вопрос о формировании единой системы сторожевой службы и создании системы обороны южных и юго-восточных рубежей страны.

Образование единой общероссийской сторожевой службы произошло на военном «съезде» служилых людей в 1571 году в Москве. Указом Ивана IV от 1 января 1671 года ведать всей сторожевой службой Русского государства царь назначил крупного русского полководца князя М. И. Воротынского[1]. 8 января 1571 года князь выпрашивал у дьяка Разрядного приказа Андрея Клобукова имеющиеся старые росписи станиц и сторож, чтобы устроить роспись всех государственных сторож и станиц. Это говорит о том, что до этого указа вопросы посылки сторож находились в руках воевод пограничных городов, но контролировались Разрядным приказом. Речь шла о Путивле, Туле, Рязани, Мещере, Шацке, Ряжске. Необходимо было опросить имеющихся станичных голов и станичников, вожей, детей боярских, которые уже лет 10–15 занимались сторожевой службой[2].

С целью опроса о старых традициях и новых предложениях их вызвали в Москву. Сюда же пригласили лиц, побывавших в плену у кочевников и бывших станичников, которые за старостью лет

[1] АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 1.

[2] Вожами на Руси называли знатоков местности – проводников, которые могли хорошо на ней ориентироваться.

перестали исполнять свои обязанности. То есть в Москве собирали всех имеющихся на данный момент специалистов по охране южных границ. В январе – феврале месяцах приглашенные служилые люди приехали в Москву. Они сообщили М. И. Воротынскому, из каких городов и в какие места посылались станицы и сторожи в степь. «И по государеву указу боярин, князь Михайло Иванович Воротынский с товарищи о станицах и сторожах, и о всех полских службах сидел, и о станичных, и о сторожевых голов, и станичников, и вожей, и о полкех, и урочищах, и о сторожах расспрашивал, как бы государеву станичному делу было прибыльнее, а распроса их, приговор велел написать»[1].

16 февраля 1571 года был разработан устав сторожевой службы, принятый боярским приговором. Он обобщил многовековой опыт борьбы русского народа с кочевниками. Каждая строка устава скреплялась кровью, опытом побед и поражений. В походе сторожевым казакам запрещалось одновременно всем спешиваться, не разрешалось дважды на одном месте разводить костер и ночевать там, где «полдневали», в случае обнаружения противника один из станичников посылался с сообщением в близлежащий город, а другие – следовали за татарами, выясняя маршрут их движения и численность войска. Причем ехать надо было не по самой сакме, а слева или справа от нее. «А не быв на сакме и не сметив людей, и не доведовся допрямя, на которые места воинские люди пойдут, станичникам и сторожам с ложными вестями не ездить...» – говорилось в одной из статей устава[2].

Запрещалось сторожам уходить со своего маршрута без перемены. Если это произойдет и татары проникнут на Русь, то сторожа могли быть подвержены смерти. Опоздание приезда вовремя на сторожу приводило к наказанию кнутом. За качество сторож несли контроль и ответственность городовые воеводы и головы. Они также

---

[1] АМГ. СПб., 1890. Т. 1. С. 2.

[2] *Беляев И.* О сторожевой, станичной и полевок службе на польской окраине Московского государства до царя Алексея Михайловича. М., 1846. С. 12–14.

надзирали за наличием хороших лошадей для несения службы станичниками. В случае их отсутствия воеводы и головы должны были обеспечить казаков всем необходимым. Устанавливался график посылки станиц из Путивля и Рыльска. Первая станица выезжала в поле 1 апреля, а далее их выезд проходил через каждые 15 дней попеременно. Всего планировалось 8 станиц до 15 ноября. Если снега лягут на землю позже, то выезд станиц предлагалось продлить. Не разрешалось дважды подряд посылать одну и ту же станицу в степь. Сначала надо пропустить все станицы по очереди и лишь затем посылать их вновь. Тем самым ставилась задача соблюдения очередности, чтобы не перегружать служилых людей трудной и опасной службой и предоставить возможность трудиться на своих земельных наделах.

Сторожи планировали отправлять из Путивля и Рыльска в степь на шесть недель начиная с 1 апреля, переменяя их по очереди. Осенью в октябре длительность пребывания на сторожах составляла один месяц. Стоять им приказывали до снегов. В случае потери лошади во время службы воеводы должны были компенсировать им эту утрату, выдавая денежную выплату. На поле для осмотра мест прохождения станиц посылался князь М. Тюфякин и дьяк М. И. Ржевский. Они должны были определить, от какого города и какой станицы требовалось посылать и поскольку человек.

На «съезде» впервые составили общерусскую роспись сторож, которая на протяжении почти 70 лет с некоторыми изменениями служила основным документом сторожевой службы государства. Менялась практика формирования сторож. 15 февраля 1571 года вместо 4 человек на сторожу посылали 6 ратников. На поле по-прежнему действовали сторожи и станицы. Сторожи выезжали на близкие расстояния, постоянно перемещаясь от одной точки к другой и обратно. Станицы отправлялись на более далекие расстояния и проходили всю территорию один раз от одной точки до другой или постоянно контролировали определенную территорию. Если станицы и сторожи обнаруживали противника, то в их задачу входили обязанности по извещению гарнизона близлежащего города о появлении

кочевников. Сторожи и станицы, по выражению Д. Багалея, являлись «авангардом русской колонизации и гражданственности»[1].

Из боярского приговора от 21 февраля 1571 года создавались четыре станицы во главе с головами и служилыми людьми: детьми боярскими и казаками из разных городов[2]. Первая выезжала из Казани на Волгу под Караманский лес. Она должна была насчитывать 135 человек из разных южных городов, в том числе из Шацка 12 детей боярских, 10 татар, 10 мордовцев и 20 казаков, а из Ряжска 6 детей боярских и 10 казаков.

Другая станица из Шацка выезжала на Дон на ногайскую сторону и стояла в «Вежках» выше «Медведицы и Хопра», скорее всего проходя по территории будущего Тамбовского края. Так, вторая станица из Шацка должна была контролировать верховья Медведицы и Хопра и доезжать на правой стороне Дона до р. Айдар. Проезд до данного места составлял 2 дня. В другую сторону «налево от Дона» к Волге до устья Балыклея. Всего проезд туда составлял 4 дня. В Шацкую станицу входило 9 детей боярских и 20 казаков из Шацка, 6 детей боярских и 10 казаков из Ряжска, из Кадома и Темникова – 20 человек служилых татар и мордвы. Общая численность этой станицы составляла 120 человек. Третья станица из Дедилова контролировала устье р. Убли при впадении её в р. Оскол, а четвертая станица выезжала из Орла в поле на устье р. Семь и Хопра.

Планировалось ставить станицы на р. Осколе, устье р. Убли численностью в 100 человек, а на р. Семи – станицу в 96 человек.

По росписям февраля 1577-го и апреля 1579 года упоминалась ещё одна новая станица под Тиллермановским лесом на р. Вороне во главе со станичными головами, атаманами, станичниками и вожами из мещерян, шацких казаков и цнинской и мокшанской мордвы[3]. Всего на эту станицу привлекали 70 человек. Она прикрывала Шацкие, Темниковские, Арзамасские, Кадомские, Алаторские

[1] *Багалей Д.* Очерки по истории колонизации и быта степной окраины Московского государства. М., 1887.

[2] АМГ. СПб., 1890. Т. I. С. 6–8.

[3] Там же. С. 28, 93.

и Курмышские места. Станица объезжала территорию к востоку до Медвежьего острова на Волге и к западу до Тулучеевого проезду общей протяженностью в 6 дней. Однако эта станица долго не просуществовала. Указом апреля 1579 года её ликвидировали по причине редких проходов татар с этой стороны. Эффективность станиц оставалась незначительной, так как их пребывание на южной границе было непродолжительным и они не всегда вовремя могли обнаружить противника. Поэтому в XVII веке от них отказались.

Кроме станиц, действовали сторожи. К 1571 году на юге России насчитывалось 73 сторожи, которые были разбиты на 12 разрядов[1]. К Тамбовскому краю относились 3 разряда: № 10 – сторожи мещерские, № 11 – сторожи шацкие и № 12 – сторожи ряжские. Мещерские 4 сторожи стояли на р. Каргонаеве, р. Шокше у Мокшанского леса, р. Ломовой и р. Ваду. В них участвовали служилые люди из Алатыря, Кадома, Темникова. Они должны были перекрыть Вадовскую и Идовскую дороги.

В междуречье Цны и Воронежа выезжали несколько совместных ряжских и шацких сторож, численностью по 6 человек каждая[2]. Одна из них, по расспросу М. И. Воротынского, традиционно находилась в районе р. Липовицы, неподалеку от Кузьминой Гати, на запад они проезжали 20 верст к двум лесам, а к востоку – 15 верст до Кузьминой Гати. По дозору Ю. Булгакова и Б. Хохлова вносились уточнения: проезжать им надо было вниз р. Липовицы до Цны ниже Кузьминой Гати[3]. Другая сторожа размещалась на р. Челновой при впадении в неё р. Ламки. На ней стояли казаки из Щацка и Ряжска. К востоку они проезжали 20 верст до двух лесов, а к западу ещё 20 верст до Макеева леса. По уточнению Ю. Булгакова и Б. Хохлова, к востоку до двух лесов верст 40, а к р. Польной Воронеж до Макеева Липяга 30 верст.

Три сторожи стояли от Ряжска. Первая сторожа находилась на р. Воронеже, при впадении в нее р. Хоботца «под большим

[1] АМГ. СПб., 1890. Т. I. С. 9–11.

[2] Акты Исторические. СПб., 1841. Т. I. С. 12–15.

[3] Там же. С. 22.

под Юрьевым лесом». Она контролировала пространство в 20 верст на восток до Польного Воронежа и Макеева липяга, а на запад – 25 верст по р. Воронежу до Торбеева брода. Службу на ней несли 2 шацких и 4 ряжских казака. Вторая сторожа проходила по р. Ломовой у Ногайской дороги. Она осуществляла контроль за Ногайской дорогой, начиная с Торбеева Брода. В неё входило 4 ряжских казака. Третья сторожа размещалась на р. Большой Рясе по дороге от Ряжска к устью Воронежа с численностью станичников 4 человека. То есть каждая сторожа отвечала за свой участок территории в 40–60 км на наиболее опасных местах.

Мещерские пять сторож: на р. Карсанаеве в районе Сурского леса, на р. Шокше под Сурским лесом, на р. Шокше под Мокшанским лесом, на р. Ломовой до Мокшанкого леса, на р. Буртаса и Ломовой по Вадовской и Идовской дорогам[1]. То есть они контролировали территорию к востоку от р. Цны. Вся система сторожевой службы работала достаточно эффективно, вовремя обнаруживая противника на дальних подступах, корректируя размещение сторож на наиболее удобных направлениях.

В период «смутного времени» единая сторожевая служба в России пришла в упадок, и лишь восстановление единства страны, укрепление централизованной власти позволили воссоздать общерусскую систему сторожевой службы. Уже в 1614 году правительство молодого царя Михаила Федоровича дало наказ воеводам князьям Михаилу Борятинскому и Юрию Яншину Сулешову о «промыслу» над Зарецким[2]. Они должны были расписать ратных людей, бортников и казаков, выбрать из детей боярских, татар, мордвы и казаков людей в станицы. Прежде всего, предлагалось набрать людей, ранее имевших опыт такой службы, а также добровольцев, «кому станичное дело знакомо».

В июне 1623 года правительство предприняло попытку полностью восстановить весь комплекс шацких сторож[3]. Шацкий воевода

[1] Акты Исторические. СПб., 1841. Т. I. С. 17.

[2] Рязрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 267–268.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. №10. Л. 387–389; 521–523.

Иван Юрьевич Плещеев отписал в Москву о предложении ставить голов на Шацкой засеке вместе с уездными людьми для предотвращения прихода татар. У засеки предполагалось стоять беломестным казакам около с. Конобеево, административного центра Верхоценской волости. Однако приказчик Верхоценской волости Федор Карпов отказал на основании отсутствия в государевом указе требования подчинить беломестных казаков воеводе, так как в прежние годы практики назначения голов к беломестным казакам на засеке не было. В ответ пришла грамота за подписью царя Михаила Федоровича с требованием ставить голов на Шацкую засеку к кривой липе под с. Конобеево к беломестным казакам. Воевода должен был подтвердить выполнение этого указа. Скорее всего, на засеках имелись ворота для прохода в степь, их на ночь запирали, а утром открывали заново[1].

От Шацка предполагалось посылать станицу до Хопра, Битюга и Медведицы. Продолжала функционировать сторожа на р. Островке в 50 верстах от города, а две других на р. Липовице и Ламках по грамоте 1616 года были сведены на р. Островку. Поэтому воеводы предлагали восстановить прежние сторожи. Шацкий воевода жаловался на непослушание казаков, которые не хотели ехать на дальние и опасные сторожи. Тогда правительство приказало наказать ослушников батогами и заставить выполнять указ.

По росписи 1623 года к трем вышеперечисленным дальним тамбовским сторожам добавилась ещё одна – на р. Островке и три ближние в 2–5 верстах от Шацка[2]. Они должны были предупредить гарнизон города о появлении противника в случае неудачных действий дальних сторож. По росписи 1630 года шацкий воевода Иван Салтыков посылал на «смесные» и не на «смесные» сторожи сторожевых шацких казаков[3]. Упоминались старые сторожи под Липовицким лесом и Челнавская, на которых стояли поровну по 3 человека из Шацка и Ряжска. Третья сторожа численностью 5 человек шацких казаков

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 190. Л. 40.

[2] Разрядные книги 1598–1638 гг. М., 1974. С. 15–16.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 25. Л. 138–141.

находилась на р. Островке в 50 верстах от города Шацка. Четвертая из 2 казаков стояла под Сечей Дубравой в 2 верстах от города. Пятая сторожа размещалась на р. Таровьине, а шестая – в 2 верстах от Шацка на бугре. Обе они состояли из 2 шацких казаков.

По росписи 1632 года упоминаются всё те же 3 дальние и три ближние сторожи[1]. Воевода Иван Матюшкин говорил о постоянном выезде ближних и дальних сторож на службу с переменой. Вероятно, прежний конфликт уже был погашен и у местных служилых людей дальние сторожи не вызывали резкой отрицательной реакции. На р. Шаче под Кривой Липой в 2 верстах от города местные воеводы поставили в 1635 году острожек. В нем под руководством головы постоянно размещалось 20 казаков из с. Конобеево. После строительства Тамбова все свободные служилые люди отправлялись на службу в Тамбов, и воевода жаловался, что ему некого было ставить для охраны острожка, хотя реально большой потребности в этом уже не имелось.

В данное время одна из воронежских сторож находилась между Доном и Бетюгом, так как «ногайские люди на воронежские места приходят безвестно»[2]. Эта сторожа была «смесная», дальняя, и на неё выезжали по 4 казака по очереди из Донкова, Ряжска, Шацка, Ливен, Епифани, Оскола, Михайлова и Воронежа. Это было новым решением властей – закрепить за данной территорией силы нескольких городов, делая эту сторожу общерусской. Все сторожи функционировали до строительства Козлова и Тамбова и позднее были упразднены, а контроль за степью передавался на усмотрение местных воевод.

Наряду с охраной пограничных районов, в обязанности сторожевой службы входил поджог степей как один из древних методов борьбы с кочевниками. Палы степей лишали татарскую конницу корма, поэтому ежегодно осенью высылались специальные сторожи для их поджога. В боярском «приговоре» 1571 года давались основные рекомендации по поджогу степи осенью в октябре или ноябре,

---

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 60. Л. 49–54.

[2] Там же. Л. 240–245.

используя северный ветер «как гораздо на поле трава посохнет»[1]. Ветер должен был дуть от русских городов и деревянных укреплений на юг. Одна из Шацких сторож выжигала траву от Каменного брода (возможно, перелаз через реку в районе слияния Польного и Лесного Воронежей) до р. Савалы и Теллермановского леса, а другая – по Идовской дороге вдоль р. Вороны до р. Камышлея. Обе сторожи для поджога степей состояли из 6 человек. Вряд ли палы степей служили эффективным способом борьбы с татарами. Если для значительной массы конницы они создавали определенные трудности, то небольшие отряды кочевников всегда могли найти корм для своих лошадей. В то же время перемена направления ветра могла привести к пожару русских деревянных укреплений. Поэтому источники первой половины XVII века уже не упоминают этот метод борьбы с татарами как эффективный.

Кроме татар, угрозу южной границы представляли как донские и запорожские казаки, так и жители Слободской Украины. Особенно сильно южные земли подверглись разорению во время набега войск гетмана Сагайдачного. В 1617 году разорению подверглись такие города, как Ливны, Елец, Лебедянь, Данков, Сапожок, Ряжск и Шацк. Их восстановление шло достаточно долго, и такое состояние обороны южной границы создавало благоприятные условия для татар во время их набегов на русские земли. Хотя период с 1618 по 1630 год известный исследователь русско-татарских отношений А. А. Новосельский и называл относительным затишьем, немногочисленные отряды кочевников регулярно появлялись на русских землях. Нападение крымцев и ногаев на рязанские места постоянно встречались, однако из русских документов не всегда понятно, как кочевники проходили на Русь. Они упоминают только конечные цели набегов, но не указывают точные направления татарских шляхов. Основные направления набегов лежали к юго-западу от р. Воронеж и проходили по Муравской и Кальмиусской дорогам. Татары регулярно появлялись в районе Курска, Воронежа, Пронска, Данкова, Епифани и других русских городов.

[1] Акты Московского государства. СПб., 1890. Т. 1. С. 21.

Анализ татарских набегов 20–30-х годов XVII века наглядно свидетельствовал о постоянном присутствии здесь татарских отрядов. Хотя 20-е годы считались у исследователей относительно спокойными на юге Русского государства, именно в этот период небольшие, в несколько сотен человек, татарские отряды постоянно встречались в Поценье. Весь тактический замысел расположения сторож на Тамбовщине сводился к охране Шацка и Ряжска, они перекрывали основные пути прохода противника к городам, оставляя без серьезной защиты население Верхоценской волости и поместные владения по р. Воронежу. В 1623 году значительная часть южных русских земель подверглась набегам кочевников. В мае – августе 1623 года небольшие отряды противника проникли по Ногайской дороге к Верхоценской волости. Разорению подверглись такие сёла, как Горелое, Червленое, Питерское и другие[1]. Так, в 1624 году они увели из Ряжского, Сапожковского уездов и Верхоценской волости около 200 человек. Особенно пострадали с. Сокольники и д. Морша, которые потеряли 30 человек пленными и 10 убитыми.

Татары избегали прямо нападать на села и деревни. Труднодоступные места их расположения, значительная часть из них размещалась на правом лесном берегу Цны, концентрация поселений группами, наличие искусственных укреплений в виде оград и надолб затрудняли внезапное появление кочевников. Поэтому они стремились захватить крестьян во время полевых работ или промысловых занятий. В 1623 году группу крестьян с. Томниково и д. Пеньков Шацкого уезда атаковали «воровские казаки» и «литовские люди»[2] во время бортного промысла на р. Хопре[3]. Три крестьянина д. Пеньков Никифор Попов, Никифор Батаносов и Максим Фомин были захвачены в полон. Крестьянин с. Шаморги Сидор Матвеев собрал всех бортников, настиг нападавших и отбил пленников, а затем

---

[1] *Новосельский А. А.* Борьба Московского государства с татарами в XVII веке. М.; Л., 1948. С. 153–154.

[2] Литовскими людьми называли жителей Украины, входивших в Речь Посполитую.

[3] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. № 12. С. 351–353.

они вернулись обратно в Верхоценскую волость. В степи русские промысловики захватили в плен казака Ивана Бирюкова и привезли его в Шацк. В расспросе воеводе пленный признался, что он жил в Воронеже, в 1623 году ходил на р. Медведицу и жил на Дону. Вместе с 35 донскими казаками пытались отбить на перевозе р. Медведицы «ясырь»[1]. После этого они пошли на р. Сертубу, а с неё на Хопер и разгромили здесь 3 стана бортников. Они захватили платье, запасы и лошадей, но бортников не «побивали». Затем казаки двинулись на Медведицу, но сам Иван оказался болен, так как его изломал медведь. Товарищи оставили его одного и велели идти на Дон самостоятельно, а сами пошли в Темниковский уезд. Он бродил один по степи две недели, пока на него «не наехали» С. Матвеев с товарищами. Воевода заслушал пленного и посадил его до царского указа в тюрьму. Насколько правдивы были показания пленного, неизвестно, так как дальнейший ход следствия в документах не сохранился.

В 1624 году крестьяне Верхоценской волости жаловались на разбойные действия группы «воровских казаков» во главе с Тимофеем Поповым в их бортных ухожьях[2]. Они нападали на бортников и грабили их во время промысла. Поэтому промышленники опасались выезжать в степь. Крестьяне с. Шаморги Сидор Матвеев, д. Пеньков Марк Марков и д. Тамбов Алексей Васильевич Бойкин поймали одного из воровских казаков – Шестонку Яковлева и привели его для расспроса в Шацк к воеводе. Одновременно они выразили надежду на помощь шацких служилых людей по поимке остальных разбойников. Источники не раскрывают дальнейшие дествия крестьян Верхоценской волости по отпору «воровским» казакам.

21 июня 1626 года на замену сторожевым казакам приехали сменщики во главе со Степаном Скомороховым с товарищами. Сторожевые казаки поехали обратно в Шацк и по дороге обнаружили свежую сакму. По их анализу татарский отряд насчитывал более 100 человек. 24 июня 1626 года в Шацк приехал сторожевой казак

[1] Ясырем называли пленных, которых захватывали кочевники во время походов на русские земли.

[2] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 11. С. 251–253.

Степан Скоморохов и сообщил воеводе об обнаружении другой татарской сакмы, которую он видел 23 июня в сумерках, проезжая на стан своей сторожи у Польного Воронежа. По его расчетам, более 300 татар возвращались после набега на Верхоценскую волость в степь. С. Скоморохов поехал к себе на стан и обнаружил ещё 9 татар, от которых спрятался в кустах. Его товарищи казаки Потап Клоков и Смирка Ондросов были пленены кочевниками и уведены «в полон».

Одновременно 24 июня этого же года в Шацк к воеводе Григорию Кокореву пришел крестьянин Верхоценской волости с. Черленово Кондратий Марков. Он сообщил, что 23 июня 1626 года татары приходили на Моршенские поля (около с. Морши). Они захватили около 30 человек в полон и 10 человек поранили. 26 июня татары появились на полях д. Горелое[1]. Здесь местное население дало бой противнику и вынудило его повернуть в степь. Во время боя погиб крестьянин Гришка Матюкин, были захвачены пленные и часть русских лошадей. В плен крестьяне захватили ногайца Салтанова улусу. Его привели к тамбовскому воеводе. На допросе он рассказал, что его звать Тухтаралеп Горяинов. Всего в набеге на русские земли участвовало 110 человек азовских татар и ногайцев. Их отряд прошел на Ряжск и Сапожек, а затем повернул в Верхоценскую волость. Всего в плен они захватили 200 русских людей.

После этого татары решили продолжить набег и повернули на Шацк на «жнивьё». То есть они рассчитывали захватить крестьян во время полевых работ. Пленный поведал о желании племянника крымского хана Шингерея мурзы набрать в поход на Русь крымских и азовских татар, ногайцев, пятигорских черкас и других «охочих» людей. Пленного ногайца воевода отправил в Москву вместе с пленившими его крестьянами Матвеем Яковлевым и Артемом Быковым. Оба крестьянина получили за свой мужественный поступок по 2 рубля и отрезу сукна в награду[2].

---

[1] РГАДА. Столбцы Белгородского стола. № 11. С. 244–246.

[2] РГАДА. Ф. Столбцы Приказного стола. № 20. Л. 91–93.

Шацкий воевода просил разрешение на преследование татар силами крестьян, бортников и мордвы Верхоценской волости, так как собственных служилых людей у него в это время не доставало. По его отписке в крепости находилось только 48 служилых людей, и половина из них не имела лошадей. Воевода отписал приказчику Верхоценской волости князю Дывыду Щербатову о сборе всех «охочих» людей. Однако для этого требовался указ самой Марфы Иоановны, который так и не появился.

В 1627 году шацкая сторожа с речки Ламки донесла о появлении противника[1]. Сторожевой казак шацкой смесной сторожи Иван Безобразов сообщил, что 2 июня в первом часу ночи к д. Тонбов и Вижавино Верхоценской волости приходили более 50 татар и взяли одного человека в плен[2]. Далее противник пошел в сторону Ряжска. Казак Степан Канаиденов рассказал, что когда он ночью ехал в Шацк, то видел на р. Вопше огни костров в трех местах. 7 июня в Шацк приехал другой казак с Липовицкой сторожи Иван Новиков. Он сообщил, что 4 июня у Липовицких отрогов видели около 30 татар. Казаки спрятались в бояраке, а затем забрались на дерево и обнаружили отряд кочевников из более 300 всадников.

Другой случай произошел в 1627 году во время многочисленных нападений противника на русскую границу, когда татарский отряд численностью свыше ста человек в июле года появился в Верхоценской волости. 8 июля 1627 года около 100 татар приходили на поля с. Питерское и захватили на пашне 7 крестьян[3]. Крестьяне и мордва с. Питерское, услышав о нападении противника, выбежали им навстречу и дали бой. В этом бою кочевники потеряли двух убитых, а местное население одного убитого. На полях с. Керша появилось 20 татар, где они убили одного и взяли в плен 3 крестьян.

Во время русско-польской войны за Смоленск татары продолжали тревожить русскую границу. Ослабленная отсутствием основных войск оборона южной границы не смогла достойно отразить

[1] РГАДА. Столбцы Приказного стола. № 18. С. 151–152.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 27. Л. 16–17.

[3] Там же. Л. 238–239.

эти набеги. В них активно участвовали крымские татары, ногаи и представители других кочевых народов южных степей. В 1631 году они использовали Кальмиусский и Изюмский шляхи. В мае 1631 года татарские отряды появились в Верхоценской волости. 6 мая в Шацк со своей вотчины с р. Хопра пришел дворцовый крестьянин Черной Слободы Василий Шантин[1]. Он рассказал воеводе Р. Ф. Боборыкину о приезде на Хопер донских казаков, которые видели татар, переходивших Дон на Казанском перевозе. Татары якобы направились к шацким местам. 21 мая шацкая и ряжская совместная сторожа на р. Ламки ехала в сторону Польного Воронежа и увидела татарскую сакму. По их подсчетам отряд был не менее 50 человек.

23 мая 1631 года татары взяли в полон на полях с. Куксово 1 мальчика и 4 лошади[2]. Однако, обнаружив крестьян на пашне с оружием и лошадьми, они быстро ушли в степь. Шацкий воевода Р. Ф. Боборыкин организовал преследование грабителей силами шацких служилых людей, крестьян и мордовцев численностью до 70 человек. 30 мая русский отряд настиг противника и отбил 20 пленных с. Петровского Ряжского уезда. В качестве трофея удалось захватить 2 языков. Языки рассказали, что более 300 татар пошли в сторону Сапожка. В Москве пленные поведали о походе на Шацкие места 400 степняков азовцев, крымчан и татар Казыева улуса. Они двинулись на Русь 7 июля сначала под Елец, не доходя до Ельца разделились на две части. Первая пустилась «в разгон», то есть разбившись на мелкие группы ушли в степь. На вторую напали государевы люди и разгромили противника. Татары вынуждены были отойти в степь, а через три дня вновь пойти на Данковские и Ряжские места. На р. Ярославке государевы люди в бою сумели отбить полон обратно. О нападении татар «за пять дней до Покрова» на крестьян Верхоценской волости рассказал Шацкому воеводе Р. Ф. Боборыкину крестьянин с. Черняное Никон Васильев. На них напали 50 человек татар и 25 крестьян разных сёл взяли в плен.

---

[1] РГАДА. Ф. Столбцы Приказного стола. № 48. Л. 96–98, 224–230.

[2] Там же. С. 225–229.

Однако в этом году на тамбовские земли татары нападали и осенью. К воеводе Р. Ф. Боборыкину 28 октября пришел в воеводскую избу крестьянин с. Горелое Григорий Балда. Он рассказал, что 19 крестьян этого села ходили на свою вотчину р. Савалу для рыбной ловли. Недалеко от д. Тонбов в урочище на них напали 40 татар и убили трех старых крестьян д. Старые Федьки и 4 человек взяли в плен[1]. Остальных крестьян татары осадили и ранили ещё 9 человек. Но промысловикам удалось отбиться от нападения. По внешним признакам крестьяне считали этих грабителей астраханскими татарами.

Крестьяне Верхоценской волости сообщили воеводе о приходе татар 5 и 6 октября на их дальние вотчины на Хопре, Вороне и Панде. Здесь они захватили в плен 4 крестьян и мордву и использовали их как вожей. Испуганное население волости, покинув свои дворы и имущество, попряталось по лесам. 31 октября 1631 года в Шацк пришел крестьянин с. Темяшева Сергей Борисов. Его захватили в плен 19 октября азовские татары в вотчине на р. Хопре, и он две недели был с ними. Сумел сбежать на р. Савала. По его данным отряд татар насчитывал свыше 100 человек, а вожем у них шел донской казак Федька. Р. Ф. Боборыкин указал послать из Шацка на помощь крестьянам Верхоценской волости 167 казаков под командованием стрелецкого и казачьего головы Кондрата Порошина и 168 станичных вожей. Это были все свободные наличные силы в распоряжении воеводы. Им приказали постоянно высылать сторожи для «проведования» сведений о татарских вестях.

В 1632 году татарский поход был согласован на самом высоком уровне в лице крымского хана, в нем участвовали многочисленные татарские отряды. Фактически атаке подверглась вся южная окраина Русского государства. Основной удар кочевников пришелся через Муравский, Кальмиусский и Изюмские шляхи. Только по официальным данным противнику удалось захватить в плен около 3000 человек. Однако сведения по Верхоценской волости и Шацкому уезду в архивах отсутствуют. В 1633 году татары повторили свой поход

[1] РГАДА. Ф. Столбцы Приказного стола. № 57. Л. 620–626.

по данным маршрутам. Общее руководство войсками осуществлял сын крымского царя царевич Мубарек Гирей. Потери русских доходили до 5600–5700 человек[1].

В 1634 году татары совершили набеги в основном по Изюмскому и Кальмиусскому шляхам, почти не затронув Верхоценскую волость. Однако из письма Разрядного приказа шацкому воеводе Гавриле Константиновичу Яшкову видно, что в Шацкий уезд также приходили небольшие группы татар и захватили большой полон[2]. Правительство требовало прислать сведения о людских потерях.

В первой половине лета 1635 года противник проник под Валуйки, Новосиль, Ливны, Мценск, Курск. К концу лета этого года основным направлением действий кочевников стал Ногайский шлях в направлении Ряжска и мордовских земель. Уже в мае 1635 года правительство получило известие о движении орд Больших ногаев в сторону южных границ. «Земцы» видели татарские сакмы на Хопре и Иловле. Сакму от отряда татар численностью более 200 человек 2 августа обнаружили через р. Польной Воронеж[3]. Кочевники появились на полях с. Татаново, где захватили 1 крестьянина и 5 мордовцев. Зимой 1635 года отряд татар появился вблизи Верхоценской волости. Шацкий воевода Гаврила Юшков доложил информацию земского дьячка Верхоценской волости Ивана Бойкова. Тот приехал для сбора государственного оброка в с. Кулеватово, и местный староста Нехороший Селдемирев рассказал о приходе кочевников. А 3 декабря 1635 года в Липовицкий ухожей пришло более 50 человек конного противника и поймали здесь 4 бортников, пожгли «зимницы», то есть зимние избы[4]. Ответ воеводы был традиционен: он советовал крестьянам Верхоценской волости «жить с великим бережением». Ничего другого предложить не смог.

Весной 1636 года татары появились под Валуйками, Ельцом, Новосильем, Курском, Белгородом и другими районами юга России.

[1] РГАДА. Ф. Столбцы Приказного стола. № 57. С. 216.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. № 101. Л. 1–2.

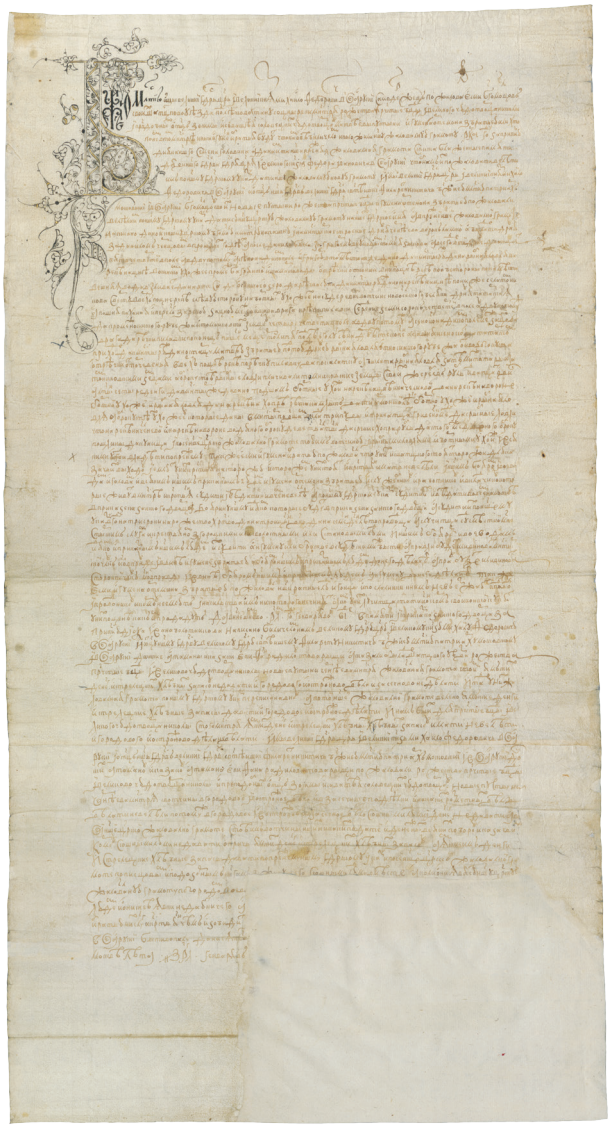
[3] Там же. С. 233.

[4] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. № 64. Л. 197.

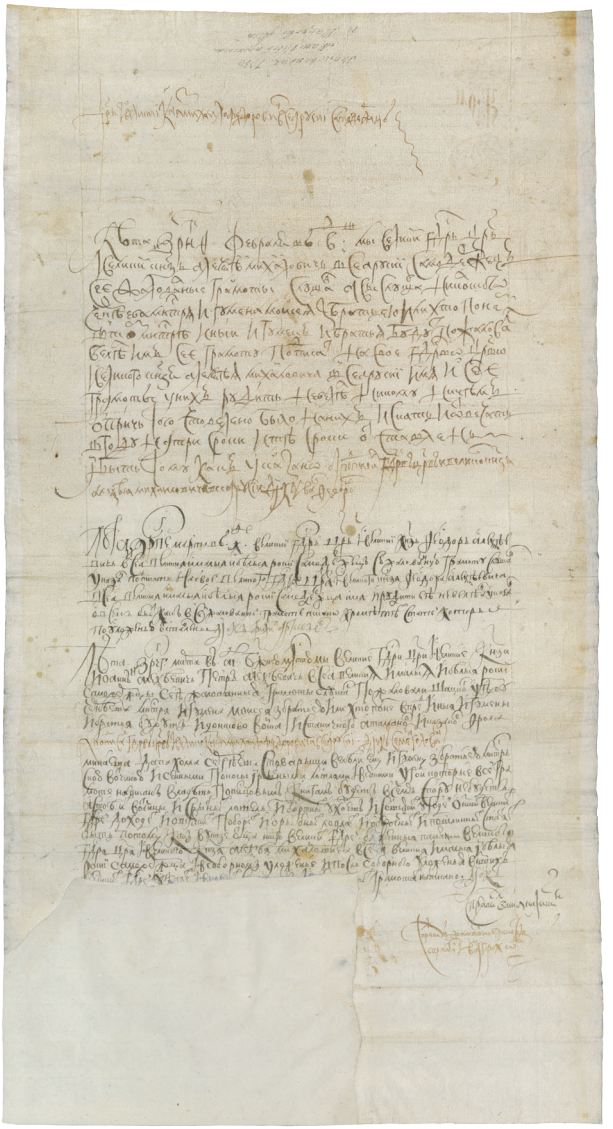
В августе 1636 года большой отряд татарской конницы в 10000 человек появился у р. Хопра. Они направлялись к Козлову, Тамбову, Ряжску и Рязани. Однако серьезная концентрация служилых людей в районах строительства новых городов отпугнула кочевников от большой войны. Они действовали только небольшими отрядами, а основные силы ушли обратно в степь.

Можно подвести некоторые итоги истории татарских набегов в первой трети XVII века. В отражении набегов противника местное население могло в основном рассчитывать только на собственные силы. Во время очередного нападения татар в 1626 году шацкий воевода Григорий Кокорев затеял долгую переписку с Разрядным приказом по поводу отказа служилых и вольных «охочих» людей идти в Шацк, а Верхоценскую волость оставил без защиты, предложив населению «жить с великим бережением».

Крестьяне вырабатывали собственные приемы борьбы с татарами, строя вокруг поселений простейшие укрепления, выезжая в поле и ухожья большими группами с оружием. Всё это помогало отбиться от небольших отрядов врага. В случае появления крупных сил татар население спасалось бегством в леса, где располагались традиционные бывшие мордовские «тверди». Да и большинство сёл и деревень Верхоценской волости в это время размещались ещё на правом лесном берегу р. Цны. Потребности развития экономики страны, интересы крестьян и феодалов в новых плодородных землях, необходимость защиты границ настоятельно требовали создания новой оборонительной системы на южных рубежах России. Особенно остро эта проблема стояла перед населением дворцовой Верхоценской волости, значительная часть поселений которой находилась за пределами Шацких укреплений.



Жалованная тарханная грамота
Михаила Федоровича и патриарха Филарета Матвеевой новой пустыни
Шацкого уезда Подлесского стана со Цны реки монастыря Рождества
Богородицы 1622 г. РНФ. Фонд 532. Д. 192.



Жалованная тарханная грамота
Михаила Федоровича и патриарха Филарета Матвеевой новой пустыни
Шацкого уезда Подлесского стана со Цны реки монастыря Рождества
Богородицы 1622 г. РНФ. Фонд 532. Д. 192.

Миниатюра Успенский Собор.
Из книги «Об избрании на царство». 1672–1673.

Миниатюра Красная площадь.
Из книги «Об избрании на царство». 1672–1673.

Копия И. Ведекинда с прижизненного портрета Михаила Федоровича

Патриарх Филарет. Портрет из царского Титулярника

Инокиня Марфа Иоановна (в миру Ксения Иоанновна Романова).
Портретная фантазия художника XIX в.

Глава вторая.

ВЕРХОЦЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ ШАЦКОГО УЕЗДА

2.1. ОБРАЗОВАНИЕ ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

Верхоценская волость возникла в Поценье на территории коренного проживания мордвы, тем самым окончательно включив её в состав Московского государства. Однако событию этому предшествовал долгий и сложный процесс постепенной интеграции региона в общерусское пространство, связанный со столкновением разных ментальностей, хозяйственных укладов и, в целом, разных временных и цивилизационных пластов. Рассмотрим основные этапы этого процесса.

О мордовских вотчинах и селах на Цне впервые упоминается в докончании[1] 1496 года великого князя рязанского Ивана Васильевича с князем Федром Васильевичем: «А что моя мордва деленая с водчинами во Цне... и мордва деленая со всеми доходы моя и есть, по старине. ... что наши села в Мордве на Цне и на Украине, и те села ведати нам по записям.»[2]. Из текста документа видно, что в конце XV века цнинский регион ещё воспринимался рязанскими князьями как территория «мордвы», то есть как некое этнически обособленное территориальное образование. Фраза о «своих селах в Мордве» говорит о правах рязанских князей лишь на несколько населенных пунктов, основанных русскими крестьянами (или обрусевшей крещеной мещерой) и находящихся за границей их уделов, в нижнем течении Цны. В то же время необходимо отметить и определенную зависимость части мордовского населения Поценья (фраза «моя мордва»), которое, вероятно, выступало как коллективный данник рязанских князей.

[1] Докончание – договор о заключении мира.

[2] *Цепков А. И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков. Рязань, 2005. Т. 1. С. 254.

Наличие у мордвы вотчинных владений свидетельствует о существовании договорных отношений с рязанскими князьями, в соответствии с которыми за мордвой сохранялась их родовая территория в обмен на выплату дани. Указание на «деленую мордву», то есть занимающуюся оброчным промыслом по добыче меда, как на плательщиков дани, с одной стороны, говорит о том, что основным занятием цнинской мордвы было бортничество, а доходы от него выступали основным объектом для обложения данью. С другой стороны, это может быть свидетельством существования и других групп мордовского населения (вероятнее всего, представителей мордовской знати), не являющихся плательщиками дани. Для этой категории мордовского населения условием сохранения определенной территориальной независимости являлось несение службы в пользу рязанских князей.

Аналоги подобных отношений можно увидеть и в вотчинном праве башкир. Так, условиями сохранения вотчинных земель башкир при интеграции их в административную структуру Московского государства в XVI веке являлись ясак и воинская служба[1]. Возникновение подобных отношений между мордвой и рязанскими князьями следует отнести к концу XIV века, то есть ко времени захватов мордовско-татарских территорий Московским и Рязанским княжествами. В известной договорной грамоте 1381 года великого князя Дмитрия Ивановича с рязанским великим князем Олегом Ивановичем проводится раздел захваченных до 1381 года «татарских мест»[2]. По сути, формулировка о разделе отвоеванных «татарских мест» из грамоты 1381 года переходит во все последующие докончания московских и рязанских князей, начиная с докончания 1402 года и до последнего докончания 1483 года, с единственным только исключением. Оно состоит в том, что в документе 1381 года говорится только о «татарских местах», во всех последующих же

[1] *Буляков И. И.* Истоки формирования Башкирской вотчины в XIII веке // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. Вып. № 9. С. 5.

[2] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. М., 2003. С. 344.

документах говорится о «Татарьская места и Мордовска места»[1]. Подобная разница в формулировках может свидетельствовать о том, что до 1381 года отвоеванные мордовские территории воспринимались как неотъемлемая часть татарских территорий.

Хотя в документах нет указаний на расположение этих татарских и мордовских мест, можно предположить, что это граничившие с Мещерой (часть которой принадлежала и Москве, и Рязани) на востоке и юго-востоке территории крупного золотоордынского центра – улуса Мохши, который включал в себя земли постоянного проживания мордвы. Исходя из найденных монетных кладов и ремесленных изделий, границы улуса Мохши в XIV веке определяют на востоке – до Суры, на западе – до Цны, на юге – по Хопру, на севере – до Теши[2]. Поражение рязанским великим князем Олегом Ивановичем в 1365 году независимого правителя улуса Мохши – бека Тагая, окончательный разгром в 1380 году Мамая, в подчинении которого находился улус с 1368 года, вероятно, позволили рязанскому князю расширить свою территорию за счет мордовско-татарских земель на юго-востоке, включая область нижнего течения Цны.

Наличие тюркизмов в названиях ряда сёл в нижнем Поценье позволяет локализовать бывшие татарско-мордовские владения, отошедшие к Рязани. Так, название Ялтуново от «алтун» – древне- и среднетюркской формы «алтын», что означает «золото», «золотой», «золотая монета»[3]. Скорее всего, это место было связано со сбором дани либо с нахождением монетного двора. Название Конобеево, вероятно, образовано от двух слов – тюркского «ко:н», имеющего соответствие в монгольских языках (монг. qono- < пратюрк. qonā)

---

[1] *Кучкин В. А.* Договорные грамоты московских князей XIV века. М., 2003. С. 149, 166, 192, 245.

[2] *Мокшин Н. Ф.* Мохши – столица одноименного улуса и Золотой Орды // Социально-политические науки. 2011. Вып. 1. С. 13.

[3] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 142.

с трактовкой «стоянка», «ночлег», «гость»[1], и «байа» – со значениями «прежде», «раньше», «исстари», «давно»[2], таким образом переводимое как «старое место» или «давняя стоянка». Возможен и другой вариант трактовки, связанный со словами «ка:н»[3] в значении «утолять жажду» и «бей, бийе» – «кобыла»[4], в этом случае указывающий на место водопоя лошадей.

Название Алеменево происходит от тюркской основы «алама» – «чистая поляна среди леса»[5]. Особо хотелось бы отметить село Томниково, располагающееся немного выше (60 километров) от указанного анклава по течению Цны. Несомненна его связь с золотоордынским понятием «тумен». По мнению М. Г. Сафаргалиева, города Тюмень на Туре, Темников на Мокше, Тюмень на Тереке возникли в середине XIII века на месте резиденции золотоордынских темников – военноначальников, посаженных для поддержания центральной власти в завоеванных областях[6]. К этой же группе можно отнести и Томниково, однако однозначно гворить о времени появления и его характере нельзя. Значение термина «тумен» в Золотой Орде эволюционировало со временем и от понятий военной единицы, количества податного населения переходило с XIV века к понятию административной единицы, округа[7]. Тумены применялись в регионах проживания оседлого населения так же, как и в кочевых

---

[1] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «К» / авт. сл. статей Л. С. Левитская, А. В. Дыбо, В. И. Рассадин. М., 2000. С. 55.

[2] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. С. 30–31.

[3] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на буквы «К», «К». М., 1997. С. 251–252.

[4] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Б». М., 1978. С. 106.

[5] *Севортян Э. В.* Этимологический словарь тюркских языков (общетюркские и межтюркские основы на гласные). М., 1974. С. 135.

[6] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 219.

[7] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 122.

областях[1]. Поэтому нельзя исключать и более позднее появление этих названий, связанных с административными центрами ордынских феодальных владений.

Таким образом, судя по концентрации населенных пунктов и их названиям, можно предположить, что в нижнем Поценье в районе устья Выши и на средней Цне существовал некий татарский (ордынский) административный округ (возможно, связанный с управлением мордовскими землями), территория которого с конца XIV века отошла к Рязанскому княжеству. По всей видимости, с этими территориальными приобретениями Рязани и стало возможным появление «сел в Мордве на Цне», т.е. русских поселений на мордовской территории в нижнем течении Цны, зафиксированное в документе 1496 года.

С этого же времени (с конца XIV века) и часть мордовского населения Поценья выходит из-под власти Золотой Орды, становясь данником Рязанского княжества, что послужило основанием для последующей идентификации в документах мордовской территории. Вероятней всего, это и была мордва, проживающая в районе устья Выши и на средней Цне, в районе будущего Чернеевского монастыря. На это косвенно указывает грамота Ивана IV 1583 года, где сообщается: «...на реке на Цне за новокрещеном, за Ивашком Просондеевым, на оброке Момышева поляна, ...а то деи усадище ево, на Момышеве поляне, стояла церковь Никола чудотворец без петья ветха много лет...»[2].

Строительство церкви в этом регионе выступало инструментом политики и было маркером принадлежности на завоеванной и осваиваемой территории. Переселение на данные территории православных представителей также должно было быть необходимым элементом для утверждения и закрепления здесь прав рязанских

---

[1] *Почекаев Р. Ю.* К вопросу об административном устройстве Золотой Орды // Сибирский сборник. 3. Народы Евразии в составе двух империй: Российской и Монгольской. СПб., 2011. С. 177.

[2] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 17.

князей. Однако факт того, что построенная церковь реально не функционировала, говорит всё-таки о большой доли самостоятельности региона. Рязань не проводила активных действий по его освоению и колонизации и вполне довольствовалась поступающим оброком, что, конечно же, устраивало и другую сторону.

Но неизбежно в татарско-мордовский компонент постепенно начинали вливаться мещеряки, русские крестьяне, таким образом, изменяя облик региона.

После смерти в 1500 году великого князя рязанского Ивана Васильевича его брат, Федор Васильевич, будучи бездетным, в 1503 году передает свой удел дяде по матери Ивану III, что нашло отражение в духовной грамоте 1504 года[1]. Таким образом, уже с 1503 года часть сёл в нижнем течении Цны (район устья Выши) переходят во владение московских князей, образуя своеобразный анклав на мордовской территории и ядро, вокруг которого в будущем формировалась Верхоценская волость. Вместе с этим и часть цнинской мордвы со своими вотчинами переходят под власть Москвы. Здесь стоит отметить, что та же духовная грамота 1504 года окончательно закрепила в составе Московского государства и мордовские территории по Мокше (район Кадома и Темникова): «да Мещера с волостьми, и з селы, и со всем, что к неи потягло, и с Кошковым, да князи мордовские все, и з своими отчинами, сыну же моему Василью»[2]. Именно с этого времени появляются жалованные грамоты московских князей татарским князьям и мурзам на владения в цнинском регионе.

Одна из первых грамот, датируемая между 1503 и 1505 годами, выдана князю Акчуре Адашеву: «Великий князь Иван Васильевич всея Русии пожаловал естьми князя Акчуру Адашева сына, да его ж детей Бараша да Булуша да Кудаша, в Мещерском уезде на Цне, в своем великого князя в селе Купле в Веконяпине Поляне дворами крестьянскими, и с пашнею, со всем с тем, что к тем крестьянским дворам все угодья старины потягло, опричь дворов и пашни

[1] *Цепков А. И.* Свод письменных источников по истории Рязанского края XIV–XVII веков. Рязань, 2005. Т. 1. С. 271.

[2] Там же.

что за мордвою. ...А у подлинной грамоты позади написано князь великий Василей Иванович»[1]. Село Купля располагалось как раз в нижнем течении Цны, у устья реки Выши.

Из текста грамоты видно, что сёла в нижнем течении Цны имели смешанный этнический состав – русские (крестьяне) и мордва. Но если крестьянские дворы могли «жаловаться» великим князем за службу, то мордва в отношении своей территории сохраняла ещё относительную самостоятельность. Это объясняется, во-первых, тем, что, переходя под власть Москвы, мордва сохраняла свои права на территории на тех же условиях, какие были и при рязанском князе. Во-вторых, не стоит забывать, что рядом находилась мордва, ещё остававшаяся данником Рязани, и в этих условиях московский князь не мог менять сложившуюся до него модель отношений.

Ситуация начала меняться со второй четверти XVI века, то есть после окончательного присоединения территории Рязанского княжества к Москве и, соответственно, находившихся в его ведении мордовских территорий. Скорее всего, именно в этот период переходит под юрисдикцию Москвы и территория на среднем Поценье, в районе будущего Чернеева монастыря.

Административно дворцовые сёла и деревни, в том числе и район средней Цны, включались в состав Мещерского уезда. Об этом свидетельствует упоминание в документах факта проведения писцовых описаний этих территорий мещерскими писцами: «А в мещерских в оброчных писцовых книгах писца Мещерина Морозова с товарищи лета 7072 году написано: в Подлесном стану дикого поля на оброке за новокрещеном ... за Шацкими вороты меж дву речек Вечкасов...»[2], «Другая мордовская оброчная деревня на реке на Цне ж на усть реки Выши ... да им же дано при мещерских писцах при Василье Волынском с товарищи в 87 году лесу на роспашку...»[3].

---

[1] Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 773. Л. 17.

[2] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 18.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 227.

В 90-х годах XVI века из Мещерского уезда выделяется Шацкий уезд (после строительства Шацка в 1553 году началось формирование сёл и деревень вокруг города, что способствовало выделению этой территории в отдельную административную единицу). Кроме того, из большого Мещерского выделяются Кадомский, Темниковский и Касимовский уезды. И в этот же период в нижнем Поценье образовывается дворцовая волость с центром в селе Конобеево, со своим административным аппаратом. Источники говорят о деятельности приказных людей волости уже в 1598 году: «Деревня новая Мордовская усада Ернеевская тож... А межа их сенным покосам по отводу села Конобеева приказных людей 106 году...»[1].

Таким образом, в конце XVI века мы фиксируем появление новой административной единицы – Конобеевской дворцовой волости, объединившей в своем составе несколько сёл в нижнем Поценье, включая район устья Выши. Небольшая территория по средней Цне (с. Чернеево и д. Княжая) отошла во владения Чернеевского монастыря и административно относилась к Подлесному стану Шацкого уезда[2].

Наличие населенных пунктов с русским (возможно, обрусевшей мещерой) населением и русскими названиями в конце XVI века в верхнем течении Цны говорит о том, что эта территория также находилась под юрисдикцией Москвы.

Помимо деревни Сокольники, источники упоминают о старых сделках мордвы и бортников деревни Корели, косвенно свидетельствуя о существовании этого населенного пункта в 1593 году: «Мордвин Кечатко Мортясев з дядею своим... ходят бортной Вышинской ухожей и Кашматской, по купчей записи мордвина Армензы Кичемасова сына Шпиля, и его детей... 101 году»[3]. Без уточнения даты, на основании упоминания в сделке количества прежних владельцев, можно также предположить существование в конце XVI века села

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 226 об.

[2] Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И. П. Алябьев. Ульяновск, 2014. С. 194.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 32.

Питерские: «Бортник Дниско Софонов... ходит... весь путь новокрещена Ивашка прозвище Живатко Черматова по купчей записи села Питерских Никольсково попа Второва Андреева»[1].

Вышеперечисленные населенные пункты находились на небольшом расстоянии друг от друга (5–10 километров) и примерно на расстоянии 100 километров от села Конобеево. Сложно сказать, были ли основаны эти деревни и село ещё в период существования Рязанского княжества либо уже после присоединения Рязани к Москве. Но их названия заставляют предположить, что задолго до включения в состав Верхоценской волости данные деревни и село уже функционировали как часть крупного вотчинного хозяйства.

Так, название «Сокольники» населенный пункт мог получить только в случае проживания в нем крестьян, несших тягло в виде обязанности поставлять для княжеского либо царского двора соколов для охоты[2]. По данным Н. И. Кутепова, соколиный промысел в XV–XVI веках в Московском государстве был организован на оброчном начале, сокольники считались государевыми оброчниками и по своему положению отличались от остальных крестьян тем, что обязаны были лишь незначительным оброком в пользу казны[3]. Подобные населенные пункты специально основывались и заселялись в местах ловли птицы на основании жалованных грамот дворцовым оброчным сокольникам[4].

Село Питерские было названо так в связи с проживанием в нем оброчных людей, изготовлявших и поставлявших ко двору питеру – хмельной напиток[5]. Не исключено, что появление на мордовской территории подобного оброчного села было связано с сохра-

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 123 об.

[2] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 2002. Вып. 26. С. 120.

[3] *Кутепов Н. И.* Великокняжеская и царская охота на Руси с X по XVI век. СПб., 1896. Т. 1. С. 152.

[4] Акты исторические, собранные и изданные археографичекой комиссией. Т. 1. 1334–1598. СПб., 1884. С. 546.

[5] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Г. А. Богатова. М., 1989. Вып. 15. С. 60.

няющимися здесь традициями изготовления мордовского напитка на основе меда – пуре.

Еще одна деревня – Корели, по всей видимости, была основана и заселена ремесленниками, производившими деревянную посуду («корельный» – сделанный, выдолбленный из корня дерева, деревянный[1]). Чуть выше по течению от села Питерские, по данным Книги ясачных сборов М. Стрешнева, располагалась деревня Княжая[2]. В тексте нет никаких, даже косвенных, данных о существовании этой деревни в XVI веке. Однако ни в XVII веке, ни во второй половине XVI века населенный пункт с таким названием появиться не мог. Образование его связано с деятельностью либо московских, либо ещё рязанских князей.

Расположение в непосредственной близости от вышеперечисленных деревень и села позволяет связать его с единым промысловым вотчинным комплексом, существовавшим в верхнем Поценье в первой половине XVI столетия. Однако факт отсутствия в писцовых книгах 1622 года каких-либо сведений об оброчных промыслах или о возможном использовании продуктов этих промыслов для нужд двора говорит о вероятном запустении этого комплекса к концу XVI века и прекращении его функционирования. Появившееся здесь в результате образования оброчных деревень и села русское население переходило к более востребованному бортному промыслу, что дало возможность сохраниться населенным пунктам до 20-х годов XVII века. Именно поэтому, по данным 1622 года, основное население деревень Сокольники, Княжая и села Питерские составляли бортники, а не мордва, то есть крещеные люди, занимающиеся бортничеством. При переходе к бортничеству как к основному промыслу неизбежным было и заимствование русским населением у мордвы традиций и организации его ведения.

Другой важной составляющей верхнего Поценья являлось татарское землевладение. Конечно, на данном этапе ввиду весьма

[1] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1980. Вып. 7. С. 307.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 133 об.

ограниченного количества источников по данному вопросу достоверно установить его истоки пока сложно. По поводу появления в Мещере, в частности на Цне, татарских корпораций, исследователи высказывают разные мнения. Так, Д. М. Исхаков считал, что приведенная М. Г. Сафаргалиевым родословная от легендарного князя Бехана – выходца из Золотой Орды, захватившего территорию по Мокше и осевшего там, до князя Акчуры Адашева – его потомка, в отношении которого сохранились две жалованные грамоты начала XVI века, не совсем точна. Однако данные родословной о том, что Бехан был современником Дмитрия Донского, скорее всего, соответствуют действительности. Таким образом, появление в Мещере татаро-мордовских князей, в которых он видел золотоордынских феодалов тюркского происхождения, относится к концу XIV века[1].

Сам же М. Г. Сафаргалиев определял время появления золотоордынского князя Бехана на Мокше серединой XIII века, считая, что тот владел «многими станищами татарскими и мордовскими» «по власти Золотой Орды царя» Батыя[2]. Потомки Бехана – представители татарских княжеских родов Сеид-Ахметовых, Адашевых, Кудашевых, Янгалычевых, Тенишевых и др. – закрепились в мокшанском регионе и владели здесь землями[3].

Г. А. Федоров-Давыдов связывал захваты периферийных районов Золотой Орды (в том числе и мордовских земель) кочевой аристократией с упадком городов и сельскохозяйственных округов Дешт-и-Кипчак с середины XIV столетия и, соответственно, снижением доходов, получаемых с них феодалами[4]. С этим временем и событиями он соотносит появление владений беков по Мокше[5]. Однако каких-либо сведений о распространении их владений на район

---

[1] *Исхаков Д. М.* Тюрко-татарские государства XV–XVI веков. Казань, 2004. С. 191–192.

[2] *Сафаргалиев М. Г.* Распад Золотой Орды. Саранск, 1960. С. 95.

[3] Там же.

[4] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 137.

[5] Там же.

бассейна Цны в период XIII–XIV веков нет. Только уже приводимые выше данные топонимии, и в первую очередь название Томниково, позволяют наметить почву для предположений о существовании на Цне золотоордынского тумена, охватывающего, вероятно, и область верхнего Поценья.

Темников на Мокше, впервые упоминаемый в конце XIV века, также связан с туменом, только уже в мокшанском бассейне. Наличие в пограничных регионах двух туменов заставляет предполагать разные корни татарского землевладения в Поценье и на Мокше. Но если в отношении темниковских княжеских родов сохранились жалованные грамоты и сведения родословных (пусть даже отчасти легендарных), то в отношении цнинских представителей татарской аристократии подобных документов практически не сохранилось либо они ещё не найдены. Данные начала XVII века косвенно, но позволяют увидеть в верхнем Поценье существовавшие ранее татарские владения.

Как уже отмечалось выше, по свидетельству грамоты 1608 года Булаю Кудашеву, мордва Кершинского беляка в XVI веке находилась во владении некоего князя Акчуры Караева, который после смерти не оставил наследников, так как его княжение названо вымороченным. Упоминание об Акчуре Караеве есть и в Книге ясачных сборов М. Стрешнева, где Кершинский беляк в некоторых случаях назван Акчуркараевским[1], что позволяет увидеть в названии беляка сохранение имени прежнего владельца. Известна царская грамота 1685 года, в которой приводятся следующие сведения: «...да выписку с писцовой выписи шацких писцов Григорья Колядинского да подьячего Посника Дементьева 129-го году написано: за Алмакаем мурзою Теребердеевым в поместье, что преж сего было за князь Акчюрою Караевым, а после того было за отцом его, за Теребердеевым, да за братьями ево... четь селца Кошабеева на речке на Цне...»[2].

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 105.

[2] Документы и материалы по истории Мордовской АССР. Саранск, 1940. Т. 1. Ч. 2. С. 402.

Как видим, в XVI веке в Поценье владенья Акчуры Караева находились и в нижнем течении, практически при впадении Цны в Мокшу (с. Кошибеево), и в верхнем течении (район современных сёл Кулеватово и Кершинские борки Моршанского района Тамбовской области), а также, вероятно, по реке Керше, где промышляла мордва Кершинского беляка. Стоит отметить, что владения в нижнем течении Цны представляли собой поместье, то есть были в свое время пожалованы князю Акчуре за службу. Тогда как территория Кершинского беляка являлась «княжением», то есть была родовым наследственным владением, что позволяет связать происхождение Акчуры Караева именно с районом средней и верхней Цны. О личности этого князя практически ничего пока неизвестно, однако его фамилия дает возможность предположить о происхождении от огузо-кипчакского племени Карай и о возможных процессах слияния мордовской и кипчакской знати в домонгольский период.

Исследователи М. Акчурин и М. Ишеев на основании изучения родословных татарских княжеских фамилий делают предположение о том, что Акчура Караев и потомок Бехана, представитель мокшанского татарского анклава – князь Акчура Адашев, могли быть одним лицом, являясь, таким образом, крупным землевладельцем мокшанско-цнинского региона XV–XVI веков и родоначальником множества других княжеских фамилий[1]. Основанием для такого предположения являются два факта. Во-первых, князь Акчура Адашев, помимо пожалованного грамотой 1509 года наследственного «княжения на мордве на Конялской со всем, потому же как было то княжение за отцом его за князем за Адашем и за дядею за его за князем за Седехметом»[2], имел и владения на Цне. Об этом говорит грамота

[1] *Ишеев М., Акчурин М.* Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н. Новгород, 2008. С. 13–14; *Акчурин М.* Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2011. Вып. V. С. 125.

[2] Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 773. Л. 17 об.

1540 года сыну Акчуры Адашева – Кулаю[1], который вместе с «княженьем над коняльскою мордвою, что по Мокше, по тому ж, как то княженье было за отцом его за Акчурою за Адашевым», получил право взимать пошлины с цнинской мордвы: «И вы все люди коняльские мордвы и цненские, которая живет по Мокше и по Цне, князя Кулая Акчурина чтили и слушали, а он вас ведает и судит и бережет и пошлины у вас емлет, потому как вас ведал в суде и в пошлинах преж сего отец его Акчура».

Во-вторых, имя Акчуры Караева упоминается в документах в связи с наследованием его владений потомками Акчуры Адашева. Булай Кудашев, пожалованный «княженьем Караева» в 1608 году, был внуком Акчуры, так же, как и Таребердей, упоминаемый в документе 1685 года[2]. В данном случае пожалование прямым наследникам частей когда-то крупного владения их предка кажется вполне логичным. Кроме того, на правом берегу Мокши, недалеко от родового селения Акчуры Адашева, находилась деревня Караево (современные Большое Татарское Караево и Русское Караево Темниковского района республики Мордовия), что, по мнению исследователей, может быть связано с неким предком Акчуры Адашева по имени Карай, отразившемся в варианте фамилии Караев[3].

Несмотря на указанные аргументы, в настоящий момент говорить о тождестве личностей этих двух представителей татарской аристократии нельзя. И главное здесь то, что в грамоте 1608 года, как уже отмечалось, «княженье Караева» однозначно названо «выморочным», то есть оставшимся без наследников. Тогда как известно, Акчура Адашев имел наследников, которые в этот же период

[1] Государственный архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 1. Ед.хр. 773. Л. 19; *Акчурин М.* Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2013. Вып. VII. С. 17.

[2] *Ишеев М., Акчурин М.* Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н. Новгород, 2008. С. 13–14.

[3] *Акчурин М.* Родословные татарских князей из фонда Саровского монастыря // Этнологические исследования в Татарстане. Казань, 2011. Вып. V. С. 126.

времени жаловались и наследственными владениями (как, например, его внук Ищей Барашев грамотой 1607 года, где прямо указывается, что он жалуется княжением после деда и двоюродного брата[1]), и поместьями за службу. Факт того, что Акчура Адашев с определенного момента был пожалован пошлинами (но не княжением) с цнинской мордвы, является лишь свидетельством того, что в этот период времени часть территории Поценья уже отошла под юрисдикцию Москвы и жаловалась представителям татарских династий, находящимся на службе московского князя.

О какой именно части идет речь в грамоте 1540 года – неизвестно. Это могло быть и нижнее Поценье, отошедшее к Москве от Рязани, о чем уже шла речь. Но нельзя исключать и вариант того, что ещё при жизни Акчуры Адашева татарская аристократическая династия в верхнем Поценье пресеклась со смертью князя Акчуры Караева, что дало возможность Москве распоряжаться «вымороченным княжением». И именно благодаря этому стало возможным появление владений мокшанских татарских землевладельцев на Цне. Однако владения эти по своему характеру и функциям больше тяготели в начале к кормлениям, а жалуемые «судом и пошлинами» татарские князья на подвластной территории в отношении мордовского населения выполняли функции русских наместников, что совершенно справедливо отмечали М. Акчурин и М. Ишеев[2].

Позже, со второй половины XVI века, с развитием института мордовских приказчиков, осуществление судебной функции постепенно исключалось из властных полномочий татарской знати, и пожалование ясаком за службу с конкретной группы мордвы определенной территории приравнивало эти владения к поместным держаниям. Таким образом, «княженье Караева» в верхнем Поценье,

---

[1] *Ишеев М., Акчурин М.* Татарские князья и их княжества в Мещерском крае // Татарские князья и их княжества: сборник статей и материалов. Н. Новгород, 2008. С. 12.

[2] *Акчурин М., Ишеев М.* Этнополитические структуры Мещеры в XVI веке // Средневековые тюрко-татарские государства: сборник статей. Казань, 2014. Вып. 6. С. 12.

даже если после смерти последнего владельца и находилось в управлении мокшанских князей (предположительно в 30–40-е годы XVI столетия), то с 50-х годов перешло под управление московской администрации. Об этом говорит тот факт, что со второй половины XVI века с Кершинского беляка жаловался исключительно ясак, без упоминаний «суда и пошлин» или «княжения». Так, из грамоты 1608 года мы видим, что до Булая Кудашева, ясак «на год по тринадцати рублев с полтиною» с Кершинского беляка получал касимовец Шихмамай мурза Салтаналеев. Документ 1575 года свидетельствует о получении ясака Тенишем князем Янгалычевым: «...А старого ясаку за Тенишем князем Янгалычевым с кершинские мордвы два рубли и десять алтын»[1]. Разница в суммах ясака, скорее всего, была связана с тем, что, некогда целый, Кершинский беляк дробился на неравные части в целях выплаты жалованья нескольким людям.

Помимо «княжения» Акчуры Караева, возможно существование в XVI веке на верхней Цне владений как минимум двух татарских фамилий – князей Темиревых и Долотказиных. Из документа уже конца XVI века мы узнаем о владениях в Поценье ещё нескольких татарских князей и мурз: «...В прошлом деи во 104 году били они нам челом пониже села Томникова о татарской деревне, а владели деи тою деревнею татаровя Цненские князь Исень Ушаков да Тохтар мурза Васильев сын Енаев, да Узраз мурза Елгадеев не по нашей даче и не по грамоте...»[2].

Происходила активная раздача небольших владений служилым татарам, принимавшим участие в военных компаниях второй половины XVI века и участвовавшим в охране южной границы. К 1622 году при описании «нижних» мордовских деревень Верхоценской волости в этом районе фиксируется уже множество татарских поместий. Это поместья Еникея мурзы Ернеева, новокрещена Федора Кудеярова, Чепая мурзы Семенеева и Чепатая кн. Кудашева,

[1] Акты служилых землевладельцев XV – начала XVII века / сост. А. В. Антонов. М., 2002. Т. III. С. 247–248.

[2] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 21.

новокрещена Федора Усенова, мурзы Ишмамета Неверова, Альмакая мурзы Тахтарова, Ураза мурзы Васильева, князя Ивана Мамлеева, князя Андрея Сатыева, татарина Буркаши Девешкина, Ашммета мурзы Исикеева, Чепая мурзы Семенеева и Чепатая кн. Кудашева[1]. Впоследствии часть служилых татар влилась в русское дворянство, часть перешла в сословие однодворцев.

С воцарением Михаила Романова в Московском государстве прекращается практиковавшаяся прежде система пожалований «княжений» мордовско-татарским князьям. После смерти крупных землевладельцев их владения передавались в казну. Наследники получали землю, но уже в виде поместий, которые в конце XVI века стали основной формой землевладения. Государство продвигало южную границу, поглощая последние остатки мордовско-татарских автономий. Мордовская и татарская аристократия вливалась в русское дворянство.

В Книге ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости под 1617 годом есть следующая запись: «Худячко Серкин сын Лопырев Шатского уезда Верхоценские волости деревни Мутасевы мордвин продал в Государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии вотчине ва своем бортнаи ухожью... А купчею писал Верхоценские волости земской дьечок Гриша Иванов 125году»[2]. Таким образом, к 1617 году мордовские деревни в нижнем и верхнем течениях Цны, до этого уже объединенные выплатой ясака, входят в новую административную единицу – Верхоценскую дворцовую волость. А с 1618/1619 года Верхоценская волость переходит во владение матери царя Михаила Федоровича – инокини Марфы Иоановны, к этому времени, вероятно, уже владеющей Конобеевской волостью.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 220–234.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16.

2.2. ТЕРРИТОРИЯ, ЧИСЛЕННОСТЬ И ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

К моменту образования Верхоценской волости географически она охватывала практически всё течение Цны (не доходя до устья примерно 40 километров), однако о целостности её территории говорить нельзя. В документах волость делилась на «нижние» и «верхние» мордовские деревни[1].

«Нижние» деревни располагались, соответственно, в нижнем течении Цны, на левом берегу. Необходимо отметить, что в среднем и нижнем течении реки левый склон является возвышенным, так как долина Цны возникла и развивалась параллельно западному склону Приволжской возвышенности, испытавшему во время образования более быстрый подъем, в то время как правый склон постепенно срезан, а русло оттеснено к левому склону[2]. Территория относится к подзоне северной лесостепи, однако на правобережье подходят лесные ландшафты, по облику не отличающиеся от ландшафтов зоны смешанных лесов[3]. Правый пологий берег террасирован[4]. В отличие от верховьев, в нижнем течении на правобережье лес подходит к воде лишь на отдельных участках, в основном располагаясь

[1] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 4, 264; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 228.

[2] *Юмашев Н. П., Трунов И. А.* Почвы Тамбовской области. Мичуринск, 2006. С. 14.

[3] *Дудник Н. И.* Региональные ландшафтные особенности Тамбовской области // Вестник Тамбовского государственного университета. 2002. № 1. Т. 7. С. 122.

[4] *Юмашев Н. П., Трунов И. А.* Почвы Тамбовской области. Мичуринск, 2006. С. 14–15.

на песчаных и суглинистых террасах. Вдоль берега тянется широкая пойма с заливными лугами, старицами, озерами. На левобережье в нижнем течении пойма более высокая, также со старицами. Ландшафт речной поймы постепенно сменяется степным, и аллювиальные почвы к западу переходят в черноземы.

В соответствии с описанием Ф. Чеботова 1622 года, к «нижним» деревням относились: Березова, Агломазова, Новоселок, Раковская Усада, Янбирина, Инина слобода. В выписках с писцовой книги Ф. Чеботова 1623 года при перечислении «нижних» деревень в этом списке не упоминается деревня Новоселок, вместо Раковской Усады названа деревня Новая Раковская Усада. Все деревни, кроме Новоселка, локализуются на карте Тамбовского наместничества Российского атласа А. М. Вильдбрехта 1792 года и на Плане генерального межевания Шацкого уезда 1790 года.

Согласно этим картографическим материалам, а также по описаниям в книге Ф. Чеботова, деревни располагались на левобережье Цны. Расстояние между ними было не более 5 километров, в общей сложности поселения растянулись на 13–14 километров по пойме. Выше всех по течению располагалась Инина слобода. Самой нижней деревней была Березова. На всем протяжении деревни перемежались с татарскими поместными владениями. Так, Березова располагалась «меж татарских помесных земель Альмакая мурзы Тахтарова да Ураза мурзы Васильева»[1], Агламазова – «меж князь Андреева поместья Сатыева деревни Темешихи да татарина Буркаши Девешкина»[2], Новая Раковская Усада – «меж татарских помесных земель Ашмамета мурзы Исикеева да Чепая мурзы Семенеева да Еникея мурзы Ернеева»[3]. Янбирина граничила с землями новокрещена Федора Усенеева[4] и, вероятно, принадлежащей ему же деревней Усенавой[5] (на Плане генерального межевания 1790 года – Усейново).

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 229 об.

[2] Там же. Л. 230.

[3] Там же. Л. 230 об.

[4] Там же.

[5] Там же. Л. 228.

Между Раковскими Усадами и Усенавой располагалась ещё одна деревня – Раково, жители которой, переместившись ниже по течению, по всей видимости, образовали Раковские Усады (отсюда и вариант названия Новые Раковские Усады). Однако сама деревня Раково своим названием говорит о связи с татарской фамилией Ураковых (в этом же районе упоминается пустошь Ураковская[1]). На момент переписи Раково фигурирует как совместное владение татарских мурз: «...по писцовой выписи от Чепатаевой вотчинной земли княж Кудашева да от вотчинные его и поместные земли Ернеева от деревни Раковы...»[2].

Кроме того, на этом же отрезке «нижних» деревень находились два погоста – Спаской Кашков и Березовский. Судя по описанию, погосты представляли собой небольшие отдельные поселения с церковью и кладбищем, состоявшие из дворов священнослужителей, келий нищих и, возможно, одного-двух крестьянских дворов: «Межа Кашковского погоста церковной земле и усаде и дворищам и выгону...», «...на старом усадище где изстари был храм и погост и поповы дворищи и нищих кельи...»[3].

Это, в общем, согласуется и с определением погоста XVI столетия, которое давал В. О. Ключевский: «Селение с церковью, при которой были только дворы причта да кельи нищих... носило название погоста»[4]. Двойные названия погостов совмещали в себе и посвящение церкви, и название населенного пункта, где они располагались. Так, Спаской Кашков получил название по церкви Спаса и по селению Кашково. Располагался он между деревнями Раково и Усенава и, вероятно, впоследствии слился с деревней Раково, образовав село Раково-Кашково. Место расположения Березовского погоста определить сложнее. В документе указывается на то, что он граничил с землями Ишмамета мурзы Неверова (представителя рода

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 232.

[2] Там же. Л. 228об.

[3] Там же.

[4] *Ключевский В. О.* Русская история: полный курс лекций: в 3 кн. М., 1993. К. 2. С. 26.

шацких князей Енгалычевых) и с поместьем Долмата Новокрещенова[1]. Так же есть указание, что погост относился к селу Березово: «А межа... села Березова церковной земле погосту и усадьбе...»[2]. Таким образом, небольшой погост с одной усадьбой священника, вероятней всего, находился в непосредственной близости от села Березова (не относившегося к населенным пунктам Верхоценской волости и располагавшегося сразу же после деревни Березова ниже по течению), где также существовал храм.

Здесь мы можем наблюдать интересное явление, аналогии которого прослеживаются в Северо-Западных уездах. Так, в Новгородской земле в начале XVI века и на всем его протяжении начинают возникать храмы не на центральных погостских селениях, а в новых сёлах. На определенном этапе сохранялось совпадение административной единицы – погоста и сельского прихода, вновь же образованные храмы назывались «выставками» погостов[3]. Такой «выставкой», вероятней всего, и была церковь в селе Березово, при сохранении действующего погостского прихода. Однако судя по тому, что в погосте отмечена только одна усадьба – скорее всего священника – и нет указаний на дворы причта (как, например, в погосте Спаской Кашков), он на протяжении уже некоторого периода, с момента появления церкви в селе Березово, постепенно терял свое значение, а приходский центр перемещался в село. Сложно объяснить факт того, почему в названии погоста не звучит посвящение церкви. Возможно, это также связано с уменьшением его значения и, как следствие, постепенной утратой названия. Не исключено последующее слияние Березовского погоста и деревни Березова с образованием ещё одного села Березово, что отразилось в названиях граничащих сёл – Новое и Старое Березово.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 229.

[2] Там же.

[3] *Селин А. А.* Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI века (по материалам Новгородского, Ямского, Копорского и Ладожского уездов Новгородской земли) // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1994. Вып. 8. С. 218.

Из источника видно, что погосты и некоторые из «нижних» деревень ранее существовали на правом берегу Цны. В отношении погоста Спаской Кашков отмечено: «Сена за рекою за Цною по старому кладбищу где был старой погост...», «...межа... сенным покосам за Цною рекою на старом усадище где изстари был храм и погост...»[1]. Практически аналогичные записи в отношении Березовского погоста также говорят о старом погосте за Цной, «где были церковь и поповы дворищи»[2]. Сенные покосы на своих «старых селищах» на правобережье были у мордвы и крестьян деревень Березова, Агломазова, Новая Раковская Усада[3]. В документе писцы отмечают принадлежность «старых селищ» современному им поколению людей, живущему на новых местах. Это позволяет определить временные рамки перехода населения с правого берега на левый в пределах десяти – сорока лет до проведения писцового описания, то есть в последние два десятилетия XVI века и до конца первого десятилетия XVII века.

Основным фактором, повлиявшим на переход людей на левобережье, по всей видимости, было изменение климата, связанное с наступлением малого ледникового периода, который, по мнению одних авторов, продолжался с XIV до середины XIX века, а по мнению других, с XVII до середины XIX века[4]. Согласно данным обобщенной температурной кривой по среднегодовой температуре воздуха в центре Русской равнины[5], с середины XVI века начинается постепенное похолодание, достигшее своего максимума в последнее десятилетие столетия. В течение малого ледникового периода происходило повышение уровня Каспийского моря, что указывает на увеличение количества осадков в бассейне Волги и, возможно,

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 228–228 об.

[2] Там же. Л. 229.

[3] Там же. Л. 229 об–230 об.

[4] *Волкова М. А., Кужевская И. В.* Исторические и современные изменения климата. Томск, 2010. URL: http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/meteorology/publications/Истор_и_совр_изменения_климата /index.html

[5] *Клименко В. В., Слепцов А. М.* Климат и история России в IX–XVI веках.// Вестник МЭИ. 1999. № 2. С. 85–93.

на уменьшение испарения[1]. Похолодание и, как следствие, повышение влажности и уровня грунтовых вод приводили к постоянному заливанию правобережной поймы Цны, что делало невозможным дальнейшее обитание здесь людей. В этих условиях высокий левый берег был более пригоден для основания поселений и жизнедеятельности. Кроме того, строительство города-крепости Шацк в 1552 году, который стал основным звеном в Шацкой засеке, растянувшейся от села Конобеево на Цне до села Тимошкино на Паре, обезопасило отрезок нижнего левобережья от набегов степняков и также создавало благоприятные условия для его заселения.

В отношении ещё двух «нижних» деревень – Янбриной и Ининой слободы, нет упоминаний о старых поселениях на правом берегу Цны. Однако что касается Янбирины, то само её название от слов «ян» и «вирь», в мокша и эрзя-мордовских языках означающее «лесная тропа»[2], говорит о первоначальном нахождении поселения в лесной зоне правобережья. Деревня же Инина слобода, вероятней всего, была основана уже на левом берегу как поселение, жители которого были освобождены от уплаты налогов либо имели налоговые льготы. Основанием для подобных льгот могла быть только государева служба, так что первыми поселенцами Ининой слободы были служилые люди, возможно, казаки мордовского происхождения. Появление слободы связано было с уже упоминаемой Шацкой засекой и необходимостью нести службу по ее охране. Название «Инина» означает другая, иная[3] (в настоящее время – село Инная слобода Сасовского района Рязанской области) и, вероятно, возникло как противопоставление Казачьей слободе, основанной ранее под Шацком, либо Казачьей слободе, существовавшей в начале XVII века

[1] *Волкова М. А., Кужевская И. В.* Исторические и современные изменения климата. Томск, 2010. URL: http://ggf.tsu.ru/content/faculty/structure/chair/meteorology/publications/Истор_и_совр_изменения_климата /index.html

[2] Эрзянско-русский словарь / сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов М., 1949. С. 54, 26; *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004. Т. 1. С. 53.

[3] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Г. С. Бархударов. М., 1979. Вып. 6. С. 236.

на левобережной стороне села Конобеево[1]. К моменту проведения переписи поселение было уже дворцовой деревней, а не слободой, то есть первоначальное значение потеряло, и было заселено не служилыми людьми, а крестьянами и ясачной мордвой.

Деревня Инина слобода была крайней верхней из «нижних» деревень Верхоценской волости, гранича уже с расположенными выше по течению Цны населенными пунктами Конобеевского присуда – самостоятельной административной единицей Шацкого уезда.

По мнению Б. Н. Чичерина, присудом в Московском государстве назывался округ, на который распространялась судебная власть кормленщика, которому округ был отдан[2]. Подобное разделение территорий по подсудности во многом повлияло на формирование будущих уездов, вследствие чего в Новгороде и Пскове в XV–XVI веках понятие «присуд» использовалось как синоним уезда[3]. Что касается Шацкого уезда начала XVII века, то здесь, вероятно, понятие «присуд» было равнозначно понятию волости.

Так, в списке с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года употребляется фраза «Верхоценской волости нижних мордовских деревень...»[4]. В выписках же с писцовой книги Ф. Чеботова 1623 года, помимо подобного упоминания «Верхоценские волости в нижних мордовских деревнях...»[5], есть фраза «Да Верхоценскаго ж присуду нижние мордовские деревни...»[6].

О том, что понятие «волость» могло заменяться в том числе, помимо прочих, и понятием «присуд», писал Н. В. Калачев: «Перебрав подручные материалы истории русского законодательства для приискания слова, которым было бы возможно заменить название

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 221.

[2] *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. С. 59.

[3] *Дювернуа Н. Л.* Источники права и суд в Древней России. М., 1869. С. 368; *Чичерин Б. Н.* Областные учреждения в России в XVII веке. М., 1856. С. 59.

[4] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 228.

[6] Там же. Л. 229 об.

«волость», я нашел следующие термины, которыми назывались в разное время в великой России отдельные части уезда: вервь, весь... присуд...»[1]. В исследуемых документах не встречается понятия «Конобеевская волость», а только лишь «Конобеевский присуд». Однако употребление его в следующем контексте: «В та 7130 году марта в 1 дне по указу Государыни Великие старицы Иноки Марфы Ивановны, Федор Чеботов писал села Конобеева и села Ялтунова с приселки и с деревнями, и вес Конабеевской присуд, и Верхоценские волости...»[2] – позволяет рассматривать Конобеевский присуд и Верхоценскую волость как две примерно равные (по системе подчиненности и управления) административные единицы Шацкого уезда.

Нельзя исключать того, что всё-таки существовала некая тонкая грань для дифференциации и предпочтительности употребления в том или ином случае понятий «присуд» и «волость». Возможно, это было связано с преобладанием мордовского либо русского этнических компонентов в округе и, как следствие, разным соотношением сёл и деревень, что могло определять разную подсудность округов. Сколь-нибудь однозначные выводы по данному вопросу сделать пока сложно.

К Конобеевскому присуду относились двенадцать населенных пунктов, располагающихся вниз по течению в следующем порядке: село Ялтуново, деревня Токарево, сельцо Волосатово, село Конобеево, сельцо Темешево, сельцо Аксельменьево, сельцо Алеменево, село Шаморга Нижняя, сельцо Купля, сельцо Новоселки. Отдельно отмечены две оброчные мордовские деревни – Новая Мордовская Усада, «Ернеевская тож»[3], и «другая мордовская оброчная деревня на реке на Цне же на усть Выши»[4].

Селения были расположены на сильно извивающемся участке Цны протяженностью около 30 километров. В районе Ялтуново рус-

[1] Письма разных лет А. Г. Тройницкому // Русская старина. СПб., 1898. Апрель. С. 211.

[2] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 68.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 226.

[4] Там же. Л. 227.

ло реки начинало уклоняться и в районе Конобеево делало крутой поворот на восток, практически поменяв меридиональное направление течения. Только пройдя устье Выши, поселения Купля и Новоселки, направление русла вновь менялось, поворачивая на север. Практически каждое из селений находилось в небольшой речной излучине, чередуясь друг за другом на правом и левом берегах, тем самым формируя своеобразный шахматный порядок расположения. На правобережье располагались Ялтуново, Конобеево, вероятно, Алеменево и Новая Мордовская Усада. В отношении сельца Алеменево однозначно сказать о его расположении на момент переписи нельзя. На Плане генерального межевания 1790 года, так же, как и в настоящее время, село Алеменево расположено на правом берегу Цны. Однако из описания 1623 года этого не видно: «Сельцо Алеменево на реке на Цне, в нем пашни церковные... у речки Азы...»[1]. Во-первых, в тексте нет прямого указания на расположение сельца на «лесном» правом берегу Цны, что характерно для правобережных поселений, как, например, для Конобеево: «Село Конобеево на речке на Цне на лесной стороне...»[2]. Во-вторых, пашня и покосы находились у реки Азы, левого притока Цны. Конечно, это не исключает правобережное расположение Алеменево, однако ставит его под вопрос. Не исключено, что в силу природных изменений люди в рассматриваемый период могли перейти на левый берег, когда же паводки и вероятность затопления освоенного правобережья уменьшились, вернуться на старое поселение.

Ялтуново же и Конобеево находились на правом берегу на небольшом взгорье, рядом с окраиной леса. Именно благодаря возвышенному расположению эти сёла, вероятно, менее либо вообще не страдали от паводков, в отличие от перешедших из-за этого на левобережье «нижних» деревень. Кроме того, серые лесные почвы правого берега позволяли выращивать зерновые культуры, а заливная пойма давала растительность для заготовки сена, что также было фактором сохранения первоначального расположения сёл.

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 224.

[2] Там же. Л. 220 об.

Как уже отмечалось в предыдущем параграфе, правобережные сёла Конобеевского присуда, вероятней всего, отошли к Рязанскому княжеству в результате захвата татарских владений в этом регионе, что позволило постепенно осваивать и левый берег. Из приводимой выше грамоты 1503–1504 годов известно о существовании уже в этот период в устье Выши села Купля, принадлежавшего московскому князю. Появление остальных левобережных поселений произошло во второй половине XVI века и связано было со строительством Шацка, раздачей земли в поместные владения представителям служилой татарской аристократии (сельцо Темешево первоначально звучало как Тенишево и являлось владением мурзинско-княжеского рода Тенишевых; сельцо Аксельменьево), освоением крестьянами степных черноземов цнинского левобережья (деревня Токарево, сельцо Волосатово, сельцо Новоселки). Село Шаморга Нижняя было основано, вероятней всего, выходцами из поселения Шаморга Верхняя на реке Шача (точнее, её левом притоке – Лесная Шача), которая впадает в Цну немного ниже Ялтуново.

Конобеевский присуд, занимая весь участок восточного направления течения Цны, таким образом, отделял «нижние» и «верхние» деревни Верхоценской волости, гранича с крайними из них как ниже, так и выше по течению.

На расстоянии около 8 километров от Ялтуново начинался протяженный массив «верхних» деревень. Согласно писцовым материалам 1622–1623 годов, к «верхним» деревням относились двадцать восемь населенных пунктов, располагающихся вверх по течению в следующем порядке: деревня Шаморга Верхняя и сельцо Сыровель, деревня Турсопка, деревня Сюпа (Сюпью), деревня Носины, село Томниково, деревня Чернитово, деревня Новоселки (Серпьи), деревня Пенки, деревня Алкужи, деревня Мутасево, деревня Корели, деревня Устье, деревня Морша, деревня Сокольники, деревня Крюково, село Питерские, деревня Княжая, деревня Чоркино, деревня Керша, деревня Ардашова, деревня Кулеватово, сельцо Пиркино, деревня Городище, село Черленое, деревня Горелое, деревня Кукосово, сельцо Татаново.

Еще одно поселение, упоминаемое в ряде «верхних» в Списке с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года – деревня Старая[1], однако определить её место расположения сложно из-за недостатка информации. Вполне возможно, что она располагалась не по течению Цны, а по Вороне, в районе её притока – Ржаксы, так как именно здесь находилась территория хозяйственного ведения этой деревни. С другой стороны, это может быть переводом названия «Сыровель», что значит «старое поселение»[2], так как в указанном Списке с книг Ф. Чеботова 1622 года такого поселения нет, а в компилятивных выписках с тех же книг это название фигурирует[3], но, напротив, деревня Старая не упоминается.

Общая протяженность по реке всех «верхних» деревень составляла около 150 километров. В районе устья Шачи на высоком левом берегу компактно располагались три поселения – деревни Шаморга Верхняя и Турсопка и сельцо Сыровель. Здесь лес подступал к реке с обеих сторон. С правого берега – цнинский лесной массив, с левого – смешанный лес левобережья Шачи. Для пашни и сенных покосов этими поселениями использовалась лесостепная территория правого берега Шачи, выходящая в «дикое поле»[4].

Далее, выше по течению, начинались земли Чернеевского монастыря, административно относящиеся к Подлесному стану Шацкого уезда. Сам монастырь, село Чернеево и монастырская деревня Княжая находились на правобережье Цны, в черни, то есть в лиственном лесу. На этом участке реки и выше покрытая лесом высокая правая надпойменная терраса подходила практически к руслу, что спасало от затопления расположенные на ней поселения. Пашня монастырских крестьян и церковная, а также сенокосы располагались за Цной

---

[1] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 340.

[2] Эрзянско-русский словарь / сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. М., 1949. С. 48, 204; *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2004. Т. 1. С. 46.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 273.

[4] Там же.

на «диком поле»[1]. От Чернеева выше снова продолжалась полоса поселений Верхоценской волости. О первых четырех – деревнях Сюпа, Носины, Чернитово и селе Томниково известно, что крестьяне и мордва, их населяющие, распахивали землю и заготавливали сено на левом берегу в поле. Село Томниково и деревня Сюпа находились на правобережье, в отношении же других поселений однозначные выводы об их местонахождении сделать сложно.

Речная терраса правого берега на этом участке реки изобиловала старичными озерами, основная часть которых не промывалась паводковыми водами, вследствие чего не происходило размывание почвогрунтов побережий. Это делало их удобными для поселений. Так, село Томниково располагалось на озере Ивановском, деревня Носины – на озере Носине (в другом варианте – Осине), деревня Чернитово – на озере Чернитове[2]. На старых и современных картах озер с названиями Ивановское и Чернитово не обнаружено, возможно, эти природные объекты не сохранились либо утратили прежние названия. Озеро Осиновское обозначено на карте топографического межевого атласа Тамбовской губернии А. И. Менде 1862 года, на левом берегу Цны, напротив Чернеевского монастыря. Упоминание об этом озере есть и в грамоте Никольской пустыни на рыбные ловли 1586 года: «...а ловят деи они рыбку про монастырскую нужду у мордвы на реке на Цне в Осинском ухожее... да Осинское озерко по обе стороны реки Цны пока места вешняя вода поимает»[3].

Как видно из текста, озеро имело двустороннее расположение, по характеру происхождения, скорее всего, было пойменным, так как промывалось и подпитывалось паводковыми водами. Это определило и название озера – Носины – от мокша-мордовского «нозомс» – пить, тянуть[4], что указывало на характер его питания. Деревня, конеч-

[1] Шацкий уезд XVII века. Государевы служилые люди / сост. И. П. Алябьев. Ульяновск, 2014. С. 195.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 274, 276.

[3] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 19.

[4] *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Йошкар-Ола, 2005. Т. 3. С. 292.

но, получила название от озера, в районе которого была основана, и находилась первоначально на правом берегу реки, где располагался Осинский бортный ухожей. Однако изменение паводкого режима вследствие похолодания, а также, с большой долей вероятности, основание рядом Никольской пустыни, вследствие чего у мордвы их старые рыбные ловли на озере и на реке были отняты и переданы монастырю, повлияло на перенос деревни в другое место. Возможно, сначала это был противоположный берег Цны у того же озера Осиновское, позже поселение поднялось выше по течению, сохраняя левобережное положение. На момент описания деревня Носины, скорее всего, находилась уже на левом берегу, однако соответствовало ли её месторасположение тому месту, где она была зафиксирована картами 1790 и 1862 годов, и нынешнему, сказать сложно.

Деревня Сюпа получила название от небольшого правого притока Цны – речки Сюпь (ср. эрз. Сюпав – богатый[1]), в устье которой она изначально и находилась. Переход поселения на левый берег произошел не раньше конца XVIII века, так как на Плане генерального межевания Шацкого уезда 1790 года оно обозначено ещё на правом берегу. У деревни Чернитово к левому берегу подходил массив «черного леса», росшего по берегам реки Пилавки, левого притока Цны. В рассматриваемое время некоторые участки леса уже были сведены под пашню. Само название «Чернитово», а также существование «черного леса» на левом берегу дают основания предполагать, что деревня изначально основывалась и при описании располагалась на левобережье. Судя по всему, левобережное основание поселений для мордовского населения Поценья XVI – начала XVII века было характерно только при наличии достаточно крупных лесных массивов по левым притокам Цны, как, например, в случае деревни Шаморги Верхней и сельца Сыровель.

Необходимо отметить, что на отрезке между деревнями Носины и Чернитово, вероятно до 50–60-х годов XVII века, существовали ещё две деревни – Поляна Томниковская (Полянка) и Поляна

[1] Эрзянско-русский словарь / сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. М., 1949. С. 207.

Ушакова. В Списке с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года в перечне «верхних» деревень Верхоценской волости эти населенные пункты не упоминаются. Информация о них встречается в выписках конца XVII века с писцовых книг Ф. Чеботова[1] и с писцовых книг Б. Карпова 1640 года[2]. Известно лишь, что Поляна Ушакова находилась на речке Турченка (Турчевелья) – правом притоке Цны, устье которой располагалось примерно на 2 километра ниже по течению от Томникова. Появление этой деревни необходимо отнести ко второй половине XVI века, и связано оно с татарским землевладением в этом регионе. Так, из грамоты 1598 года о бережении Никольской пустыни старца Матвея и его братии известно, что: «...во 104 году били они нам челом пониже села Томникова о татарской деревне, а владели деи тою деревнею татаровя Цненские князь Исень Ушаков да Тохтар мурза Васильев сын Енаев, да Узраз мурза Елгадеев не по нашей даче и не по грамоте, и та деи деревня по нашей грамоте дана им к монастырю»[3]. В грамоте речь, вероятно, идет о деревне Княжая, переданной в вотчину Чернееву монастырю. Но рядом, по всей видимости, находилась ещё одна татарская деревня, бывшая во владении князя Исеня Ушакова, отчего и получила название – Поляна Ушакова. Точное расположение Поляны Томниковской неизвестно, судя по названию, примыкала к Томниково. То, что эти деревни не отражены были в бортных книгах 1622 года, говорит о том, что жители их бортничеством не занимались и на момент описания деревни были заселены крестьянами. Пашни и сенокосы деревень также располагались на левобережье.

В отношении остальных населенных пунктов Верхоценской волости, расположенных выше по течению, начиная с деревни Новоселок и кончая сельцом Татаново, никаких сведений, указывающих на их возможное право- либо левобережное положение в долине Цны в рассматриваемый период, нет. На картографических материалах

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 273.

[2] Там же. Л. 277об.

[3] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 21.

1790, 1862 годов все они (за исключением деревень Княжая и Ардашева, которых на картах нет) обозначены на левом берегу.

Отметим, что долина Цны в верхнем течении имеет вид ящикообразной широкой балки, постепенно расширяющейся и приобретающей ассиметричное строение[1]. На левом склоне долины пологи шириной 1–3 километра образуют одну надпойменную террасу, которая возвышается над поймой на 10–12 метров[2]. Правый склон долины имеет три надпойменные террасы, постепенно возвышающиеся на высоты 5–6 метров, 8–12 метров и 25–30 метров. Террасы на поверхности сложены аллювиальными песками и суглинками[3]. От правого притока Цны – Лесного Тамбова к северу весь район правобережья покрыт лесами, поверхность всхолмленная, много озер, болот[4]. Местами лес на уступах песчаных надпойменных террас подходит к воде. В пойме и на склонах образуются заливные луга. Левый берег представляет собой типичную лесостепь, где до распашки преобладали лугово-разнотравные степи на черноземах[5]. Леса встречались на междуречьях и образовывали сплошные массивы по склонам рек[6]. Ситуация с освоением степного левобережья на участке «верхних» деревень Новоселки – Татаново не должна была коренным образом отличаться от таковой на участке Шаморга Верхняя – Чернитово, хотя прямых свидетельств этому нет. Сенокосы и пашня здесь также должны были располагаться на левом берегу, независимо от места нахождения самой деревни.

Не подлежит сомнению факт того, что большая часть из рассматриваемых «верхних» мордовских деревень первоначально была основана на правых лесных террасах долины. Это было обусловлено спецификой хозяйственной деятельности мордвы, неразрывно

---

[1] *Юмашев Н. П., Трунов И. А.* Почвы Тамбовской области. Мичуринск, 2006. С. 14.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 15.

[4] Там же. С. 21, 27.

[5] Там же. С. 28.

[6] Там же. С. 29.

связанной с лесным ландшафтом. Кроме того, река и густой лес за ней служили надежной преградой от нападений степняков. На правобережный характер возникновения указывают и названия поселений, полученных от названий рек – правых притоков Цны – Морша, Керша. Анклав поселений с русскими названиями, некогда входивших в княжескую вотчину, – Сокольники, Корели, Питерские, Княжая – по роду занятий и промыслов также были связаны с лесом и должны были располагаться на правом берегу.

В отношении Княжей косвенным свидетельством является факт существования урочища и озера с одноименным названием на месте прежнего расположения деревни. На топографическом атласе 1862 года ещё сохранилось обозначение деревни Старое Пиркино в лесной зоне. Первоначальное правобережное расположение с большой долей вероятности характерно для деревень, названия которых, так же как и Пиркино, образованы от мордовских личных имен – Мутасево, Кулеватово, Чоркино, Ардашова, возможно, Кукосово и Татаново либо характеризуют особенности лесного ландшафта в месте расположения поселения – Алкужи, то есть «низкая поляна» или «нижняя поляна»[1]. Писцовые описания позволяют локализовать деревню Городища, которая по данным 1631 года граничила с «пиркинскими и черлянскими земцами»[2], то есть находилась в лесной зоне выше Пиркино по течению и, соответственно, следующей за ней деревни Черленое.

В период проведения описания процесс перехода поселений на другой берег начался, но завершен ещё не был. Сдерживающим фактором были высокие риски, связанные с регулярными набегами степняков и отсутствием на тот момент линии укреплений, защищающих верхний отрезок левого берега. Кроме того, преобладающую роль в хозяйстве большинства «верхних» деревень ещё занимало бортничество и лесные промыслы (в том числе охота), что также удерживало их в лесной зоне. Левобережное положение занимали деревни Ново-

[1] *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских (эрзянского и мокшанского) языков. Т. 1. Йошкар-Ола, 2004. С. 12. Т. 2. Йошкар-Ола, 2005. С. 177.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 251.

селки (будущая Серпьи, позже Серповое) и Пенки. Но они, как и Шаморга Верхняя, Сыровель, Чернитово, располагались в лесном массиве по берегам левого притока Цны, в данном случае реки Серп. Новообразованные русскими крестьянами – переселенцами деревни, они основывались уже на левом берегу, как, вероятно, деревня Крюково.

Появление этого поселения в верхнем течении Цны следует отнести к 20-м годах XVII столетия. В Книге ясачных сборов с мордовских деревень 1622 года деревня не упоминается, однако отнесена к «верхним» деревням в Списке с писцовых бортных книг 1622 года. Нет никаких сведений о возможных межах хозяйственной территории этой деревни с населенными пунктами Сокольники и Питерские, с которыми она граничила согласно картографическим материалам 1790 и 1862 годов, либо вообще с какими-нибудь правобережными деревнями. Объяснением этому может быть то, что деревня в 1622 году ещё не существовала, сведения о ней попали в Список с писцовых бортных книг 1622 года ошибочно, в связи с использованием переписчиками при его составлении материалов более поздних писцовых описаний 1631 года. Однако возможно, что именно левобережное положение деревни послужило причиной того, что она не попала в описание Книги ясачных сборов 1622 года, затронувшее только бортные деревни правого берега.

Переходя к вопросу о численности и этническом составе населения Верхоценской волости, надо сказать, что здесь придется пользоваться определенными допущениями. Дело в том, что имеющиеся писцовые материалы дают сведения только о мордве и бортниках населенных пунктов Верхоценской волости. О крестьянском населении можно догадываться только по наличию пашни и сенокосов, бывших у них в распоряжении. Однако зная примерное количество пашни, приходящееся на каждый двор в определенной деревне, можно установить и цифру крестьянского населения в этой деревне (учитывая, конечно, весьма приблизительный характер такого подсчета). При определении количества мордовских дворов исходя из количества человек, перечисленных в бортных книгах, каждый отдельный налогоплательщик считался представителем одного тяглого двора.

Но во внимание брался и тот факт, что в начале XVII века у мордвы, сочетающей земледелие с промысловым хозяйством, должна была ещё преобладать большая неразделенная семья. Только в этом случае можно было без ущерба для сельскохозяйственных работ выделять отходников на бортничество и рыболовство. И даже почти через столетие, по данным ландратской переписи 1716–1717 годов, неразделенная семья доминировала у мордвы в Алатырском, Саранском, Темниковском уездах[1].

Таким образом, упоминаемые в писцовых материалах «Мордва Богдашко Сайганапин з братом своим с Куземкою»[2] или «Мордва Голь Пороватов с сыном своим со Жданком»[3] считались представителями одной семьи и, соответственно, одного двора. Но «мордвин Велмоватко Пренов з братом своим, с Шапкунком с Пурясевым»[4] рассматривались как представители разных дворов, так как, несмотря на то, что названы братьями, судя по фамилиям, вероятно, не находились в прямом родстве. Кроме того, среди мордвы упоминались новокрещены, то есть жители, недавно принявшие крещение. Однако это были единичные случаи, и, как правило, их семья оставалась мордовской. Так, по деревне Березова упоминался «новокрещен Васка Кечатов с сыном своим с мордвином с Шинданов ком»[5]. Поэтому при обработке писцовых материалов и определении количества населения для расчета количества мордовских дворов новокрещены были отнесены к мордве. Данные об общем количестве отдельно мордовской и крестьянской пашни по населенным пунктам приведены в выписках с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года[6]. Среднее количество пашни, приходящееся на каждый двор, является в данном случае расчетным показателем. Ниже приведена таблица 1.1, в которой представлены данные по шести «нижним» деревням Верхоценской волости.

---

[1] URL: http://zubova-poliana.narod.ru/history-family.htm

[2] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5.

[3] Там же. Л. 7.

[4] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 398.

[5] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 11 об.

[6] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 229–231.

Таблица 1.1

Данные о количестве мордовских дворов и мордовской пашни в «нижних» деревнях Верхоценской волости в 1622 году

Численность	*Название деревни*						ИТОГО:
	Березова	*Агломазова*	*Новая Раковская Усада*	*Янбирина*	*Инина слобода*	*Новоселок*	
Мордвы-бортников (по данным писцовых книг)	31	12	16	39		10	108
Новокрещенов (по данным писцовых книг)	1	1	-	-	1	-	3
Количество мордовских дворов	20	8	11	3	16	6	64
Общее количество мордовской пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж», по данным писцовых книг)	53	49	38	7	36	нет данных	183
Среднее количество пашни, приходящееся на один мордовский двор (четей в поле «а в дву потомуж»)	2,65	6,12	3,45	2,26		-	-

На первый взгляд мы имеем совсем небольшие цифры пашни, приходящейся на один двор. Для сравнения, по Кадомскому уезду на 1630 год на один мордовский двор приходилось от 8 до 11 четвертей пашни[1]. А. А. Гераклитов для Арзамасского уезда на 1628 год приводит цифры от 7,2 до 13 четвертей на двор[2]. Однако по тому же

[1] *Беляков А. В.* Писцовая книга Мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 158.

[2] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 208.

Арзамасскому уезду на тот же год есть цифра и 1,6 четверти[1], что, по мнению А. А. Гераклитова, характерно для новообразованных в начале XVII столетия поселений. В нашем случае, как было показано выше, мы имеем дело с такими же новообразованиями, и, следовательно, приведенные небольшие цифры объясняются именно относительной недавностью освоения местности (и, возможно, недавним началом занятий пашенным земледелием).

Из общего ряда выбиваются цифры пашни на один двор по деревне Агломазова. Здесь, возможно, имеет место неполнота сведений о количестве мордовского населения деревни, и реальные цифры были меньше, либо же деревня существовала на левобережье более длительное время относительно других поселений, и жителями было освоено на тот момент большее количество земли. Данные о среднем количестве пашни, приходящемся в деревне на двор, и общем количестве крестьянской пашни позволяют определить примерное число крестьянских дворов в поселениях. Эти сведения приводятся в таблице 1.2.

Таблица 1.2

Данные о количестве крестьянских дворов и крестьянской пашни в «нижних» деревнях Верхоценской волости в 1622 году

Название деревни	Общее количество крестьянской пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)	Примерное количество крестьянских дворов
Березова	38	14
Агломазова	14	6
Новая Раковская Усада	47	14
Янбирина	24	11
Инина слобода	2	1
Новоселок	нет данных	-
ИТОГО:	125	46

[1] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 207.

Одним из условий здесь при определении числа крестьянских дворов выступало то, что в пределах одной деревни на один равный по численности двор, как мордовский, так и крестьянский, приходилось примерно равное количество пашни. Конечно, это не всегда соответствовало действительности. Так, на примере деревни Инина слобода, количество крестьянской пашни на один двор коррелируется со средними цифрами мордовской пашни. Но по деревне Агломазова данные писцовых бортных книг о количестве бортников – крещеного русского населения, занимающегося бортничеством и являющегося представителями крестьянских дворов, указывают на существование не менее шести крестьянских дворов в деревне, тогда как, руководствуясь цифрами пашни, приходящейся на один мордовский двор, число крестьянских дворов предполагалось бы от трех до пяти. В связи с этим данные в таблице 1.2 корректировались исходя из имеющихся сведений о бортниках «нижних» деревень.

Для определения общего количества населения, проживающего в «нижних» деревнях, необходимо располагать цифрами средней населенности как мордовского, так и крестьянского дворов в рассматриваемый период. Г. М. Белоцерковский приводит данные для конца XVI – начала XVII века о заселенности крестьянского двора разных уездов. По Тульскому уезду в 1627–1629 годах заселенность составляла 5,5 чел., в 1646 году – 8 чел.[1] По Орловскому уезду конца XVI века автор, со ссылкой на П. П. Смирнова, приводит цифры в 6,18 чел., в 1647 году – 6,11 чел., а по Лебедяньскому уезду, со ссылкой на П. Н. Черменского, в 1646 году – 5 чел.[2] Как видим, для разных уездов в разные годы цифры были различны.

В связи с этим в нашем случае корректным будет установление диапазона возможных цифр заселенности крестьянского двора в рамках от пяти до восьми человек на двор. В отношении мордовского двора сведений о его заселенности в рассматриваемый период

[1] *Беляков А. В.* Писцовая книга Мордовских сел Кадомского уезда 138 (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 202.

[2] Там же.

практически нет. Некоторые сведения дает челобитная 1655 года Архиепископа Рязанского Мисаила к Патриарху Никону. Из её текста видно, что в 1654 году в Шацком уезде оставалось «некрещеной мордвы двести пятьдесят дворов, а в них по числу будет две тысячи с лишком человек, да в Кадомском уезде татарских и мордовских пятьсот двадцать дворов, а по числу будет четыре тысячи двести человек»[1]. Эта информация дает нам среднюю цифру в восемь человек на мордовский двор по Шацкому и Кадомскому уездам в 1654 году. Однако нет оснований считать, что и в 1622 году заселенность была такая же. Нельзя исключать тенденцию к увеличению плотности заселения двора на протяжении тридцати лет. Таким образом, и для мордовского двора целесообразно использовать рамки для определения численности человек на двор, принимая цифру пять человек как минимально возможную, а восемь человек – как верхнюю границу возможной заселенности. Данные по численности населения «нижних» мордовских деревень представлены в таблице 1.3.

Таблица 1.3

Численность и этнический состав «нижних» мордовских деревень Верхоценской волости в 1622 году

Численность	*Название деревни*						ИТОГО:
	Березова	*Агломазова*	*Новая Раковская Усада*	*Янбирина*	*Инина слобода*	*Новоселок*	
Мордовского населения (от-до, чел.)	100-160	40-64	55-88	95-156		30-48	320-516
Новокрещенов	1	1	-	-	1	-	3
Крестьянского населения (от-до, чел.)	70-112	30-48	70-112	55-88	5-8	нет данных	230-368

[1] Древние грамоты и акты Рязанского края собранные А. Н. Пискаревым. СПб., 1854. С. 78.

В т. ч. бортников	4	7	3	1	-	15
Общая численность населения (от-до, чел.)	170-272	70-112	125-200	155-252	30-48	550-884

Из таблицы 1.3 видно, что практически все «нижние» деревни Верхоценской волости (за исключением, возможно, Новоселок, где информация о крестьянском населении отсутствует) имели смешанный состав. В процентном соотношении преобладало мордовское население, однако незначительно. По деревне Березова оно составляло около 59% от всего населения, в Агломазове – 57%, в Новой Раковской Усаде – 44%. В Янбириной и Ининой слободе – 61%. В среднем, по всем «нижним» деревням мордва составляла около 58%.

Иная ситуация складывалась в Конобеевском присуде. Из двенадцати населенных пунктов, к нему относящихся, мордва проживала только в трех – селе Ялтуново и в мордовских деревнях – Новой Мордовской Усаде и Мордовской деревне в устье Выши. Данные о примерной численности дворов и населения в целом в этих трех населенных пунктах приведены в таблице 1.4.

Как видно из таблицы 1.4, мордва по численности преобладала только в двух деревнях, в селе же Ялтуново мордовское население составляло не более 16%. Вполне возможно, что данное процентное соотношение было ещё меньше, так как примерная общая численность населения села Ялтуново определена была без учета крестьянского населения, бортничеством не занимающегося. Всего по Конобеевскому присуду мордвы проживало не более 300 человек, и ее доля в составе всего населения присуда была чрезвычайно мала. К сожалению, источники не сохранили данные о численности крестьянского населения присуда, данные о бортниках по подавляющему большинству сёл (за исключением Ялтуново) неполные. Информация о пашне (таблица 1.5), находящейся в пользовании сёл, позволяет предполагать достаточно высокую плотность населения на этом участке Поценья и достаточно продолжительное существование поселений здесь.

Таблица 1.4

Данные о количестве крестьянских и мордовских дворов и численности населения в селе Ялтуново и двух мордовских деревнях Конобеевского присуда в 1622 году

Численность	***Название населенного пункта***		
	Ялтуново	*Новая Мордовская Усада*	*Мордовская деревня в устье Выши*
Мордвы-бортников (по данным писцовых книг)	16	17	19
Мордовских дворов	11	9	15
Мордовского населения (от-до, чел.)	55-88	45-72	75-120
Русских бортников (по данным писцовых книг)	75	3	-
Бортничьих (крестьянских) дворов	58	1	-
Крестьянского населения (от-до, чел.)	290-464	5-8	-
Общая численность населения (от-до, чел.)	345-552	50-80	75-120

Таблица 1.5

Количество пашенной земли в населенных пунктах Конобеевского присуда в 1622 году

Название населенного пункта	Количество пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)
с. Ялтуново	272
д. Токарева	57
с. Конобеево	876

с. Волосатово	180
с. Темешево	488
с. Аксельменьево	440
с. Алеменево	328
с. Шаморга Нижняя	288
с. Купля	224
с. Новоселки	487
д. Новая Мордовская Усада	64 («крестьянские и мордовские пахаты»)
д. Мордовская в устье Выши	30 («мордовские пахаты, земля песочная»)

Учитывая это, с высокой долей вероятности можно говорить о больших размерах пашни, приходящейся на один крестьянский двор, по сравнению с размерами в «нижних» деревнях Верхоценской волости. Думаю, что в Конобеевском присуде эти цифры были сопоставимы с данными по Кадомскому уезду 1630 года и составляли примерно 8–10 четвертей пашни на двор. Исходя из этого, приблизительное количество крестьянских дворов в Конобеевском присуде составляло порядка 450–500, и, соответственно, общая численность населения присуда, вероятно, варьировалась в пределах 3500–4000 человек.

Определить даже примерную численность и соотношения в этническом составе «верхних» деревень Верхоценской волости на данном этапе достаточно сложно. Информация о бортниках и мордве «верхних» деревень фрагментарна, по многим населенным пунктам вообще отсутствует. В Книге ясачных сборов 1622 года описано взрослое мужское население только двенадцати населенных пунктов на участке правобережья Цны от Мутасьево до Кулеватово. В компилятивных выписках с писцовых бортных книг Ф. Чеботова 1622 года имеются сведения о мордве и бортниках «верхних» деревень на отрезке от Шаморги Верхней до Чернитова. Однако они неполные

и отрывочные. Ничего не говорится о крестьянском населении, хотя крестьянская пашня упоминается. Ниже, в таблице 1.6, представлены данные из вышеуказанных писцовых материалов о численности представленных в них мордвы и бортников.

Таблица 1.6

Численность и этнический состав мужского взрослого населения «верхних» деревень Верхоценской волости в 1622 году

Название населенного пункта	Численность			Общая численность мужского взрослого населения по данным писцовых книг
	мордвы	ново-крещенов	бортников	
Сыровель	12	-	-	12
Шаморга Верхняя	40	3	-	43
Турсопка	6	-	-	6
Сюпа	8	-	11	19
Носины	11	-	13	24
Томниково	-	-	45	45
Чернитово	10	-	35	45
Алакужа	10	-	2	12
Мутасьево	23	-	-	23
Корели	36	-	6	42
Устье	24	1	2	27
Морша	74	2	11	87
Сокольники	46	2	5	53
Питерские	28	-	5	33
Княжая	3	-	12	15
Чоркино	20	1	1	22

Керша	17	3	3	23
Ардашево	1	-	8	9
Кулеватово	8	-	2	10
ИТОГО:	377	12	161	550

По тем данным, которыми мы располагаем, можно говорить, что «верхние» деревни Верхоценской волости в этническом плане были более однородны. Мордва преобладала практически во всех населенных пунктах и составляла на тот момент около 70% от всего населения «верхних» деревень. Говорить о бортниках «верхних» деревень как о представителях русского этноса нужно с большой осторожностью. Хотя, безусловно, часть из них были русскими переселенцами с северных регионов, другая часть представляла крестившееся мордовское население. Об этом красноречиво говорят имена самих бортников, например, Селиверстка Кичемасов, Веришка, Приезжик и Налитко Безсоновы[1], Гришка Шичеватов[2]. Вероятней всего, человек считался новокрещеном в течение одного года с момента крещения, потом же переходил в категорию бортников. Если крещение происходило в первом поколении, то у человека сохранялась фамилия некрещеного отца, но если крестились уже его дети, то выявить по именам среди них мордовские корни не представляется возможным. Таким образом, часть бортников также может быть отнесена к мордве. Ко второй половине XVII века этническая однородность населения размывается из-за всё более усиливающейся вольной крестьянской колонизации.

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 123.

[2] Там же. Л. 88об.

2.3. ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

Географическое положение и этнический состав населенных пунктов Поценья во многом определял доминирование той или иной хозяйственной деятельности.

Для сел Конобеевского присуда ведущую роль играло трехпольное земледелие. Это было обусловлено подавляющим преобладанием крестьянского населения в присуде (как было показано в предыдущем параграфе), для которых земледелие являлось основой жизнедеятельности. Кроме того, судя по приведенным в таблице 1.5 цифрам пашни, земельные угодья сёл Конобеевского присуда распахивались уже достаточно продолжительное время. Линия укреплений от села Конобеево до Шацка позволила активно осваивать черноземы левобережья Цны в этом районе, что, в свою очередь, вызывало приток нового крестьянского населения. С увеличением численности населения расширялась и площадь обработки земель.

Русская крестьянская колонизация здесь, безусловно, влияла на изменение структуры хозяйственной деятельности мордовского населения «нижних» деревень Верхоценской волости. Левобережное их расположение, большой процент крестьян (около 40%), проживающих совместно с мордвой, способствовали усилению роли земледелия в хозяйстве мордвы. В рассматриваемый период в «нижних» мордовских деревнях земледелие если ещё не доминировало над промысловым хозяйством, то уже стремилось занять равное с ним положение. Источники не дают сведений о засеваемых земледельческих культурах в нижнем Поценье. Однако нет оснований считать, что в возделывании сельскохозяйственных куль-

тур и их соотношении данный регион коренным образом отличался от других земледельческих районов Московского государства начала XVII века.

В этот период основным злаковым растением являлась рожь, которая была единственной озимой культурой и высевалась во всех земледельческих районах[1]. Наряду с рожью высевались овес, являвшийся главной яровой культурой, ячмень, пшеница. По данным Е. А. Швецовой, во второй половине XVII века в Верхоценской волости соотношение высеваемых культур выглядело следующим образом: рожь – 46,4%, овес – 31,5%, пшеница – 7,9%, ячмень – 7,1%, просо – 5,1%, гречиха–2%[2]. С большой долей вероятности можно предположить, что для нижнего Поценья первой четверти XVII века данные цифры, возможно с небольшими колебаниями в процентном соотношении, являются актуальными. Среди систем земледелия господствовало трехполье, однако по деревне Березова источники упоминают, наряду с трехпольной, использование и переложной системы: «...да мордовские пахаты переложные земли четыре четьи...»[3]. Доля перелога от всей мордовской пашни деревни Березова составляла всего 7,5%, по другим «нижним» деревням перелог не упоминается.

У мордвы «верхних» деревень Верхоценской волости земледелие, конечно, также занимало определенное место в структуре хозяйства. В выписках с писцовых книг Ф. Чеботова 1622 года есть сведения о количестве пашни семи «верхних» деревень и села[4]. Они приведены в таблице 2.1.

---

[1] *Вдовина Л. Н.* Земледелие и скотоводство // Очерки русской культуры XVII века. Часть первая / под ред. А. В. Арциховского. М., 1979. С. 32.

[2] Там же. С. 34; *Швецова Е. А.* Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966 г. Таллин, 1971. С. 173.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 229 об.

[4] Там же. Л. 273–274.

Таблица 2.1

Количество пашенной земли в «верхних» населенных пунктах Верхоценской волости в 1622 году

Название населенного пункта	Количество пашни (четвертей в поле «а в дву потомуж»)
Сыровель	26
Шаморга Верхняя	31
Турсопка	30
Сюпа	16
Носины	20
Томниково	74
Поляны томниковские	7
Чернитово	35
ИТОГО:	239

При сравнении этих данных с цифрами количества пашни «нижних» деревень нельзя не отметить меньшую обрабатываемую площадь земли «верхних» деревень Верхоценской волости (за исключением села Томниково). Однако, не располагая данными о количестве отдельно мордовской и крестьянской пашни, хотя бы примерном количестве мордовских и крестьянских дворов в этих населенных пунктах, проводить адекватное сравнение с «нижними» деревнями и делать обоснованные выводы нельзя. На данный момент можно только констатировать факт присутствия земледелия в хозяйстве мордвы верхнего Поценья.

Кроме указанных данных из писцовых материалов 1622 года, информация о наличии пашни на левобережье Цны у мордвы «верхних» деревень содержится в донесениях о нападении татар. Так, от 1626 года есть сообщения о «взятии» татарами в полях крестьян и мордвы деревни Морши и сельца Сокольники, приходе татар на пашни деревни Горелой[1]. От 1627 года – сообщения о нападении

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Приказного стола. Ст. 18.

татар на пашнях на крестьян и мордву села Питерские[1]. Таким образом, в хозяйстве мордвы как «верхних», так и «нижних» деревень и сел Верхоценской волости в 20-е годы XVII столетия земледелие играло уже заметную роль. Однако если в низовьях Цны для его развития в этот период сложились благоприятные условия, то для мордвы «верхних» деревень оно было связано с высоким риском внешней угрозы, а потому имело скорее вспомогательный характер при сохраняющейся доминирующей роли промыслового хозяйства.

Тесно связано с земледелием было скотоводство (в основном, разведение крупного скота), основная функция которого была в обеспечении тяглой силой сельскохозяйственных работ и удобрений для пашни. Определенную роль играло и получение молочной продукции, мяса и кож. Для развития скотоводства в Поценье имелись необходимые ресурсы – заливные поймы больших и малых рек, лесные поляны, обеспечивающие кормовую базу. Об этом свидетельствует упоминание в источниках сенных покосов и «животинных выпусков», которыми владело мордовское население. В таблице 2.2 отражены данные о количестве сенных покосов в копнах (мера площади, равная 0,1 десятины) и количестве заготавливаемого с них сена в пудах.

При определении количества сена, принималось во внимание следующее. Так, Л. В. Милов указывал на среднюю урожайность трав в 80 пудов с десятины, учитывая, что суходольные луга давали 30–40 пудов, а заливные – до 150 пудов[2]. Также им отмечалось, что по Оке укосы могли достигать 200–400 пудов с десятины[3]. С высокой долей вероятности можно предположить, что урожайность трав в Поценье была сопоставима с цифрами урожайности по Оке. Значительные площади сенных покосов находились на заливных пойменных лугах. Таким образом, с учетом приводимых данных, в рассматриваемом регионе средняя урожайность с выходом сена должна была составлять не менее 115 пудов с десятины.

[1] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Московского стола. Ст. 27. Л. 238.

[2] *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 648.

[3] Там же.

Таблица 2.2

Количество сенных покосов и количество заготавливаемого сена в «нижних» и «верхних» деревнях и селе Верхоценской волости в 1622 году

Название населенного пункта	Количество мордовских и крестьянских сенных покосов (в копнах)	Примерное количество заготавливаемого сена (в пудах)
«Нижние» деревни		
Березова	250	2875
Агломазова	180	2070
Новая Раковская Усада	200	2300
Янбирина	18	207
Инина слобода	-	-
ИТОГО:	648	7452
«Верхние» деревни и село		
Сыровель	700	8050
Шаморга Верхняя		
Турсопка		
Сюпа	400	4600
Носины	850	9775
Томниково	350	4025
Поляны томниковские	50	575
Чернитово	500	5750
ИТОГО:	2850	32775

Цифры таблицы 2.2 рисуют перед нами довольно парадоксальную картину. В «нижних» пяти деревнях, где площадь пашенной земли составляла примерно 462 десятины в трех полях, площадь сенных покосов занимала всего около 65 десятин. В «верхних» же восьми

населенных пунктах при значительно меньшей площади пашенной земли – 358,5 десятины площадь сенных покосов составляла 285 десятин, то есть почти в 4,5 раза больше.

Данные о сенных покосах находятся в прямой зависимости от количества содержащихся в хозяйстве животных, которых необходимо было прокормить в течение не менее семи месяцев стойлового содержания. На 93 двора «нижних» деревень (в учет не берутся дворы Ининой слободы, так как сенокосов за этой деревней не значилось) приходилось в среднем 80 пудов сена на один двор. При более высокой урожайности в 200 пудов с десятины, на один двор приходилось около 140 пудов сена. Л. В. Милов, убедительно показывая существующий в российских условиях (обусловленный природно-климатическим фактором) в XVI–XVIII веках чрезвычайно экономный режим кормления скота сеном, приводит следующие реальные рационы: на лошадь – около 75 пудов, на корову – около 37–38 пудов, при том, что нормальным рационом считался расход в 160 пудов для лошади и около 107 пудов для коровы[1]. Таким образом, в среднем, на один двор в «нижних» деревнях приходилось не более одной лошади и одной коровы.

Учитывая неравномерность распределения скота по дворам, можно также говорить о том, что при условии содержания некоторыми дворами по две лошади и одной-две коровы часть дворов не имели скота вовсе. Эти данные вполне согласуются с цифрами, приводимыми Е. А. Швецовой по обеспеченности дворцовых крестьян Верхоценской волости скотом во второй половине XVII века: на один двор приходилось по одной-две лошади, одной-две корове, 10% дворов были безлошадными, 19% – не имело коров[2].

---

[1] *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 648–650.

[2] *Швецова Е. А.* Хозяйство дворцовых крестьян Верхоценской волости Тамбовского уезда во второй половине XVII в. // Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1966 г. Таллин, 1971. С. 175.

Таким образом, скотоводство в низовьях Цны в рассматриваемый период функционировало в основном как вспомогательная для земледелия отрасль. В то же время развитие экстенсивного земледелия – постоянная распашка лугов под пашни в связи с увеличивающейся плотностью населения, сокращение тем самым количества площади покосов – делало весьма проблематичным содержание даже минимально необходимого крупного скота. Показательна в этом отношении челобитная 1627 года монахов Чернеева монастыря Марфе Ивановне об их мельнице на реке Азе в районе деревень Шаморга и Алеменева: «...Приехать де к мельнице с монастырским хлебом немочно, и лошадей летнею порою выпустить и накормить негде, опахано под двор и под воду»[1]. К этому добавлялся очень короткий цикл сельскохозяйственных работ в 125–130 дней, в котором период сенокоса не превышал 30 дней, что также не давало возможности заготовить достаточное количество корма[2].

Отношение к коровам было в основном как к «хлевным» животным, то есть производящим навоз для удобрения полей, а молоко в данном случае рассматривалось как побочный продукт. Период доения коров был небольшим – с весны и до начала стойлового содержания, и, соответственно, удои были очень низкие, на уровне 600–900 литров за год[3]. Молоко и продукты его переработки использовались только для нужд семьи, так как ни в цельном, ни в переработанном виде сбыта не имели[4].

Несколько иная ситуация складывалась в «верхних» деревнях Верхоценской волости. Не имея возможности определить здесь примерное количество мордовских и крестьянских дворов, восполь-

[1] Известия Тамбовской Губернской Ученой Архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XIII. С. 36.

[2] *Милов Л. В.* Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // По следам ушедших эпох: статьи и заметки. М., 2006. С. 641, 648.

[3] *Твердохлеб Г. В., Шемякин В. О., Сажинов Г. Ю., Никифоров П. В.* Вологодское маслоделие. История развития: монография. СПб., 2002. URL: http://www.booksite.ru/fulltext/but/ter/vol/ogda/2.htm

[4] Там же.

зуемся цифрами численности мужского взрослого населения этих деревень, представленных в таблице 1.6. Исходя из этих данных, на одного взрослого жителя мужского пола деревень Сыровель, Шаморга Верхняя и Турсопка приходилось от 140 пудов (при средней урожайности 115 пудов с десятины) до 230 пудов (при вероятной урожайности 200 пудов с десятины). Таким образом, каждый взрослый мужчина этих деревень имел возможность для содержания двух-трех лошадей либо лошади и двух коров. Если учесть, что некоторые из них являлись представителями одного двора, то количество крупного скота, приходящегося на двор, в этих деревнях превышало аналогичный показатель по «нижним» деревням в два-три раза.

Похожие данные по обеспеченности сеном мы видим и в Чернитово (примерно от 130 до 220 пудов на человека). Цифры же по деревням Сюпа и Носины высоки даже с учетом только средней урожайности с десятины – 242 и 407 пудов на человека соответственно. Безусловно, в этом случае данные могут быть завышены, так как нет полной уверенности в том, что в писцовых книгах были зафиксированы все представители взрослого мужского населения этих деревень. Однако, принимая во внимание и это условие, фактом остается значительное превышение сенокосов «верхних» деревень по сравнению с «нижними», а соответственно, и обеспеченность поголовьем крупного скота в «верхних» деревнях также была выше.

Исключением являлось село Томниково, где мордовское население не проживало либо уже было крещено. В Томниково имелась самая высокая площадь распашки по сравнению с другими «верхними» деревнями, но обеспеченность сенокосами была самой низкой (во внимание не берется деревня Поляны Томниковские, которая, скорее всего, представляла собой выселки Томниково). Обеспеченность крупным скотом здесь была такой же, как и в «нижних» деревнях. Таким образом, перед нами явно прослеживается обратная зависимость развития земледелия и скотоводства в мордовских деревнях Верхоценской волости. В «верхних» деревнях в 20-х годах XVII века можно говорить о преимущественном развитии скотоводства. Кроме того, учитывая небольшую площадь распашки, крупный скот

в «верхних» деревнях в основной массе не использовался для целей земледелия.

Если в отношении «нижних» деревень источник говорит о существовании общих – мордовских и крестьянских – «животинных выпусков»[1], то есть выгонов для домашнего скота (под понятием «животина» понимался вообще весь домашний скот, включая лошадей, коров, овец и даже домашнюю птицу[2]), то в отношении Шаморги Верхней конкретно упоминается «...за мордвою конский выпуск на диком поле...»[3]. На основании этого можно заключить, что основным выращиваемым животным здесь была лошадь, причем коневодством занималась именно мордва.

Для крестьянских дворов верхнего Поценья (это видно и на примере села Томниково) ведущую роль в хозяйстве играло земледелие, и количество скота на двор, по всей видимости, было сопоставимо и с селом Томниково, и с «нижними» деревнями. Именно эти крестьянские дворы «давали» основные цифры по количеству пашенной земли. Основная же доля покосов приходилась на мордовские дворы, которым требовалось заготавливать огромное количество сена для содержания лошадей. Кроме того, именно для содержания лошадей мордве было необходимо выращивать овес, то есть заниматься земледелием. Овес мог использоваться и в качестве продукта питания местного населения, так как почвы правобережья больше подходили для выращивания овса, а не ржи. Не исключено, что на тот момент времени основные площади мордовской пашни были заняты под эту культуру, что может свидетельствовать о вспомогательной роли земледелия по отношению к коневодству в этот период у мордвы «верхних» деревень.

Значение лошади в жизни цнинской мордвы, проживающей в лесостепной зоне, конечно же, было очень велико. Неслучайно у древнемордовских племен лошадь считалась священным живот-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 229об. Л. 230.

[2] Словарь русского языка XI–XVII веков / под ред. С. Г. Бархударова. М., 1978. Вып. 5. С. 105.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 273.

ным. Подтверждением тому могут служить привески со стилизованными лошадиными головками, найденные во многих древнемордовских могильниках, в том числе и в Лядинском[1]. Традиция почитания лошади сохранялась у мордвы и в XVII веке.

Помимо использования как тягловой силы в земледелии, лошади необходимы были для перевозки продуктов промыслов к местам сбыта. В условиях пограничья со степью, охрана территорий от набегов степняков была немыслима без лошади. Мордва как аборигенные жители, хорошо знавшие местность, были членами станичных отрядов, выезжая в степь с дозором. До 1622 года у мордвы Верхоценской волости была обязанность нести караульную службу в Шацке[2]. Всё это объясняет цели коневодства в «верхних» деревнях, однако нельзя отрицать и его возможный товарный характер.

Потребность в лошадях в государстве была чрезвычайно высока. Основными поставщиками этого товара в начале XVII века оставались ногаи[3]. Один из маршрутов, по которым шли торговые караваны, была Ордобазарная дорога, которая, пересекая верховья Цны, далее шла по ее левобережью до Шацка, а оттуда на Рязань и Москву. Таким образом, отмеченные «верхние» деревни как раз лежали на пути конной торговли, связывающем Астрахань и Москву. Как отмечает В. В. Трепавлов, табуны гнали в Россию с середины весны, когда можно было обеспечить лошадей кормом в степи, однако снегопады и заморозки приводили к истощению животных, потере их потребительских качеств и удешевлению[4]. В этом случае пополнение торгового каравана здоровыми животными путем приобретения их в близлежащих населенных пунктах по обоюдовыгодной стоимости, когда до основного места сбыта оставался относительно небольшой путь, было актуально. С другой стороны, расположенные

---

[1] *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности. Из истории мордвы-мокши. Конец IX – начало XI века. М., 2007. С. 66, 68, 72.

[2] РГАДА. Ф. 210. Столбцы Белгородского стола. Ст. 10. Ч. 1. Л. 219–232.

[3] *Трепавлов В. В.* Кочевники на русских рынках: ногайская торговля в XVI–XVII веках. // Отечественная история. 2000. № 3. С. 169.

[4] Там же.

у Шацка и села Конобеево казачьи слободы могли обеспечивать достаточный спрос и быть основными покупателями лошадей у мордвы.

Если уровень развития земледелия и скотоводства коррелировался по верхнему и нижнему Поценью, то в отношении добывающих промыслов этого не скажешь. В рассматриваемый период они занимали доминирующее положение в хозяйственной жизни мордовского населения как «нижних», так и «верхних» деревень. В первую очередь это касалось бортничества.

В первой четверти XVII века практически всё мужское население деревень и сел Поценья, вне зависимости от этнической принадлежности, в той или иной степени занималось бортевым пчеловодством. Это обуславливалось, прежде всего, высоким спросом, как на внутреннем, так и на внешнем рынках, на продукты бортничества. А природный фактор – лесостепная зона с разветвленной речной системой – способствовал высокой производительности промысла. Мед имел большое значение в бытовой жизни населения – он являлся единственным сладким продуктом для питания, сырьём для производства напитков, в том числе алкогольных, консервирующим веществом. Воск широко применялся как осветительный материал, при изготовлении сургуча, некоторых видов смол, использовался для вощения нитей для придания им прочности, для покрытия ружей и других металлических предметов с целью предохранения от ржавчины, в медицинской практике. Мёд и воск служили важнейшими предметами внутреннего обмена и экспорта.

Так, в 1591 году английский дипломат Джайлс Флетчер в своей работе «О государстве Русском» при описании «естественных произведений» страны отмечал, что воск «...ежегодно отправляли в чужие края... до 50000 пудов, а теперь вывозят только до 10000 пудов»[1], а мед, «который, кроме того, что в значительном количестве употребляется самими жителями для напитков (заключающихся в медах разного рода) и для прочего, вывозится в довольно большом количестве за границу. Мед преимущественно получается из Мордвы и Кадома...»[2].

[1] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 12.

[2] Там же.

Через полвека, в 1638–1639 годах, немецкий путешественник Адам Олеарий практически повторяет Флетчера: «Мед и воск, правда часто находимые в лесах, имеются у них в таком изобилии, что они, несмотря на количество, потребное им для медовых питей и для восковых свеч, которыми они пользуются и для собственных надобностей, и в больших размерах для богослужения, тем не менее могут продавать большими партиями и то и другое за границу»[1]. Однако если в XIV–XV веках продукты бортничества, наряду с пушниной, являлись главными статьями экспорта[2], то с начала XVI века их доля в общей структуре вывозимых товаров заметно снижалась[3]. К началу XVII столетия вывоз воска резко сократился в связи с возросшим внутренним потреблением[4]. Кроме того, мед и воск периодически изымались из свободного обращения, тем самым становясь монопольными товарами царской казны. Дж. Флетчер указывает на то, что в 1589 году «был забран весь воск в государстве, так что никто не имел права торговать им кроме царя»[5]. В 1622 году существовал запрет на вывоз ряда товаров, в том числе и воска, за границу[6]. Подобная ситуация, по всей видимости, являлась следствием снижения объемов производства продуктов бортнического промысла.

В XIV–XV веках, как отмечает А. Л. Хорошкевич, бортничество было распространено во всех районах Руси, где позволяли географические условия – в лесах, прилегающих к Москве, около Коломны, Можайска, Звенигорода, Русы, Дмитрова, Серпухова,

---

[1] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 162.

[2] *Хорошкевич А. Л.* Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV–XV веках // Международные связи России до XVII в. / под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961. С. 279; *Варенцов В. А., Коваленко Г. М.* В составе Московского государства. Очерки истории Великого Новорода конца XV – началаXVIII вв. СПб., 1999. С. 67.

[3] *Шумилов М. М.* Торговля и таможенное дело в России. Становление, основные этапы развития XI–XVII вв. СПб., 2006. С. 197.

[4] Там же. С. 239.

[5] *Флетчер Дж.* О государстве Русском. СПб., 1906. С. 51.

[6] Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией. Т. 3. 1613–1645 гг. СПб., 1841. С. 173.

Костромы и др.[1] Но уже в 1526 году, по свидетельству С. Герберштейна, «в московской области не найти меду...»[2]. То есть уже в начале XVI века в ряде областей – поставщиков меда и воска промысел угасает. Однозначно установить причины этого сложно. Здесь необходимо рассматривать целый комплекс факторов, в котором и наступающее похолодание с увеличением влажности, что могло повлечь массовую гибель пчелиных семей, и сокращение площади лесов вследствие распашки, и развитие производства поташа и смолы, негативно влияющие на бортный промысел, и промысловая переориентация районов. Так или иначе, но к началу XVII столетия бортный промысел с высокими объемами производства сохранялся только в южных, лесных, большей частью пограничных районах государства – в среднем Поволжье (нижегородская, арзамасская, алатырская мордва), в мещерском Поочье и по Цне[3]. Эти территории с развитым бортничеством представляли исключительную ценность и большой интерес как для государства в целом, так и для крупных феодалов в частности.

Как отмечал А. А. Гераклитов, «вопрос о бортном промысле у мордвы представляется настолько важным, что, безусловно... заслуживает специального детального исследования...»[4]. Об организации бортного промысла некоторое представление дают, наряду с документами рассматриваемого периода, этнографические материалы XIX века, зафиксированные в руководствах по ведению пчеловодства, в том числе и бортевого, археологические находки, позволяющие судить об орудиях промысла[5].

[1] *Хорошкевич А. Л.* Вывоз воска из Великого Новгорода в XIV–XV веках // Международные связи России до XVII в. / под ред. А. А. Зимина, В. Т. Пашуто. М., 1961. С. 281.

[2] *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 130.

[3] *Гераклитов А. А.* Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII вв. // *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 216; *Вдовина Л. Н.* Добывающие промыслы // Очерки русской культуры XVII века. Часть первая / под ред. А. В. Арциховского. М., 1979. С. 72.

[4] Там же. Ч. 1. С. 216.

[5] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. III. Ч. V.

О высоком уровне развития бортничества в Верхоценской волости говорит тот факт, что в 20-е годы XVII века в ведении мордвы и бортников Поценья находилось более 700 бортных ухожьев[1]. Бортным ухожеем назывался участок леса промыслового значения, с определенным количеством бортных (бортевых) деревьев. Бортевое дерево – это дерево с естественным либо специально сделанным дуплом-бортью, заселенным либо предназначенным для заселения пчелиными роями.

В одном бортном ухожее могли находиться борти, принадлежавшие жителям разных сёл и деревень волости. На деревьях с дуплами делались зарубки, свидетельствующие о принадлежностиих определенному владельцу. Тема бортных знаков подробно рассматривается п. 2.4 настоящей работы.

Бортные ухожеи в Поценье располагались, географически идентифицировались и описывались по рекам. Так, например, «...деревни Березовы мордвин Куземка Беляев ходит бортной ухожей на реке на Нюдеве да на речке на Ките»[2], «мордвин Адманко Носырев з братом своимс Кечатком ходят бортные ухожи Кяргедимской да Арженской на реке на Арже, по обе стороны речки Арженьи...»[3], «мордвин Носайко Неверов ходит бортнай Мутасевской и Арзазовской ухожей на реке на Цне, по обе стороны реки Цны»[4].

Границы бортных ухожьев определялись географическими объектами – речками, возвышенностями, конкретными рощами и др. Хотя о размерах ухожьев в Поценье нет данных в писцовых материалах, подобная информация представлена в описных книгах 1667 года Нижегородского уезда в отношении лесных угодьев боярина Б. И. Морозова. Так, к селу Новое Покровское относилось три бортных ухожея: «...до речки до Умайки Елизаровской ухожей, вдоль 7 верст, а поперег до реки Ватмы 10 верст; да...Пичаровский ухожей по Крутов враг, поперег 3 версты, а вдоль 10 верст; Вадовирской

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 270.

[2] Там же. Л. 401об.–402.

[3] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 6–6об.

[4] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 4.

ухожей, вдоль 15 верст, поперег с головы 10 верст, а на другом конце 4 версты...»[1]. Из представленного отрывка видно, что площадь ухожьев варьировалась в диапазоне от 32 до 118 квадратных километров. Но надо учитывать, что данные представлены для второй половины XVII века, для района с более высокой плотностью населения. Поэтому вполне возможно, что в рассматриваемый период в Поценье могли существовать промысловые лесные участки и гораздо большей площадью, хотя вполне допустимо наличие участков площадью и в 30–40, и в 60–70 квадратных километров.

Для определения примерного расстояния, на котором находились ухожьи от населенных пунктов, рассмотрим, какие из них и по каким рекам эксплуатировались жителями «нижних» и «верхних» деревень Верхоценской волости. Конечно, не все ухожеи могут быть локализованы, так как некоторые гидронимы, упоминаемые в писцовых материалах, до наших дней не сохранились.

В ведении жителей деревни Березова находились «бортной ухожей Кяргедимской да Оржанской на реке на Орже, по обе стороны речки Арженьи, по Танбовской рубеж»[2], Вадодимский ухожей на реке Буртас, ухожей на Ломове, Вяжлевский ухожей на Вороне, Талицкой ухожей на Цне «...верхней рубеж от реки от Черные вниз по Цне, по обе стороны, по Киреево столбище, и по осиновой залес, по озеро по Праху, и по старой затон. А от затону по озеро по Ажу, а от Ажи вверх речки Арги по Аргинское селище...»[3], Воронской ухожей на Вышенье, Шешкуляской и Бурташской ухожеи, «бортной Сюпской ухожей... по обе стороны реки Цны, и на речке на Керемсе... и на речке на Рыслее... и на речке на Сусарлатке... да на реке на Выше...»[4], Шаморской ухожей на Цне и на Шаче, бортный ухожей на реках Нюдеве и Ките, ухожей по реке Вялсе.

---

[1] Цит. по: *Вдовина Л. Н.* Добывающие промыслы // Очерки русской культуры XVII века. Часть первая / под ред. А. В. Арциховского. М., 1979. С. 73.

[2] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 366.

[3] Там же. Л. 366 об.–367.

[4] Архив СПБИРАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 9 об.–10.

Исходя из расположения ухожьев, можно выделить несколько районов хозяйственной деятельности для деревни Березова. В непосредственной близости от деревни находился Талицкий ухожей в лесном массиве на правобережье Цны. Он начинался от речки Черной – правого притока Цны, устье которой находилось в 5 километрах выше по течению от деревни, и тянулся до притоков Ажи и Арги, находящихся в 5 километрах ниже деревни. Чуть дальше, но также относительно недалеко располагался ухожей по реке Вялсе, устье которой было на расстоянии менее 20 километров ниже по течению от деревни. В 30–40 километрах на юго-западе располагался Шаморский ухожей, охватывающий и течение Шачи, и течение Цны в районе устья Шачи, а немного южнее его, на правобережье Цны, находился Сюпский ухожей по течению реки Сюпы.

Следующий район на юге от деревни на расстоянии 100–120 километров охватывал бортные ухожеи в цнинском лесу по реке Рысле (приток Моршевки) и верхнему течению реки Кермись (Керемса в писцовых описаниях, приток Выши), исток которой расположен вблизи течения Рысли.

Большой юго-восточный район промысловых лесных участков занимал территории по Ваду и его притокам, верхним притокам Мокши и Выши. Здесь можно отметить ухожеи по притокам Вада – Ките и Удеву (Нюдева в писцовых описаниях) – на расстоянии в пределах 100–110 километров от деревни Березова, ухожей на Ломовке (Ломов в писцовых книгах, приток Мокши) – на расстоянии 160 километров, Вадодимский ухожей на Буртасе (приток Выши), а также Буртасский (Бурташской) – на расстоянии около 200 километров. Вероятно, к этому же району относились Шешкулянский ухожей, всегда упоминаемый вместе с Буртасским, и Воронский на Вышенье, который мог располагаться на одном из притоков Выши. Однако точно локализовать эти ухожеи не удалось.

Наиболее отдаленные промысловые районы находились на юге в лесных массивах по притокам Вороны и верхним притокам Цны. Это Вяжлевский ухожей по левому притоку Вороны – реке Вяжле, удаленный от деревни на 280 километров, и Кяргедимский

и Орженский (вероятно, Арженский) ухожеи, которые располагались по реке Арженке (Арженья в писцовых описаниях, приток реки Лесной Тамбов) на расстоянии около 230 километров от Березовой.

Перечисленные ухожеи, помимо населения деревни Березова, также эксплуатировались жителями остальных четырех «нижних» деревень Верхоценской волости. Однако, кроме указанных, в их ведении упоминаются и другие. Из близко расположенных к «нижним» деревням стоит указать Идовский ухожей на правобережье Цны, в районе устья реки Идовки, в 5 километрах выше по течению от Ининой слободы, и ряд ухожьев в нижнем течении Выши. В 70 километрах восточнее «нижних» деревень можно выделить район нижнего и среднего течения Вада и его притоков Парцы, Лундана, Марчаса, Вячки, где также располагалось большое количество ухожьев. В юго-восточном промысловом районе дополнительно отмечены «бортной Мачкаской ухожей на речке на Мичкасе»[1] и ухожей по реке Кевда (притоки Атмиса, бассейн Мокши), ухожей по реке Котел (приток Вада). В цнинском лесу, в районе Старотомниково, использовались лесные участки по притоку Выши – реке Раевке. На Вороне указан Кежетверской ухожей[2], в границах её правых притоков Ира и Поим, а также ухожей по притоку Вороны – реке Чембар.

Наиболее активно использующимися жителями «нижних» деревень, судя по количеству упоминаний в документах и количеству бортных ухожьев, являлись восточный район по нижнему и среднему течению Вада и юго-восточный по верхнему течению Вада и Выши с рядом притоков Мокши. Также активно эксплуатировались участки по течению Вороны и по нижнему и среднему течению Выши. В близлежащих районах насчитывалось один-два ухожея, которые находились в совместном ведении всех жителей той или иной деревни. Например, в Талицкий ухожей на Цне ходили «всей деревни Березовы жилцы – бортники и мордва вопче»[3], Идовский ухожей использовался практически всеми жителями деревень Янбири-

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп.4. Ед. хр. 6034. Л. 402.

[2] Там же. Л. 368.

[3] Там же. Л. 366 об.

на и Инина слобода. Однако ввиду, вероятно, небольших размеров ухожьев и высокой человеческой нагрузки, производительность их была невелика, что заставляло население уходить на промысел в гораздо более отдаленные районы.

В «верхних» деревнях Верхоценской волости ситуация с расположением эксплуатируемых ухожьев выглядела несколько иначе. Так, для населенных пунктов на отрезке от деревни Шаморги Верхней и до деревни Чернитово можно выделить следующие участки. По Цне – Шаморский, Носинский, Сюпский, Томниковский, Ардашевский, Аржасевский, Тонбовский ухожеи. Первые пять носили название поселений, в непосредственной близости от которых располагались. Таким образом, расстояние, которое должны были преодолеть жители «верхних» деревень до Шаморского, Носинского, Сюпского или Томниковского ухожьев, могло варьироваться в диапазоне от 5 до 40 километров. До Ардашевского ухожея расстояние составляло от 70 до 100 километров. Наиболее удаленными являлись Аржасевский и Танбовский ухожеи, до которых приходилось преодолевать не менее 160 километров, но случаи упоминания этих ухожьев в отношении «верхних» деревень единичны. По Выше с притоками располагались ухожеи Вышенский (в нижнем течении), Морсовский и Туроманский (по притоку Морсовке), по реке Кермись, Вадодимский на Буртасе, а также Видругайский, Калининский и на реке Вышенье (не локализованы). Кроме удаленного участка на Буртасе (в пределах 200 километров), который упоминается только один раз, до остальных локализованных ухожьев расстояние от рассматриваемых «верхних» деревень составляло от 20 до 60 километров.

Помимо участков по Цне и Выше, также использовались ухожеи по левым и правым притокам Цны – рекам Серп, Вопша, Островка, Разазовка, Кашма, Ломовис, Рысля, Керша, Лесной Тамбов и Нару-Тамбов, Арженка, Ляда, Челновая, Большая Липовица. Наиболее активно из перечисленных ухожьев по цнинским притокам промысел велся в районе реки Серп с притоками (Вопша, Островка, Разазовка), что на расстоянии от 15 до 60 километров от рассматриваемых деревень.

Таким образом, на участке «верхних» деревень Шаморга Верхняя – Чернитово зона ведения активного бортного промысла находилась на значительно более близком расстоянии по сравнению с «нижними» деревнями. Кроме того, эксплуатация промысловых участков в «верхних» деревнях облегчалась возможностью добраться даже до отделенных ухожьев по Цне и притокам, используя речной транспорт и разветвленную речную сеть. Большинство ухожьев по Выше и ее притокам находились на расстоянии, которое возможно было преодолеть по суше за день. Но и здесь сохранялась возможность добраться до них по правым притокам Цны, истоки которых находились вблизи течения Выши. Природные условия – густая сеть рек, труднопроходимая лесная и болотистая местность – диктовали первоочередное развитие именно речных, а не сухопутных путей.

Жителям «нижних» деревень для того, чтобы попасть в район Вада, а через него в юго-восточный промысловый район и на Ворону, необходимо было преодолевать большие расстояния по суше. Это неизбежно должно было сказываться на производительности промысла, и при ее снижении ускорить замещение промысловой деятельности сельским хозяйством.

В других «верхних» деревнях основные промысловые участки располагались по Цне и ее притокам и, в основном, непосредственно примыкали к определенной деревне, получая её название – например, Мутасевский, Алакужский, Кершинский и т.д. Но так как поселения тянулись практически по всему цнинскому правобережью, в промысле была задействована вся лесная полоса, примыкающая к реке, а также участки по берегам практически всех цнинских притоков. Также, судя по всему, в ведении части жителей «верхних» деревень находились ухожеи по Вороне и ее притокам. Но здесь надо отметить одну особенность. Ухожеи по Вороне эксплуатировались в подавляющем большинстве случаев бортниками, то есть русским населением. Мордва если и владели этими участками, то только в результате покупки их у бортников. Например, мордвин деревни Керша, Кечимирко Дандышев, владел ухожеями на Вороне и Богане «по купчей записи деревни Кукосовы бортников Дружинки да Кон-

драшки Носовых с братею»[1]. Не исключено, что здесь сохранились ещё остатки достаточно древнего порядка владения территориями. Вероятно, мордовское население при проникновении в ее среду первых русских переселенцев не допускало их к использованию своих промысловых территорий. Это вынуждало бортников искать новые, не освоенные мордвой, отдаленные участки, в данном случае по Вороне. К началу XVII века бортники, вследствие уже достаточно длительного проживания в мордовской среде, владели участками по Цне и притокам, так же как и мордва ходила в ухожеи по Вороне.

Приход в Верхоценскую волость русского населения с северных территорий, мордовского населения других уездов, естественный прирост населения – все это, и в рассматриваемый период, заставляло искать и осваивать новые пространства.

В чем же состоял труд бортника (здесь – в понятии любого человека, занимающегося бортным промыслом вне зависимости от этнической принадлежности)? В первую очередь необходимо было найти деревья, подходящие для устройства борти. Они могли быть как хвойные, так и лиственные – сосна, липа, дуб[2]. Об этом свидетельствует перечисление в источниках природных объектов – лесов, входивших в тот или иной бортный ухожей. Можно выделить четыре категории лесов бортных ухожьев – липяги, боры, дубравы, олеги. Под липягами могли понимать и непосредственно липовые рощи, и вообще лиственный лес на возвышенности[3]. Боры – это хвойные, в основном, сосновые леса[4]. Дубравы в писцовых документах – это, по всей видимости, дубовые рощи. Олегъ или олехъ – это ольховый лес[5]. Большинству природных объектов в целях идентификации

[1] РГАДА. Ф. 1106. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 161об.

[2] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 29–30; *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 112.

[3] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Ф. П. Филин. М., 1981. Вып. 8. С. 237.

[4] Словарь русского языка XI–XVII веков. / гл. ред. С. Г. Бархударов. М., 1975. Вып. 1. С. 290.

[5] Словарь русского языка XI–XVII веков / гл. ред. Д. Н. Шмелев. М., 1987. Вып. 12. С. 357.

присваивались имена собственные, так или иначе их характеризующие. Например, липяг Сяскиль, липяг Томосов, олег Занагой[1], борок Вяря Пича[2], дубрава Кечимас, Высокая дубрава[3].

Анализируя количество упоминаний тех или иных природных объектов Поценья, в которых велся бортный промысел, можно сказать, что основная их масса, около двух третьих, относилась к липягам. Одна третья часть была представлена дубравами и борами. Случаи упоминания ольшаников единичны. Таким образом, для ведения бортного промысла предпочтение отдавалось лиственным лесам, богатым медоносами, в основном липягам, и, соответственно, именно в лиственных деревьях, преимущественно липах и дубах, изготавливалось большинство бортей. Вековые сосны, с одной стороны, также прекрасно подходили для этих целей, так как обладали достаточной высотой, гладким стволом, мягкой, удобной для работы древесиной. Однако на выбор их в качестве бортевых деревьев оказывал ещё ряд факторов, таких как расположение сосновой рощи в сухом месте, вблизи растительных источников нектара и пыльцы, достаточная освещенность.

Бортевое дерево должно было иметь толщину в комле от одного до двух метров, а в месте выдалбливания борти – не менее 60 сантиметров[4]. Причем изготовление борти на здоровье дерева не отражалось. Если борти годами не заселялись пчелами и не очищались бортником, то заплывали наростами свежей древесины. Высота борти составляла 6–8 метров[5], но могла достигать и 10–18 метров[6]. На таком расстоянии обычно находились естественные дупла с пчелами (что обуславливалось, вероятно, более низкой влажностью), кроме того, снижался риск разорения борти дикими животными.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 395об.

[2] Там же. Л. 372.

[3] Там же. Л. 374.

[4] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 30.

[5] Там же. С. 31.

[6] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 120; *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 26.

Бортный промысел был сопряжен с высокой степенью риска, так как приходилось трудиться на высоте, сидя на плетеной веревочной петле. Для влезания на деревья использовались бортнический топорик, с помощью которого на дереве делались чашеобразные зарубки для опоры ног, и специальная веревка – лезиво, свитая из пеньки, лыка, сыромятных кожаных полос, которой бортник обвязывал себя и дерево и, подтягиваясь, по зарубкам поднимался на нужную высоту[1]. Возможно, использовалась и специальная обувь. Так, у марийцев средством подъема на бортное дерево служила гнутая деревянная обувь с острыми железными шипами[2].

Для непосредственного изготовления (выдалбливания) борти использовались топорик, долото, тесло и скобель[3]. Борть имела трапециевидную форму, расширяясь от входного отверстия к задней стенке, и к основанию. В диаметре обычно она была не менее 35–40 сантиметров, высотой, по одним данным, – 85–100 сантиметров[4], по другим – 1–2 метра[5]. Должея, или дель, – продольный разрез борти, через который отбирался мед, имела примерно одинаковую высоту с бортью, шириной 10–15 сантиметров, закрывалась сухой доской – втулкой, с двумя отверстиями – летиками[6]. Внутренний объем борти редко превышал 0,5 кубических метров[7].

В литературе приводятся разные цифры времени, которое бортник затрачивал на изготовление борти. По одним данным,

---

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 31–32.

[2] *Сепеев Г. А., Андреев И. А.* Материалы к истории пчеловодства у марийцев // Из истории хозяйства населения марийского края. Йошкар-Ола, 1979. С. 110.

[3] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 34; *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 123.

[4] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 26.

[5] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 33.

[6] Там же. С. 33–34; *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 26.

[7] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 26.

за день можно было изготовить одну-две борти[1], по другим – на изготовление одной уходило в среднем около двух недель[2]. Вероятно, и тот и другой вариант были возможны и, скорее, могут рассматриваться как временной диапазон, конкретные рамки которого обуславливались рядом факторов. Такими факторами могли быть место расположения бортевого дерева (удаленность), плотность его древесины, высота изготавливаемой борти, погодные условия, наличие одного или нескольких помощников, качество орудий труда.

Не каждая борть заселялась, и требовалось изготовление достаточно большого их числа для увеличения вероятности заселения. Так, Л. Н. Вдовина, со ссылкой на Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова, приводит данные 1667 года по Курмышскому уезду, где на участке леса длиной 10 верст и шириной 6 верст (площадью около 67,5 квадратных километра) находилось 12 деревьев с пчелами и 1000 деревьев без пчел [3]. То есть на один квадратный километр в приводимом примере приходилось около 15 деревьев с бортями. Причем только одно дерево на площади около 5,5 квадратных километров было заселено. Н. М. Витвицкий пишет как об исключении, возможном только в богатых медоносами местах, о существовании двух-трех бортей (заселенных пчелами) на квадратную версту[4]. Исследователи В. С. Гурков и С. Ф. Терехин отмечают, что для периода конца XVI – начала XVII века в Великом княжестве Литовском единицей налогообложения в бортном праве выступал участок леса с 60 бортями, в среднем занимавший площадь 30–35 квадратных верст (в системе мер Великого княжества Литовского)[5]. Таким образом, одна борть располагалась на участке в 1,2–1,5 квадратных кило-

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 34.

[2] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 26.

[3] *Вдовина Л. Н.* Добывающие промыслы // Очерки русской культуры XVII века. Часть первая / под ред. А. В. Арциховского. М., 1979. С. 73.

[4] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 115.

[5] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 54–55.

метра. К сожалению, нет данных, о каких бортях шла речь – только заселенных пчелиными семьями или же обо всех, независимо от заселения.

Приводимые выше цифры позволяют сделать вывод, что количество деревьев с пчелиными семьями в бортных ухожеях могло значительно колебаться в диапазоне от двух деревьев на квадратный километр до одного дерева на 5–6 квадратных километров. Вполне вероятно, что количество заселенных деревьев менялось от сезона к сезону, на что влияли климатические колебания (определяя в разные годы разные сроки цветения медоносов и их количество). Но для того, чтобы поддерживать производительность ухожея на эффективном уровне и сохранить нужное количество пчелиных семей на определенной площади леса, требовалось учитывать климатические риски и подготавливать новые бортевые деревья на потенциально благоприятных природных участках. Таким образом, из-за специфики деятельности бортника, вынужденного преодолевать значительные расстояния для изучения ландшафта и поиска подходящих участков с сочетанием ряда географических факторов – наличием естественного водоема недалеко от бортных деревьев, растительностью, богатой медоносами, бортный ухожей имел «плавающие» границы и мог постоянно немного перемещаться.

В годовом цикле бортного промысла можно выделить несколько этапов работ. Первый этап начинался ранней весной, когда ещё не сошел снег, после облета пчел[1]. Он заключался в осмотре перезимовавших бортей. Поднимаясь на деревья, бортник открывал гнезда, удалял накопившийся сор, определял состояние пчелиной семьи, в случае необходимости подкладывал сотовый мед на дно бортей. Осмотр давал бортнику возможность определить дальнейшую тактику своих действий на год в зависимости от количества разоренных или погибших пчелиных семей[2].

В период цветения первоцветов, когда пчелы начинали приносить свежий корм, бортник вторично делал осмотр своих участков.

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 36.

[2] Там же. С. 37.

В это время в бортях подрезались старые или испорченные соты, производился необходимый их ремонт[1].

Подготовка новых, не занятых пчелами бортей к заселению была одним из важных этапов в годовом цикле бортного промысла. Именно от него зависело, будет ли задействована в этот сезон борть. Проводилась эта работа обычно незадолго до начала роения пчел и цветения липы[2].

Бортники знали и применяли различные способы и приемы привлечения пчел в приготовленные борти, например, натирали воском внутренние стенки, помещали в них растения-медоносы, опрыскивали ароматными настоями из всевозможных цветов и трав[3]. Заселив борти, необходимо было принимать меры для защиты от потенциально-опасных животных, могущих разорить их, – от медведей, куниц, муравьев[4].

Летом наступало время подыскивать подходящие деревья для новых бортей и изготавливать их. Вновь изготовленные борти становились пригодными для заселения только после перезимовки, просушки и выветривания их в течение следующих года-двух[5]. Поэтому от этого этапа зависела производительность ухожея в будущем. Данные об изготовлении бортей осенью[6] представляются сомнительными, так как именно осенью шел основной сбор меда и времени на поиск деревьев и выдалбливание бортей у бортников просто не было, учитывая промышленные масштабы заготовки продуктов пчеловодства.

Подрезка меда из бортей начиналась в конце лета и продолжалась до поздней осени. Посудой для сбора служили берестяные коро-

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 37.

[2] Там же; *Ефремов В.* Люди и пчелы // Наука и жизнь. 2005. № 10. URL: http://www.nkj.ru/archive/articles/2169/

[3] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 29–30; *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 66.

[4] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 32.

[5] Там же. С. 25; *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 35.

[6] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 35.

ба, достаточно легкие и не пропускающие мед, и липовые кадушки с плотно закрывающимися крышками[1]. Сбор меда требовал помощи как минимум одного напарника, так как один человек трудился, обмотанный веревкой, наверху, другой же должен был принимать наполненные подрезанными сотами короба. За день бортник отбирал мед не более чем из четырех – пяти бортей[2].

При подрезке медовых сот часть их оставляли в борти, чтобы пчелиная семья не погибла в зимний период. По данным Н. М. Витвицкого, при хорошей наполненности борти отбиралась лишь одна третья часть меда[3]. И. А. Шабаршов указывает, что при подрезке в верхней части борти оставляли соты высотой не менее 40 сантиметров[4]. Учитывая, что гнездо в дупле обычно состоит из 6–8 сот высотой 60–80 сантиметров[5], таким образом, могло обираться от половины до двух третьих частей меда.

В. С. Гурков и С. Ф. Терехин сообщают, что в некоторых районах Белоруссии существовала традиция, сохранившаяся до XX столетия, вообще не отбирать мед из бортей осенью[6]. Только весной, когда пчелы начинали приносить свежий корм, бортники вырезали соты. Сложно сказать, существовала ли подобная практика в Поценье в XVII веке. Однако в отсутствие информации отбрасывать и такой вариант ведения бортного промысла на данном этапе изучения темы пока нельзя.

Количество собираемого с борти меда также колебалось от года к году. Подразумевалось, что борть должна была приносить не меньше пуда меда в год[7], то есть чуть больше 16 килограммов. В годы

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 37.

[2] Там же. С. 39.

[3] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 64–65.

[4] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 38.

[5] *Жаров В. Г.* От дупла к улью // Пчеловодство. 2007. № 7. С. 29.

[6] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 37.

[7] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 113.

с благоприятными погодными условиями в местах с сильными медоносами получали до 2–3 пудов с борти[1] (до 50 килограммов). Н. М. Витвицкий приводил сведения о бортях, в которых находили от 10 до 20 пудов меда[2]. Однако в настоящее время эта информация ставится под сомнение, так как запасы меда в естественных условиях ограничиваются размерами и объемом борти. В климатических условиях средней полосы России зимовка пчелиных семей в дуплах больших объемов затруднительна или невозможна, в связи с чем такие дупла практически не заселяются[3]. Запасы меда в количестве около 300 килограмм отмечались, и то в исключительных случаях, только в южных районах, где в условиях мягкой и непродолжительной зимы пчелиная семья могла перезимовать в просторном дупле, иметь неограниченное развитие весной и летом и не роиться[4]. При продолжительной зимовке в условиях низких температур большая масса застывшего меда в борти вытягивает из клуба пчелиной семьи производимое тепло, и пчелы погибают[5].

Согласно современным данным башкирского заповедника Шульган-Таш, где в настоящее время сохраняется популяция дикой пчелы и поддерживается бортничество, одна борть дает от 5 до 30 килограммов меда[6]. По сведениям, записанным от потомственных бортников – представителей этнической группы полещуков в 70-е годы XX века, ежегодно с борти собирали от полутора до трех ведер меда[7], то есть также в пределах 30 килограммов.

На вопрос, каким образом собранный мед транспортировался бортниками из ухожьев, однозначно ответить сложно. В случае, если

---

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 39.

[2] *Витвицкий Н. М.* Практическое пчеловодство. СПб., 1861. Ч. V. С. 61.

[3] *Жаров В. Г.* А как там, в дупле? // Пчеловодство. 1998. № 1. С. 34.

[4] Там же. С. 35.

[5] Там же.

[6] *Капунин В. П., Косарев М. Н., Кичаева Л. А.* В заповеднике Шульган-Таш // Пчеловодство. 2001. № 7. С. 14.

[7] *Гурков В. С., Терехин С. Ф.* Занятие издревле благородное. Минск, 1987. С. 37.

ухожей находился недалеко от селения бортника, возможно, перевозка осуществлялась лошадьми, к седлам которых привязывались емкости, либо на волокушах[1]. При удаленности ухожея, вероятней всего, использовали сплав по реке. Однако для доставки меда до места погрузки на речной транспорт также нужны были лошади.

После окончания заготовки меда, в конце осени, борти начинали готовить к зиме. Должеи (продольные выемки в бортном дереве) утепляли мхом, прикрывали берестой и хорошо обвязывали[2]. Годовой цикл работ заканчивался. Но и в течение зимы бортник мог проверять свои промысловые участки[3].

Таким образом, можно сказать, что бортные ухожеи представляли собой сложные промысловые хозяйства, составлявшие экономическую основу Верхоценской волости. Бортный промысел для того, чтобы быть доходным, требовал практически круглогодичной занятости, больших физических затрат, детального знания окружающей природы. В то же время он был непосредственно связан с ландшафтом. Любые нарушения в устоявшейся экосистеме – уменьшение лесной площади вследствие вырубки, увеличение численности населения и, соответственно, числа новых бортников, не всегда владеющих тонкостями ведения промысла, появление вблизи ухожьев новых населенных пунктов – все это постепенно уменьшало эффективность бортничества и привело в конечном счете к исчезновению промысла в XVIII столетии.

Непосредственная связь ухожьев с речной системой способствовала развитию и подсобных промыслов бортных ухожьев – рыбной ловли и охоты на речных зверьков – бобров и выдр. Об этом свидетельствует и следующее упоминание в документах: «...Верхоценские волости верхних и нижних сел и деревень мордва и бортники...платят со своих бортных ухожьев и с рек и с рыбных ловель и с бобровых гонов и с малых падучих речек и с хмелевых угодий

---

[1] *Шабаршов И. А.* Русское пчеловодство. М., 1990. С. 39.

[2] Там же.

[3] Там же.

и с перевесей, и с лесов медвеной и денежной и водяной оброк...»[1]. Рыбные ловли были практически в каждом бортном ухожье. Волго-Окская речная система отличалась обилием разных видов рыб. «Из Волги заходят в Цну и Мокшу осетры и белуга, а всегдашняя рыба в тех реках такова: стерляди, судаки, лещи, головли, язи, налимы, караси, окуни, плотва, щуки, сомы и разныя мелкая рыба»[2].

Рыболовство в хозяйстве населения волости носило, в основном, потребительский характер, рыбу использовали больше для собственных нужд. Большое количество рыбы заготавливали впрок – сушили, солили в бочках. Для лова рыбы использовались самые разнообразные орудия. В реках и озерах рыбу ловили сетями, неводами, мережами, поездами (особые виды сетей). Неводы были разных размеров и частоты плетения. Широко применялись и крючковые орудия лова. Рыбная ловля шла по всем рекам волости, но в некоторых бортных ухожеях писцами особо выделялись рыбные тони: «...в турманском бортном ухожее на реке на Выше рыбная тоня...»[3], то есть специальные, наиболее удобные места для рыбной ловли. Можно предположить, что именно в этих местах шла основная промысловая заготовка рыбы.

В районе рек также существовали «перевеси». Это были места ловли речной птицы при помощи развешенных сетей. Хотя источники указывают на богатство пернатого мира русских лесов, охота на птиц большого значения не имела. «Пернатая дичь, водящаяся там в громадном числе, не считается за редкость и не ценится так высоко, как у нас», – отмечал Адам Олеарий[4]. Охота на диких зверей была большим подспорьем в жизни населения. Обилие в лесах лосей, кабанов, косуль, зайцев, глухарей делало её доступной. При описании волости упоминаются также и «бобровые гоны», но говорить о значительности пушного промысла в волости нельзя.

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 271–271 об.

[2] *Дубасов И. И.* Очерки из истории Тамбовского края. Тамбов, 2006. С. 112.

[3] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 235.

[4] *Олеарий А.* Описание путешествия в Московию. СПб., 1906. С. 163.

К XVII веку пушной промысел в Европейской части страны сильно сократился. Из-за прежнего высокого спроса на бобровые шкурки бобровые гоны оскудели, сократилось число бобров.

Развитость бортного промысла, а также упоминание писцами хмелевых угодий в волости свидетельствуют о еще сохраняющихся в волости в то время традициях приготовления хмельных медов. Для приготовления медов были характерны огромные потери сырья: выход готовой продукции составлял от трех пятых до половины от веса заложенного мёда и требовал больших объемов разовой закладки, порядка сотен килограммов, в силу особенностей процессов варки и брожения, проходящих «правильно» лишь при использовании больших масс продуктов. По этой причине в большинстве регионов государства в XVI веке производство медов практически прекращается, а в XVII веке производится редко, эпизодически, только для «домашних» целей. Однако большое количество сырья в волости, видимо, позволяло ещё готовить меды, возможно, также и для нужд царского двора.

Кроме этого, необходимо отметить также, что добывающие промыслы требовали определенного уровня развития ремесел. Изготовление сельскохозяйственных орудий (серпов, кос, сох) и бортного инструмента не могло быть занятием всего населения и свидетельствует о развитии металлообработки.

Высокий уровень развития промыслов в Верхоценской волости, в первую очередь добывающих, при вспомогательной роли земледелия свидетельствует об их товарном характере. Это, в свою очередь, говорит о прочной включенности волости в рассматриваемый период в систему товарно-денежных отношений формирующегося Московского государства. Кроме того, промысловый характер волости делал из нее потребителя сельскохозяйственной продукции, тем самым стимулируя развитие близлежащих земледельческих районов, в данном случае Конобеевского присуда, и притягивал крестьян-переселенцев из других областей страны.

2.4. НАЛОГООБЛОЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОЦЕНСКОЙ ВОЛОСТИ

Национальная и хозяйственная специфика региона оказала влияние на практику взимания налогов с местного населения. Здесь целесообразно рассматривать данный вопрос, сохраняя условное деление населенных пунктов волости на «нижние» и «верхние» и проводя сравнение с селами Конобеевского присуда.

При проведении писцовых описаний 20-х годов XVII века в нижнем Поценье ещё действовала кадастровая система XV–XVI веков – сошное и вытное письмо. Для определения размеров окладных сборов с населения Конобеевского присуда в начале XVII века податными единицами выступали выть и четь пашенной земли: «Село Конобеево на реке на Цне, на лесной стороне... да крестьянские пашни 37 вытей, а в каждой порознь по 16 четьи, итого 577 четьи с осминою в поле, а в дву потомуж»[1]. Четь пашни (равная 0,5 десятины земли), по замечанию С. Б. Веселовского, была дробной единицей сохи и выти, мелкой расчетной частью этих единиц[2]. С конца XVI века из-за повышения налогов и уменьшения сошных окладов, чети становятся наиболее употребимыми в писцовых описаниях[3]. (Название «четь» происходит от слова «четверть». Так называли меру площади, на которую высевали четверть (меру объёма) ржи, которая, в свою очередь, представляла собой четверть кади – специальной емкости для зерна.)

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед.хр. 6034. Л. 220об.

[2] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 9.

[3] Там же. С. 9–10.

Как отмечал В. И. Сергеевич[1], переход от сохи к чети совершался легко. Соха была очень громоздкой и малоудобной единицей, так как, в действительности, была применима только в очень богатых владениях, а для подавляющего большинства земель использовались только её дроби. Переход к четям должен был начаться, как только от индивидуальных сох, определяемых по особенностям каждого отдельного хозяйства, по людям и их силе, стали переходить к сохам определенной геометрической площади. Если соха в 800 четей должна была платить 800 рублей, то каждая четь была обложена одним рублем, и лучше было иметь дело с четями, чем с сохами[2].

Вытная система, использовалась преимущественно в дворцовых вотчинах, а выть появилась как специальная окладная единица для целей дворцового хозяйства[3]. По определению В. И. Сергеевича, выть – это определенное количество земли, с которого дворцовые крестьяне несли господские повинности во дворец зерном, скотом, птицей, яйцами, дровами, сеном, соломой и прочим[4].

Размер выти в разное время и для разных территорий существенно отличался. Так, для сел Конобеевского присуда в выть было положено 16 четвертей крестьянской пашни. Для сравнения, в бортных и мордовских землях Арзамаского уезда в этот же период в выть было положено по 20 четвертей доброй земли[5].

Ниже в таблице 2.3 приведены данные по количеству вытей и четвертей, приходящихся на каждое из сел Конобеевского присуда.

---

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М., 2007. С. 298.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 313.

[4] Там же. С. 314.

[5] *Видяйкин С. В.* Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII веков: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 84.

Таблица 2.3

Данные по количеству вытей и четвертей пашни в селах Конобеевского присуда 1623 г.

Название села	Количество вытей	Количество пашни в четях пашенной земли
с. Конобеево	54,75	876
с. Ялтуново	17	272
д. Токарево	3,5625	57
с. Волосатово	11,25	180
с. Темешево	15	488
с. Аксельменьево	27,5	440
с. Алеменево	20,5	328
с. Шаморга нижняя	18	288
с. Купля	14	224
с. Новоселки	30,5	487

Количество вытей, приходившихся на село, раскладывалось на отдельные дворы. Крестьяне несли тягло не с целой выти, а с ее дробной части, которая для разных хозяйств была различна. Раскладка на крестьянские дворы вытного тягла, то есть распределение земли, с которой взыскивались платежи, производилась соразмерно хозяйственным возможностям отдельного двора[1]: «А на выть сожати и верстати мордвы, по скольку человек пригож, смотря по их животам и по тамошним угодьям»[2].

---

[1] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 228; *Видяйкин С. В.* Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII веков. Диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Саранск, 2005. С. 84.

[2] Цит. по: *Видяйкин С. В.* Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII веков: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 85.

Писцовые материалы не дают информации о том, какие платежи и повинности были включены в выть в Конобеевском присуде. Поэтому можно только выдвигать предположения об этом исходя из практики, сложившейся в других уездах государства. Так, в писцовой книге конца XVI века по Тверскому уезду содержится следующая запись: «...а оброку крестьянам платити в великого князя казну в Дворцовой Приказ 6 рублей и 7 алтын с денгою с выти по полтине... да посопного хлеба 55 чети и 1 1/2 осм... да мелкого доходу платити крестьянам на дворец с 30 вытей яловица, с 15 вытей боров живой, с выти по барану... А коли князь великий не велит у них мелким доходом имати, и крестьяном платити с великого князя в казну в Дворцовой Приказ денгами...»[1].

Таким образом, в структуре платежей с выти можно выделить оброк, который выплачивался деньгами, посопный хлеб, который взыскивался зерном, и так называемый мелкий доход в виде продуктов питания, крупного и мелкого скота, сена, шерсти, который в случае необходимости мог заменяться денежными выплатами. Необходимость замены выплаты натуральных платежей деньгами могла объясняться увеличением численности дворцовых крестьян и, соответственно, ростом поставок продуктов, выходивших за пределы потребностей государева двора, а при отдаленности вотчин – возникновением проблем с их перевозкой. Однако в нашем случае мы имеем дело не просто с дворцовыми сёлами, а с крупной феодальной вотчиной с центром в селе Конобеево, что подразумевало наличие в селе большого феодального двора (пусть и не постоянного места пребывания) и соответствующего хозяйства. Для его обеспечения необходимы были натуральные платежи, поэтому вполне вероятно их преобладание в выплатах с выти сёл Конобеевского присуда.

Одним из таких натуральных платежей являлся посопный хлеб, или посоп. Посоп представлял собой хлебную подать зерном, размер которой мог варьироваться в разных регионах. Так, в 10-е и 20-е годы XVII века дворцовая мордва Алатырского уезда вносила

[1] Цит. по: *Кулишер И. М.* История русского народного хозяйства. Челябинск, 2004. С. 260.

в приказ Большого дворца посопный хлеб – рожью и овсом в размере по две чети каждой культуры с выти[1]. В Вологодском уезде в конце XVI века в выть (в 12, 14 и 16 четей) было положено 5 четей ржи и 6 четей овса[2]. В Мещерской стороне Рязанского уезда в этот же период крестьяне должны были отдавать с выти те же 5 четей ржи и 6 четей овса[3]. Кроме того, им было отмерено на выть по десятине пашни – «пахать для государева посопного хлеба»[4].

Здесь мы видим ещё одну, общую для крестьян, повинность в виде обработки десятинной пашни и сенокоса. Существовала ли эта повинность в селах Конобеевского присуда или была заменена денежным оброком, в настоящее время неизвестно.

Так называемый мелкий доход в Конобеевском присуде мог взыскиваться медом и пошлинами с него, так как значительная часть населения занималась бортничеством. Основанием для данного довода служит и приводимый С. Б. Веселовским отрывок из сотной грамоты 1600 года с писцовых книг Василия Волынского 1597 года в отношении деревни Федотьево в Мещерской стороне Рязанского уезда, где также было развито бортничество. В отрывке указывается, что за мелкий доход крестьяне платили медом и пошлинами с него – 5 денег с пуда[5].

Приводимые выше платежи и повинности – денежный оброк, посопный хлеб, мелкий доход и десятинная пашня, по сути своей, являлись выплатами за пользование феодальной землей и угодьями. Но кроме них, существовали целевые налоги, вытекавшие из потребности обеспечивать различные государственные и местные нужды. В первую очередь это посошный корм, ямские деньги и стрелецкий хлеб.

---

[1] *Видяйкин С. В.* Налоги и повинности дворцовых крестьян Алатырского уезда в XVII – начале XVIII веков: дис. ... канд. ист. наук. Саранск, 2005. С. 91.

[2] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 106.

[3] Там же. С. 108.

[4] Там же.

[5] Там же.

Повсеместно дворцовые земли платили так называемый посошный корм, который в изначальной своей форме представлял доставку пищевого довольствия для содержания княжеской администрации на местах. В. И. Сергеевич рассматривал корм как одну из древнейших видов повинностей, упоминаемых ещё в Русской правде, и указывал, что «получение корма, натурой или деньгами, есть обыкновенный способ содержания в Москве наместников, волостелей и их пошлинных людей»[1]. Со второй половины XVI века корм начинает взиматься в денежном виде и становится обязательным для всех плательщиков податей[2]. Корм раскладывался на сохи (отсюда и название – посошный) в размере 21 алтын 2 деньги с сохи[3]. Однако в упоминаемой уже деревне Федотьево Рязанского уезда посошный корм уплачивался с выти в размере 2 деньги[4].

Деньги «ямским охотникам на прогоны и на подмогу», по-другому называвшиеся малыми ямскими деньгами, шли на содержание скорой ямской гоньбы: для провоза гонцов, должностных лиц и др. Ямские охотники – это лица, которые по договору с местным населением принимали на себя обязанности по содержанию ямской гоньбы, то есть жили на станции, имели достаточное количество лошадей, телег и даже лодок[5]. Помимо платы за наем, ямские охотники получали жалование от государства, которое носило название прогонов или подмоги[6] и на выплату которого как раз и собирались ямские деньги. В XVII веке малые ямские деньги стали окладным налогом и взимались в размере 10 рублей с сохи[7] или 2 с половиной деньги с чети.

[1] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М., 2007. С. 149.

[2] Там же. С. 149–150.

[3] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 102.

[4] Там же.

[5] *Сергеевич В. И.* Древности русского права. Т. 3. Землевладение. Тягло. Порядок обложения. М., 2007. С. 175.

[6] Там же. С. 176.

[7] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 103.

Кроме малых ямских денег, после Смуты, в связи с расстройством ямской гоньбы в государстве, был введен налог, называвшийся большие ямские деньги. Взимались они на основании сошного письма с сохи или с чети. Оклад ямских денег в 1618–1620 годах составлял 1 рубль с чети, а в 1621 году снижен до 24 алтын 2 денег с чети[1]. Однако шацкие дворцовые сёла, в том числе и Конобеевский присуд, с большой долей вероятности не платили больших ямских денег. Как отмечал С. Б. Веселовский, ни в указах Ямского приказа о сборе денег, ни в других источниках нет сведений о выплате этого налога дворцовыми землями, а от 1642 года имеется прямое указание на освобождение государевых дворцовых сёл от уплаты ямских денег[2].

Выплаты хлебных запасов ратным людям на жалование или стрелецкий хлеб были всеобщей повинностью для всего тяглого населения[3]. В основе обложения стрелецким хлебом была также соха, или четверть пашенной земли[4]. С 1619 по 1639 годы оклад стрелецкого хлеба составлял 200 четей (по 100 четей ржи и овса) с сохи; единовременное его повышение отмечено в 1622 году ввиду возможной войны с Польшей[5]. Причем если с 1614 по 1621 год практически общим правилом было выплачивать налог зерном, то с 1622 по 1623 год налог собирался в денежном виде. Однако могли быть и исключения, как, например, сбор налога зерном с Арзамасского уезда в 1639 году[6]. Поэтому однозначно считать, что сёлами Конобеевского присуда в рассматриваемый период стрелецкий хлеб выплачивался деньгами, нельзя. Ввиду близкого расположения казачьих слобод, функционирования по шацкой засечной линии караульных отрядов, форми-

[1] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 160.

[2] Там же. С. 159–160.

[3] Там же. С. 163.

[4] *Гераклитов А. А.* Арзамасская мордва. По писцовым и переписным книгам XVII–XVIII веков / Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 1. С. 232.

[5] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1915. Т. 1. С. 174.

[6] Там же. С. 171.

ровавшихся в Шацке, возможным представляется прямая доставка из Конобеево стрелецкого хлеба в виде запасов зерна.

Таким образом, обложение крестьян сёл Конобеевского присуда, в общих чертах, принципиально не должно было отличаться от обложения других дворцовых земель Московского государства, где преобладало русское население. Кроме того, и на мордовское население села Ялтуново Конобеевского присуда распространялись те же правила взимания налогов. Мордовская пашня здесь, наряду с крестьянской, раскладывалась на выти: «Села Ялтунова ... крестьянской и мордовской пашни 10 вытей, в каждой выти по 16 четьи...»[1], что, следовательно, влекло установление соответствующих платежей и повинностей.

Стоит отметить, что для мордвы дворцовых сёл Шацкого уезда такой порядок действовал уже достаточно продолжительное время. Так, С. Б. Веселовский приводит отрывок из наказа 1603 года приказчику дворцовых шацких сёл Игнатию Алфимову.[2] В наказе содержится требование провести сыск, не владеют ли мордва и бортники лишними землями, «а сметя тое прибылные пашню и сенные покосы, приписывати в тягло на тех людях, кто её пахал, да и в выти положить», а если «на тех людей прибавити нельзя, и Игнатью на тех людях, кто тое прибылную пашню пахал и сено косил... положити оброк денежный или медвяной, или как государю было прибыльнее, смотря по пашне и по угодью»[3].

Отличия от этой общей системы в границах присуда наблюдаются в двух мордовских деревнях – Новая Мордовская Усада и деревня в устье Выши. В первую очередь они касаются того, что пашенная земля в ведении мордвы в выти не переводилась. Это свидетельство того, что мордовское население здесь не несло вытное

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 221 об.

[2] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 462–463.

[3] Цит. по: *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 462–463.

тягло. Рассматриваемые мордовские деревни Конобеевского присуда владели землей на оброке, который в данном случае представлял собой вид долгосрочной аренды: «Деревня новая Мордовская Усада... а дана им та усада и сенные покосы по подписной челобитной царя Бориса106 году из оброку»[1] и «Другая мордовская оброчная деревня... в ней мордовские пашни на оброчном поле на купленском селище ...»[2].

Таким образом, за пользование землей ежегодно мордва двух деревень Конобеевского присуда выплачивала определенный денежный оброк, размер которого нам не известен. Как пишет С. Б. Веселовский, владение землей из оброка было гораздо легче тягла, но, с другой стороны, оброчное держание было непрочно, так как могли появиться желающие взять ту же землю за больший оброк[3]. Оброчное держание могло быть и временной льготой новым переселенцам, и по истечении срока льготы или по государевому указу превращалось в тяглое держание[4].

Пашенная земля мордовских оброчных деревень учитывалась в четях с указанием, что земля песочная, то есть не совсем пригодная для земледелия[5]. И если платежи за землю в данных деревнях вносились в виде ежегодного денежного оброка-ренты, то, скорее всего, уплата целевых государственных налогов – стрелецкого хлеба, малых ямских денег, возможно, посошного корма – раскладывалась исходя из четвертей.

Основным занятием мордвы в рассматриваемый период времени, как уже говорилось в предыдущем параграфе, было бортничество. И в связи с этим, видимо, основная налоговая нагрузка мордовского населения оброчных деревень Конобеевского присуда была связана не с платежами за землю, а с выплатами за пользование лесными

---

[1] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 226 об.

[2] Там же. Л. 227.

[3] *Веселовский С. Б.* Сошное письмо: исследование по истории кадастра и посошного обложения Московского государства. М., 1916. Т. 2. С. 465.

[4] Там же. С. 472.

[5] РГАДА. Ф. 1209. Оп. 4. Ед. хр. 6034. Л. 227.

угодьями. Это мог быть только оброк медом в натуральном виде либо уплата его в денежном эквиваленте, как указывалось в наказе 1603 года. Либо, дополнительно к оброку, ещё ряд платежей, аналогичных выплатам мордовских деревень Верхоценской волости, которые будут рассмотрены ниже.

Переходя к рассмотрению налогообложения мордовских деревень Верхоценской волости, необходимо ещё раз отметить, что население их носило смешанный характер и было представлено как мордвой, так и русскими крестьянами и бортниками. Однако при росписи пашенной земли в 1622–1623 годах ни крестьянская, ни мордовская пашни в выти не положены. Земля указывается только в четях пашни, что позволяет говорить о возможной раскладке на них так же, как и на мордовские деревни Конобеевского присуда, государственных налогов. Данных о том, что пашенная земля в мордовских деревнях Верхоценской волости находилась в оброчном владении, нет. И если в отношении мордвы и бортников можно предполагать, что отсутствие вытного тягла с пашни компенсировалось платежами с бортных ухожьев, то в отношении крестьян такое предположение сомнительно, хотя и исключать его нельзя. Таким образом, вопрос о выплатах с пашни как крестьян, так и мордвы Верхоценской волости на данный момент остается открытым.

Бóльшую информацию источники дают о сборах за пользование лесными угодьями в целях промысловой деятельности. В списке с писцовой бортной книги Федора Чеботова 1622 года раскладка налогов для налогоплательщиков мордовских деревень представлена следующим образом: «Мордва Неверко Веденовинз братом своим с Нечайкой, да дядею своим Голем Пороватовым и с сыном его со Жданком ходят бортной Сюпской ухожей на реке на Цне, по обе стороны реки Цны... Оброку с тех ухожев платит пуд без чети пуда меду Новоселского беляка. Ясаку с меду шесть алтын полторы денги. Куничных денег пят алтын. Пошлин с меду и с полу куницы без полу чети куницы четыре денги»[1]. (Ниже будут рассмотрены упоминаемые в отрывке термины – ясак, куница и др.)

[1] Архив СПБИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 9 об.–10.

В Книге ясачных сборов воеводы Матвея Стрешнева порядок аналогичен: «Мордвин Еремка Велконапин ходит бортные ухожи Корельской, на реке на Цне, по обе сторны реки Цны, и в Орзасове липеге, и Вышенской, на реке на Выше, по обе стороны реки Выши, и на Пиченвен Бола, и на Морше, в Канфленском ухоже. Оброку с тех ухожев платит пуд без чети пуда меду Новоселсково белека. Ясаку с меду шесть алтын полторы денги. Куничных пят алтын. Пошлин с меду и с куницы четыре денги»[1].

Как видно из приведенных отрывков, характер обложения за пользование бортными ухожеями был персонифицирован. Причем плательщиком мог выступать и один человек, и группа лиц. Объединение в группы диктовалось как особенностями бортного промысла, так и возможностью снижению налогового бремени. Объединяться могли как члены одной семьи – братья, дядя с племянниками, так и члены разных, возможно родственных, семейств. Бортные ухожеи в данном случае находились в совместном владении нескольких человек – «ходились вопче»[2].

Кроме того, один и тот же человек мог быть одновременно как единоличным плательщиком налогов, так и находиться в определенной группе или даже нескольких группах. Так, например, в деревне Корели описывается группа из нескольких человек «мордва Киченапко Дмитреев да Учеватко Урюпин, да Шиндоновка Беляев с братею, да Киченапко Мортясев, да Ромашко Пачинс братею, да Болой Куштин, ходят бортной Корельской ухожей, на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и в Орзазове липеге, и в Залесе. Оброку с того ухожю платят пуд осмнатцат гривенок меду Новоселскаго беляка»[3]. В то же время двое представителей из этой группы упоминаются ещё раз ниже, отдельно от остальных: «Да Учеватко ж Урюпин, да Киченапка Миткин ходят бортнаи ухожеи на реке на Выше и на Отормари. Оброку с таго ухожю платят пятнатцат гривенок меду Новоселсково беляка»[4].

[1] РГАДА. Ф. 1106. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 20 об.

[2] Там же. Л. 2а.

[3] Там же. Л. 23 об.

[4] Там же. Л. 29 об.

Таким образом, одни и те же люди могли упоминаться в писцовых книгах и обкладываться налогами несколько раз, в зависимости от изменения объекта налогообложения. Но что же тогда являлось этим объектом? Сказать, что это был определенный бортный ухожей, было бы неверно. Ведь в один и тот же ухожей могли ходить на промысел все жители деревни. Вероятней всего, это была какая-то часть ухожея с определенным количеством бортных деревьев, то, что мы встречаем в документах под названием «бортная дель»[1]. В зависимости от размера этого участка и от количества бортных деревьев на нем определялся размер взимаемого налога. Но учитывая количество ухожьев в Верхоценской волости, их размеры, расстояния до них, особенности ландшафта и природные условия, представляется невероятным, что писцы могли провести работу по выявлению всех многочисленных промысловых участков в ухожеях и определить количество бортных деревьев в них. Здесь, по всей видимости, важную роль играло бортное «знамя» (понятие, сущность и функции которого подробно рассматриваются в п. 2.5 настоящей работы), то есть индивидуальный знак владения, который выбивался на бортном дереве.

Характер промысла предполагал необходимость в обозначении бортниками своих промысловых участков и бортных деревьев. Ввиду увеличивающейся плотности населения несомненно должны были возникать споры по поводу владения смежными участками. И отстоять свое владельческое право бортник мог только в случае, если эти «знамена» и количество бортных деревьев, помеченных ими, были зафиксированы в учетных книгах управляющего волостью. Подобные случаи описываются в писцовых материалах: «И ... перед Федором Чоботовым мордвин Худячко Серкин, став, сказал, что он в том в долгиннам деле с мордвинам з Беляйкой Лемясевым по купчей записи помирился и те все знамена и ухожи, которые у Беляйка в купчей написаны, Варалыевской и Палмакужской и Мутасевской и в Орзасове липеге велел написат в Государнины в вотчинные земли за Беляйком и за ево детми»[2].

[1] РГАДА. Ф. 1106. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 33 об.

[2] Там же. Л. 10 об.–11.

Кроме того, подобная легитимизация своих участков давала возможность бортникам распоряжаться ими – продавать, сдавать на определенный срок. В источниках нередки упоминания подобного рода: «И перед Федором Чоботовым продовцы Шиндоновко Беляев да Петашка Черапин у книг сказали, что они мордвину Башрашку и его детем тот ухожей продали, и запис ему на тот бортной ухожей дали»[1].

Таким образом, писцы определяли налоговую базу бортного промысла со слов самих налогоплательщиков, так как последние в данном случае были заинтересованы в точном, подробном описании границ промысловых участков и фиксации своих владельческих «знамен».

С промыслового бортного участка взимались следующие виды налогов: оброк, ясак, куничные деньги, пошлина с меда и пошлина с куницы.

Рассматривая сущность оброка, А. С. Лаппо-Данилевский писал, что он имел характер частно-хозяйственного сбора и был, по сути, арендной платой, которую натурой или деньгами выплачивал оброчник землевладельцу[2]. Оброк за пользование бортными угодьями, наряду с другими видами оброка, он считал разновидностью поземельной ренты[3]. В XVII столетии в связи с тем, что дворцовые земли стали терять характер частной собственности, оброк с дворцовых земель принимает характер государственной подати[4].

Оброк, выплачиваемый населением мордовских деревень Верхоценской волости в 20-е годы XVII века, действительно можно рассматривать как феодально-земельную ренту в условиях оброчного хозяйства, когда юридически собственником земель выступал феодал, а у населения сохранялись права пользования и распоряжения землей с возможностью продажи и обмена. Собственник же следил за тем, чтобы земля постоянно находилась в чьем-либо оброчном держании и приносила доход.

---

[1] РГАДА. Ф. 1106. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 35.

[2] *Лаппо-Данилевский А. С.* Организация прямого обложения в Московском государстве со времен Суты до эпохи преобразований. СПб., 1890. С. 35–36.

[3] Там же. С. 39–40.

[4] Там же. С. 40.

По писцовым материалам различался верховой и водяной оброки. Под верховым оброком понимался оброк за пользование бортными ухожеями и ведение бортного промысла в них. Верховым назывался, видимо, из-за того, что характер промысла подразумевал работу на высоте и добывание верхового меда, то есть меда из бортей. Водяной оброк представлял плату за использование речных ресурсов – рыболовство и бобровый промысел: «...с рыбных ловель и с бобровых гонов водяного денежного оброку...»[1].

Верховой оброк был основным, главным платежом мордовских деревень Верхоценской волости. Его платил каждый, кто занимался бортным промыслом. Взимался он до 1622 года исключительно в натуральном виде – медом. В 1622 году произошло, по результатам писцового описания, увеличение оброка: «Да в нынешнем во 130 году нижних же деревень бортники и мордва прибавили на свои бортные ухожи медвяного оброку внов пят пуд с третю пуда меду...»[2]. И это количество прибавленного оброка было взято в денежном виде: «...И на нынешней на 130 год за тот мед взято деньгами три рубли дватцат четыре алтына три денги. За пуд по дватцати по три алтын по две денги»[3], тогда как основной оклад оброка по-прежнему взимался медом. Кроме того, подразумевалось, что это исключение из правил, и предписывалось на следующий год прибавленный оброк выплачивать в натуральном виде: «А вперед им тот оброк платить медом»[4]. Видимо, одной из причин, по которой Дворцу выгодно было получать верховой оброк в натуральном виде, была возможность сбыта его на внешнем рынке по цене, превышающей установленную за пуд меда на внутреннем рынке.

Минимальное количество оброка, взимавшегося с одного бортника (или группы), – четверть пуда меда, то есть всего лишь чуть больше 4 килограммов. Максимальное количество, зафиксированное в документах только один раз, составляло «сем пуд без трети пуда

[1] Архив СПБИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 84 об.

[2] Там же. Л. 85.

[3] Там же.

[4] Там же.

меду»[1], то есть около 110 килограммов. Платили такой оброк мордва деревни Березова «Богдашко Сайганапин з братом своим с Куземкою да Кечатко Колясов з братом своим с Кичемаском»[2]. Основная масса бортников, единолично и в группах, платили в среднем полпуда – пуд меда (8–6 килограммов), реже – около двух пудов. Исследуемые писцовые материалы не дают данных, каким образом устанавливался определенный оброк для конкретного бортника исходя из количества промысловых участков и бортных деревьев. Но определенно такая зависимость существовала.

Также сложно сказать, какую долю от добываемого бортником меда составлял оброк и насколько он был обременителен. Как было показано в предыдущем параграфе, в среднем одна борть могла приносить от одного до трех пудов меда. Бортники, платившие минимальное количество оброка – четверть пуда меда, имели промысловые участки не менее, чем в двух ухожеях. Так, бортник деревни Корели – Познячко Мокшанов ходил «бортной Корелской ухожей на реке на Цне по обе стороны реки Цны и в Орзасове липеге и в залесе. Оброку с того ухожью платит чет пуда меду Новоселсково белека»[3]. Этой же деревни бортник Назарко Микифоров, плативший такой же оброк, ходил в те же «бортной Корельской ухожей на реке на Цне по обе стороны реки Цны и в Орзасове липеге»[4]. У бортника на промысловом участке в одном ухожее должно было быть не менее одного заселенного пчелами бортного дерева. Соответственно, с двух бортей минимально возможное количество меда – 2 пуда. В этом случае налоговая нагрузка в четверть пуда составляла 6,25% от всего дохода. Если предположить, что вообще один бортник мог получать доход только с одной борти (что кажется маловероятным), размер налога в таком случае составлял 12,5%.

Общее количество верхового оброка, полученного в 1622 году с «нижних» деревень Верхоценской волости, составляло 66 пудов

[1] Архив СПБИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5 об.

[2] Там же. Л. 5.

[3] РГАДА. Ф. 1106. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 13–13 об.

[4] Там же. Л. 14 об.

с третью пуда и 2 гривенки меда. Из них непосредственно медом получено было 61 пуд и 2 гривенки меда, в килограммах – 1000,18. Как видим, только пять «нижних» деревень приносили натурального оброка тонну меда. Обобщающей информации по взиманию верхового оброка с «верхних» деревень нет. Однако известно, что одиннадцать из них на отрезке Мутасево – Кулеватово в 1622 году выплатили примерно 170 пудов меда, то есть почти в три раза больше, чем «нижние» деревни. Исходя из этого, общее количество выплачиваемого натурального оброка «верхними» деревнями должно было превышать выплаты «нижних» деревень примерно в четыре раза и составлять около 240 пудов меда. Таким образом, в 20-х годах XVII века Верхоценская волость, выплачивая натуральный оброк с бортных ухожьев, ежегодно поставляла примерно 4 тонны меда.

В отличие от верхового, водяной оброк взимался только деньгами. Общая сумма уплаченного в 1622 году водяного оброка населением «нижних» деревень составила 2 рубля 12 алтын 3 деньги[1].

Этот налог не был обязанностью каждого налогоплательщика. Его платили только те, кто, наряду с бортничеством, занимался рыболовством и, возможно, бобровой охотой по рекам в районе промысловых бортных участков. Приведу несколько примеров: деревни Корели «Бортник Исайко Пофомов ходит бортные ухожи Корельской и Арзасовской на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и на реке на Выше и на Пичевон Бола, по обе стороны реки Выши. Оброку с тех ухожев платит два пуда меду и семнатцат гривенок с полугривенкою меду... Да он же платит с рек, со Цны и с Выши, воденого оброку два алтына»[2]; той же «Мордва Киченапко Дмитреев да Учеватко Урюпин, да Шиндоновка Беляев с братею, да Киченапко Мортясев, да Ромашко Пачин с братею, да Болой Куштин, ходят бортной Корельской ухожей, на реке на Цне, по обе стороны реки Цны, и в Орзазове липеге, и в Залесе. Оброку с того ухожю платят пуд осмнатцат гривенок меду... Да они ж платят с реки со Цны, с Корельсково

[1] Архив СПБИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 84 об.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 16 об. – 17 об.

ухожя, воденого оброку девят денег»[1]; деревни Устья «Мордвин Вечкапка Мелцытов с детми ходит бортные ухожи на речке на Воду, и в Садодиме, и в Пучадове, и на реке на Ките, и на Летеве, в липегах, да и в Инизене, на реке на Цне и на Кашмоте. Оброку с тех ухожев платит пуд меду... Да он же платит с реки со Цны и с Кашмота воденого оброку пол трети денги»[2]. Во всех примерах перед нами фигурируют совершенно разные суммы водяного оброка. Эти цифры не коррелируются ни с количеством выплачиваемого оброка медом, ни с количеством плательщиков, ни с реками.

Несмотря на это, всё-таки есть основания для предположения связи между суммой водяного оброка и количеством выплачиваемого натурой меда. Об этом говорит следующий отрывок из купчей 1617 года мордвы деревни Мутасево: «...А Беляйку Лемясеву платить в государеву казну с тех ухожев и знамен медвенаго оброку пуд бес чети пуда меду, с ясаком и с куницею и с пошлинами, и воденой оброк на пуд бес чети, пороз чету»[3]. По смыслу текста, водяной оброк рассчитывался исходя из количества оброка медом, с поправками. Однако алгоритм расчета неясен.

Еще одним важным элементом системы налогообложения мордовских деревень Верхоценской волости являлся ясак. Само слово «йасак» – монгольское заимствование в тюркских языках. Оно имело несколько значений, в том числе закон, предписание, подать, оброк, повинность[4]. В практику налогообложения Московского государства этот термин попал из золотоордынской системы.

По мнению Р. Ю. Почекаева, под ясаком понималась совокупность основных налогов со всех подчиненных золотоордынского хана[5]. Г. А. Федоров-Давыдов считал ясак самостоятельным нало-

---

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 23 об.–24.

[2] Там же. Л. 37 об.–38.

[3] Там же. Л. 10.

[4] Этимологический словарь тюркских языков: Общетюркские и межтюркские основы на букву «Ӂ», «Ж», «Й» / отв. ред. Л. С. Левитская. М., 1989. С. 152.

[5] *Почекаев Р. Ю.* Право Золотой Орды. Казань, 2009. С. 112.

говым термином в налоговой системе Золотой Орды, обозначавшим определенную подать, однако для характеристики этой подати недостаточно данных[1]. Позже, после распада империи, ясак стал основным видом обложения; в Казанском ханстве это был подоходно-поземельный налог, собираемый с подчиненного не татарского населения[2].

Вероятно, характер подоходно-поземельного налога ясак имел и в Поценье, в период существования здесь ещё не подчиняющихся Москве татарских феодальных владений. Однако в грамотах XVI века татарской аристократии подобный характер ясака уже не прослеживается.

Так, в списке с грамоты, выданной от имени великого князя московского Василия III князю Акчуре Адашеву на княжение над конялской мордой, говорится о выплатах с мордвы в виде пошлин: «...да все земские люди черные люди тое мордвы конялские чтите и слушаете во всем, и он вас ведает, и судит, и блюдет, и пошлину емлет пособпошлины на перед сего, такие князь Адаш, и дед его князь Седехмет»[3]. Другая грамота 1540 года сыну князя Акчуры – Кулаю несколько проясняет вопрос пошлин: «...А что шло пошлин отцу его князю Акчуре с конялскину мордву со цненскою мордвою с одного по Иванову письму Микулина сына Ярого во весь год за все пошлины дватцать восемь рублев и дватцать пять алтын и четыре деньги. И ис тех изо княжих пошлин с конялския мордвы велел есми имати князю Кулаю з году на год половину... И вы все люди конияльские мордвы и цненские, которая живет по Мокше и по Цне, князя Кулая Акчурина чтили и слушали, а он вас ведает и судит и бережет и пошлины у вас емлет...»[4]. По смыслу этих двух грамотах татарские

[1] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 128–129.

[2] Там же. С. 129.

[3] Государственный Архив Саратовской области. Ф. 19. Оп. 1. Ед. хр. 773. Л. 19.

[4] Там же. Л. 18; цит. по: *Акчурин М., Ишеев М.* Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, З. А. Махмутова, С. В. Сусловой. Казань, 2013. Вып. VII. С. 11–18.

князья получают право сбора пошлин, причем в денежном выражении, за осуществление функций управления мордовским населением. Причем сама формулировка грамот практически идентична кормленным грамотам того же периода.

В следующей грамоте, выданной Иваном IV уже внуку Акчуры Адашева и сыну Кулая – Сатаю, вместо пошлин речь идет уже о ясаке, хотя по смыслу грамоты ясно, что это один и тот же платеж: «Царь и великий князь Иоан Васильевич всеа Русии по сей грамоте пожаловал Кулаевым княженьем и судом над коняльскою мордвою Кулаева сына Сатая князя, потому ж как то княжество за Кулаем князем Акчюриным. А ясаку Сатаю князю зборы имати своего жеребья по семи рублев и полуосьма алтына потому ж как тот ясак имал отец его Кулай князь или чем тот ясак вперед над сем писцы отпишут...»[1]. Денежная сумма ясака в грамоте почти в два раза меньше суммы, получаемой князем Кулаем. Видимо, это связано с тем, что под управлением Сатая осталась только конялская мордва, тогда как цнинская мордва уже не упоминается. Соответственно, уменьшился размер получаемых им денег.

Перед нами очень наглядная трансформация понятий. Денежные пошлины за осуществление судебных и административных функций на вверенных в управление территориях в отношении татарских феодалов со второй половины XVI века в делопроизводственной практике начинают называться ясаком. И теперь ясак в этом новом понимании совершенно теряет связь с понятием ясака как налога в Казанском ханстве, с понятием ясака, который использовали в системе обложения коренных народов Сибири.

Таким образом, в разных регионах Московского государства в XVI веке под понятием «ясак» использовались виды обложения, коренным образом отличающиеся по своей природе. На это обращал внимание и В. П. Ямушкин, указывая, что «Ясак с Кадомской, Тем-

[1] Цит. по: *Акчурин М., Ишеев М.* Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, З. А. Махмутова, С. В. Сусловой. Казань, 2013. Вып. VII. С. 11–18.

никовской, Алатырской и Цненской мордвы в XVII веке отличается от ясака, упоминаемого в Арзамасском и Нижегородском уездах», и отмечая его пошлинный характер[1].

К концу XVI столетия ясак в регионах Мещеры и Поценья, формально оставаясь административной пошлиной, по сути превращается в жалование татарским аристократам за службу: «Се яз, царь и великий князь Иван Васильевич всеа Руссии, пожаловал есми темниковскаго Изекея мурзу Булашева сына князь Акчурина за немецкую службу в Мещере с чепчарянские мордвы, что за князем Чотом Аганиным, ясаком Немечевским жеребьем Чурикова...»[2]. В приводимой в главе первой настоящей работы грамоте 1608 года Булаю Кудашеву, мы видим ту же формулировку. Булай Кудашев «за службу и радение» жалуется ясаком с Кершинской мордвы, с поручением осуществлять применительно к населению судебно-административную функцию – «будучи в нашем жалованье... судом и пошлинами ведати».

Именно этот ясак – пошлину татарских аристократов мы видим в писцовых материалах 20-х годов XVII века Верхоценской волости. Так, в Книге ясачных сборов при определении писцами количества ясака, взимаемого с мордвы д. Сокольники, отмечено: «...ясачные денги с того меду платили в Темников князь Булаю княж Кудашеву по рублю по десет денег на год. И на нынешней на 130 год те ясачные денги на них взятысполна в казну государыни...»[3]. В списке с писцовых бортных книг Федора Чеботова в отношении «нижних» деревень указывается: «Да в Темников Булаю княж Кудашеву платили нижних же мордовских деревень бортники и мордва ясачных денег с четырех пуд меду по два рубли по дватцати по пяти

[1] *Ямушкин В. П.* О ясаке и мордовском беляке // Труды Мордовского НИИЯЛИЭ. Саранск, 1963. Вып. 24. С. 101.

[2] Цит. по: *Акчурин М., Ишеев М.* Неизвестные грамоты потомков князя Акчуры Адашева // Этнологические исследования в Татарстане / под ред. Г. Ф. Габдрахмановой, З. А. Махмутова, С. В. Сусловой. Казань, 2013. Вып. VII. С. 11–18.

[3] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 115–115 об.

алтын по пяти денги на год. И в нынешнем во 130 году те ясачные денги взяты в казну государыни великие старицы Марфы Ивановны, потому что князь Булай умер, а посля его бортники и мордва тех ясачных денег нигде не платили»[1].

Несмотря на то, что пожалования за службу ясаком с мордвы прекращаются, этот платеж продолжает оставаться в системе налоговых выплат Верхоценской волости. Вероятно, Марфа Ивановна, получившая волость, считалась приемником Булая Кудашева в осуществлении судебно-административной функции и, соответственно, в получении ясачных денег.

Из текста документов видно, что ясак выплачивался «с меда», то есть был привязан к количеству взимаемого оброчного продукта. Была ли эта привязка изначальной и в отношении пошлин XVI века или появилась позже, неизвестно.

Булаю Кудашеву ясак в сумме 2 рублей 25 алтын 5 денег выплачивался «нижними» деревнями всего с четырех пудов меда. То есть на один пуд меда приходилось 23 алтына с деньгою без четверти. Учитывая цену меда в 140 денег (23 алтына 2 деньги), сумма ясака была практически эквивалентна сумме меда, с которого выплачивалась. Неясно, что представляла эта выплата натурой в размере четырех пудов – кто был её получателем, каков был её характер.

В 1622 году с пятидесяти пудов без четверти пуда оброчного меда этими же населенными пунктами было выплачено 13 рублей 21 алтын 3 деньги. Таким образом, расчет ясака, по сравнению с тем, каким он был в отношении Кудашева, изменился. Сумма ясачных денег, взимаемых с пуда меда, значительно уменьшилась. Кроме того, по документам прослеживается применение регрессивной шкалы взимания ясака. При количестве оброка, не превышающем два пуда меда, сумма ясака с одного пуда меда выплачивалась в размере 8 алтын 2 деньги[2]. При количестве оброка два пуда и более – ясак с пуда составлял 6 алтын 4 деньги[3], то есть на 10 денег меньше. Существо-

[1] Архив СПБИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 85 об.–86.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 3.

[3] Архив СПБИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 5 об.

вали дополнительные льготы – например, с двух пудов меда, один из которых взят был деньгами, заплачен ясак 5 денег[1]. Наряду с льготами, отмечены и случаи двукратного увеличения ясачных денег: «Оброку с того ухожью платит чет пуда меду Новоселсково белека. Ясак с таго меду платит вдвое четыре алтына з денгаю»[2].

Интересным является и тот факт, что не все плательщики оброка уплачивали с него ясак. Например, практически все бортники деревни Княжая платили мед «без ясачно»[3]. Возможное объяснение этому – деревня Княжая, а также жители других деревень, освобожденные от ясака, ранее не находились в ведении татарской знати и не платили его. Поэтому установление для них этой выплаты как новой было нецелесообразно.

Взимаемые, наряду с ясаком, куничные деньги рассчитывались, как и ясак, от количества выплачиваемого оброчного меда. Куничные деньги рассчитывались исходя из определенных окладных единиц – куниц. С пуда взималось пол куницы. Одна куница рассчитывалась из стоимости в 13 алтын 2 деньги[4]. Таким образом, с пуда меда сумма куничных денег составляла 6 алтын 4 деньги[5], то есть в ряде случаев была равна сумме ясака. Не исключено, что куничные деньги были трансформацией старого куничного оброка либо дани. С момента перехода татарских феодалов на службу Москве, возможно, были установлены выплаты с мордвы пушной данью в пользу московского князя как выражение подданства. С течением времени, ввиду упадка пушного промысла, данные выплаты приобретали денежное выражение и сохранились в итоге как косвенный налог. Общая сумма куничных денег, выплаченных в 1622 году «нижними» деревнями, составила 11 рублей 28 алтын 0,1 деньги[6].

---

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2.

[2] Там же. Л. 13 об.

[3] Там же. Л. 133 об.–134.

[4] Архив СПБИИ РАН. К. 115. Оп. 1. Д. 291. Л. 84.

[5] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 17.

[6] Архив СПБИИ РАН. К.115. Оп. 1. Д. 291. Л. 84.

И ясак, и куничные деньги облагались пошлинами. Пошлины с меда и куницы представляли собой платежи непосредственно за те мед и пушнину, которые в результате промысла становились собственностью бортников – владельцев бортных ухожьев и шли на продажу. Фактически это были пошлины на право продажи добавочного продукта, полученного в результате промысла.

Пошлины с меда зависели от количества оброчного меда и составляли 5 денег с пуда[1]. Пошлины с куничных денег определялись «с полкуницы- полденги»[2], переводя на пуд меда – те же полденьги.

В общей сумме денежных сборов с одного пуда меда раскладка выплат представлена в таблице 2.4.

Таблица 2.4

Расклад денежных сборов с одного пуда меда (при количестве оброка, не превышающем 2 пуда меда) по данным 1622 г.

Выплаты с 1 пуда меда	Сумма выплат	Процентное соотношение
Ясак	8 алт. 2 ден.	52,3(46,8)
Куничные деньги	6 алт. 4 ден.	41,9 (46,8)
Пошлины с меда	5 ден.	5,2 (5,8)
Пошлины с куницы	0,5 ден.	0,52 (0,58)
ВСЕГО	95,5 (85,5) ден. или 15 алт. 5,5 ден. (14 алт. 1,5 ден.)[3]	100%

Таким образом, в общей структуре налогов основная часть – около 60% приходилась на натуральный оброк, тогда как денежные выплаты с натурального оброка составляли чуть более 40%.

---

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 3.

[2] Там же.

[3] Расчет исходя из того, что 1 алтын (счетная денежная единица) был равен 3 деньгам.

Из имеющихся источников пока сложно сделать выводы об общей примерной сумме дохода, получаемого с бортных ухожьев, а также о том, какой процент от этого дохода составляли налоговые выплаты. Это позволило бы яснее представить экономическую ситуацию, сложившуюся в Верхоценской волости в первой четверти XVII века.

Подводя итог, можно сказать, что хозяйственная и национальная специфика Верхоценской волости определяла её налоговую систему. Занятость подавляющего большинства населения волости бортным промыслом, являющимся древнейшим занятием коренного населения волости, определяла основным объектом налогообложения лесные промысловые угодья, а не пашенную землю, как в Конобеевском присуде. В соответствии с этим, главным доходом, получаемым с волости, был оброчный мед. Причем Дворец в рассматриваемый период был заинтересован в поступлении этого продукта именно в натуральном виде, а не в замене его денежными выплатами. В системе денежных сборов с оброчного меда сохранялся ясак как пошлина, которая ранее выплачивалась представителям татарской владельческой аристократии. Это говорит о переходном характере системы, попытках Московского государства найти наиболее оптимальные способы взаимодействия с податным населением территорий, относительно недавно ставших собственностью царского дома.

Кроме того, национальная специфика требовала учитывать при обложении выработанные в этнической среде способы владения промысловыми участками и их идентификации. В связи с чем неотъемлемым элементом местной налоговой системы стало понятие бортного «знамени».

2.5. ПРОБЛЕМА ПРОИСХОЖДЕНИЯ МОРДОВСКИХ БОРТНЫХ «ЗНАМЕН»

Рассматривая писцовые книги Верхоценской волости XVI–XVII веков, мы сталкиваемся с изображениями там тамгообразных знаков. Знаки эти в традиции делопроизводства того времени назывались «знаменами». Исследование мордовских «знамен» является необходимым для понимания важных моментов экономической, социальной и культурной жизни региона в рассматриваемый период. Внутриродовое деление, проникновение чужеродных элементов в структуру мордовского этноса, возможные миграции населения – это далеко не полный перечень вопросов, на которые могут ответить знаки – «знамена».

При описании территории хозяйственной деятельности населения, так называемых бортных ухожьев, в целях учета выплачиваемых за пользование этими территориями налогов, писцами, наряду с суммой налогов, указывались и изображения «знамен». Таким образом, писцовые книги дают большой материал для исследования системы знаков, используемых в бортничестве. Однако здесь есть и определенные сложности. Так, в разных регионах при описании бортных «знамен» писцами использовалась различная терминология. Например, в Алаторском уезде знаки в форме окружности назывались «глаза»[1], тогда как в Шацком и Кадомском уездах те же знаки назывались «рубежи»[2]. В то же время одинаково называющиеся знаки в разных писцовых книгах могли изображаться по-разному. Для примера приведу изображения знака «орлов хвост» в разных уездах (рис. 1).

[1] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 2. С. 43.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 2а.

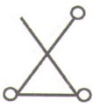
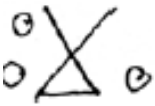
Алатырский уезд	*Шацкий уезд*	*Кадомский уезд*
1	 2	 3

Рис. 1. Изображение знака «орлов хвост» в разных уездах[1]

В рамках одной писцовой книги однотипные изображения знака могли иметь разные названия. В писцовых книгах Шацкого уезда V-образный знак мог называться и «вилы», и «поясы», и «рога»[2]. Подобные различия в названиях знаков можно объяснить региональными отличиями в терминологии делопроизводства. Для Шацкого узда вполне возможно предположить частичное заимствование терминологии подобных описаний из обычаев делопроизводства Рязанского уезда. Так, писцы, видя знакомое изображение бортного знака, давали ему уже привычное для себя название в документе. Но если это так, то на основании данных писцовых книг нельзя уверенно говорить о реальной связи изображения знака с его названием, нельзя уверенно сказать, кто дал название изображению – сам бортник или писец. Кроме того, нельзя забывать и то, что в начале XVII века территории проживания мордвы всё ещё оставались территориями другого языка. Соответственно, и первоначальные названия знаков рождались на языке мокша или эрзя. В настоящее время невозможно сказать, насколько адекватно переведены зафиксированные в писцовых книгах названия и являются ли они вообще переводом.

---

[1] Источники: 1, 2 – *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Ч. 2. С. 115; 3 – *Беляков А. В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 186.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л 2а, 4, 28.

Сложно объяснить различие в изображениях одинаково называющихся знаков. Либо писцы под неизвестное им изображение подбирали подходящее, по их мнению, распространенное и широко использующееся название, либо здесь может быть случай миграции знака в другой регион и постепенной его стилизации.

Все вышесказанные замечания показывают, что работа с писцовыми книгами как с источниками изображений бортных знаков должна быть очень осторожной в плане сравнений и выводов.

Другой блок документов, также содержащих изображения знаков, – это сыскные дела и иные документы, где в качестве личной подписи используются «знамена». Подобные документы до настоящего времени либо вообще не публиковались, либо были опубликованы без изображений «знамен» (например, Отдельные книги 1597 года по Арзамасскому уезду[1]).

Хотелось бы также отметить, что введенные ранее в научный оборот знаки до сих пор не систематизированы, отсутствуют методики изучения «знамен», огромное количество знаков, содержащихся в писцовых книгах XVII века, не опубликовано. Всё это затрудняет широкое исследование данной темы и позволяет сказать, что на сегодняшний день изучение бортных «знамен» находится на начальном этапе.

В настоящем параграфе делается попытка описания, систематизации и исследования подобных знаков на примере «знамен» цнинской мордвы начала XVII века. В качестве основных источников используются Книга ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости воеводы Матвея Федоровича Стрешнева 1622 года[2] и Столбец Сибирского приказа № 6150 1640 года[3]. В первом документе представлены бортные «знамена» мордвы и бортников Верхоценской волости с указанием бортных ухожьев, в которых использовались знамена. Второй документ – это сыскное дело

[1] Смутное время Московского государства 1604–1613 гг. Вып. 4: Арзамасские поместные акты (1578–1618 гг.) М., 1915. С. 132–134.

[2] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1.

[3] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед.хр. 106.

1640 года, в котором к «допросным речам» приложены (в качестве личных подписей) «знамена» мордвы и бортников деревень Верхоценской волости. В общей сложности в двух документах зафиксировано 1243 изображения знаков.

Тема знаков-«знамен» привлекает исследователей уже более ста лет. Одной из первых работ, посвященных изучению знаков собственности, стала работа 1874 года П. С. Ефименко «Юридические знаки»[1]. Это обобщающее исследование, рассматривающее различные знаки собственности у разных народов. П. С. Ефименко поднимал вопросы генезиса знаков, их эволюции, пытался выявить определенные закономерности развития знаковых систем. Приводится очень важный фактический этнографический материал по Архангельской губернии, связанный с функционированием знаков, который позволяет выявить определенные аналогии и у мордовского этноса в более ранний период. П. С. Ефименко указал на различия в изображении знаков у русских крестьян и у коренного финно-угорского населения Архангельской губернии, отметив, что у последних знаки были более сложными и отличались большим разнообразием[2]. В работе приводятся данные, описывающие способы передачи знаков по наследству, что позволяет сопоставить их с возможными способами передачи знаков у цнинской мордвы. Впервые была затронута тема бортных знамен как разновидности знаков собственности. Опубликовано более 100 различных знаков, использующихся в разное время и принадлежащих разным этническим группам[3].

В 1884 году вышла работа В. В. Майнова «Очерки юридического быта мордвы», где небольшой раздел был посвящен знакам собственности. Автор отмечал, что «интерес представляет изучение так называемых тэшкс-сьорма (эрз.) или тэштс-сьорма (мокш.), другими словами, народных мет или знаков, которые ставятся на всех решительно предметах, когда желают обозначить, кому именно

[1] *Ефименко П. С.* Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. 175–176.

[2] Там же. Т. 175. С. 57.

[3] Там же. Т. 176, декабрь. С. 291–294.

они принадлежат»[1]. Он опубликовал некоторые из зафиксированных им в этнографической экспедиции знаков[2]. При освещении вопросов договорных отношений у мордвы В. В. Майнов привел примеры двух договорных бирок, представляющих собой ряд знаков, и соответствующие переводы к ним[3].

Н. Н. Харузин в своем небольшом исследовании 1900 года «Знамена» у мордвы в XVI и XVII веках» опубликовал уже 170 знаков, выбранных им из различных документов Московского архива Министерства юстиции соответствующих периодов[4]. Опубликованные знаки частично представляли собой бортные «знамена», частично – личные знаки-подписи в документах. География опубликованных знаков (Арзамасский, Алатырский, Тамбовский, Нижегородский уезды) и их хронология (с конца XVI до конца XVII века) достаточно широки. Автор впервые поднял вопрос о значении «знамен», предполагая, что они всегда, схематически или условно, воспроизводили какой-нибудь предмет[5]. Также ставится под сомнение объяснение «знамен», даваемых в документах, отмечая, что «остается нерешенным, сама ли мордва называла указанным образом свои клейма или русские, желая объяснить их, давали им свое толкование в зависимости от рисунка...»[6]. На основании анализа выявленных знаков, Н. Н. Харузин отметил схожесть «знамен» в пределах одной деревни или волости и сделал предположение о существовании родственных связей между носителями схожих «знамен». Кроме того, вполне обоснованно делается вывод о том, что «знамена» мордвы в конце XVI – начале XVII века ещё оставались знаками семейными, связанными с родовыми клеймами, а не личными.

---

[1] *Майнов В. Н.* Очерки юридического быта мордвы. Саранск, 2007. С. 223.

[2] Там же. С. 287.

[3] Там же. С. 288.

[4] *Харузин Н. Н.* «Знамена» мордвы в XVI–XVII вв. // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 73.

[5] Там же. С. 65.

[6] Там же.

Большую работу по сбору и систематизации мордовских «знамен» проделал А. А. Гераклитов в 1920-х годах. Изучая писцовые книги начала XVII века по Алатырскому и Шацкому уездам, он извлек изображения более 700 знамен и систематизировал их. За основу систематизации был принят главный рисунок «знамени», рядом с которым указывались фамилия и имя владельца, названия деревни и уезда, а также бортный ухожей, где «знамя» использовалось. Можно сказать, что это был первый научный подход к исследованию мордовских знаков. А. А. Гераклитов, чья научная деятельность практически полностью была посвящена изучению истории мордовского народа, прекрасно понимал значение «знамен» как исторического источника. Однако он не успел закончить свою работу над ними, и при его жизни они не были изданы. Материалы из архива А. А. Гераклитова с изображениями бортных «знамен» были опубликованы только в 2011 году[1], что послужило импульсом для дальнейшего их изучения.

В 2012 году опубликованы статьи саранских исследователей А. С. Лузгина, Е. А. Деникаевой «К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье»[2] и В. И. Рогачева, Е. Н. Вагановой, Е. И. Деникаевой «К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов»[3].

В первой статье авторы указывают на большое значение «знамен» и тамг в изучении этнической культуры и истории мордовского этноса, при этом используя термины «знамя» и «тамга» как синонимы термина «знак»[4]. При анализе собранных А. А. Гераклитовым бортных знаков акцент делается на форме, названии и значении «знамен». Вполне справедливо отмечается, что изображения

---

[1] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011.

[2] Регионология. 2013. № 1. С. 133–139.

[3] Историко-культурное наследие и современная культура: сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы, 2012. С. 76–83.

[4] *Лузгин А. С., Деникаева Е. А.* К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье // Регионология. 2013. № 1. С. 133.

окружностей могли называться и «глаз», и «рубеж», однако не обращено внимание на то, что данное различие связано с писцовыми материалами разных территорий. Также отмечается, что окружности сопровождали все изображения бортных знаков. На основании этого делаются предположения, что изображения «глаза» имели сакральное значение и могли быть связаны со схематическим изображением личины идола «шайтанова рожа»[1], по сути, приводя здесь мнение Ю. Б. Симченко из его монографии «Тамги народов Сибири XVII в.».

Необходимо отметить, что проводить параллели между бортными знаками мордвы начала XVII века и тамгами обских угров середины XVII века в данном случае некорректно. Тамги сибирских народов бесспорно связаны с промыслово-охотничьим хозяйством, несут ещё отпечатки тотемических воззрений, что находит прямое отражение в их изображениях[2]. Сказать то же самое о бортных знаках мордвы нельзя. Ни в изображении, ни в названиях большинства мордовских знаков конца XVI – начала XVII веков (хотя о спорности названий уже говорилось выше) не прослеживается прямая связь с хозяйственной деятельностью. Поэтому говорить об архаичных значениях знаков в этот период времени, к тому же пытаясь найти им какие-либо сакральные объяснения, нет никаких оснований. У Ю. Б. Симченко в его работе действительно есть изображения знаков в виде окружностей, принадлежащих жителям Табаринской волости Пелымского уезда[3]. Автор считал, что это было какое-то особое племя[4]. Однако здесь необходимо обращать внимание не только на изображение знака, но и на имена их владельцев. Так, одним из владельцев знака в виде окружности назван мурза Елка Кудашев[5]. Ни имя, ни фамилия этого человека не свидетельствуют о принадлежности к обским уграм. Кудашевы – распро-

[1] *Лузгин А. С., Деникаева Е. А.* К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье // Регионология. 2013. № 1. С. 135.

[2] *Симченко Ю. Б.* Тамги народов Сибири XVII века. М., 1965.

[3] Там же. С. 47, 50.

[4] Там же. С. 50.

[5] Там же. С. 51.

страненная фамилия в этот период среди мордвы и татар Шацкого и Темниковского уездов. Поэтому появление знаков – окружностей в Сибири в середине XVII века, к тому же выделяющихся на общем фоне привычных для обских угров тамг, является лишь свидетельством миграции определенных семей в Сибирь с территорий исконного проживания мордвы и татар.

Как ещё один аргумент сакрального значения знака в виде окружности в статье приводится факт того, что подобные знаки у других народов, например, у русских, в исследуемый период не встречаются, что свидетельствует об осведомленности соседних народов о значении этого «знамени»[1]. С этим доводом также нельзя согласиться. Знаки-окружности сопровождают большую часть бортных «знамен» русских бортников Кадомского уезда (правильнее сказать, бортников с русскими именами, так как однозначно говорить об их этнической принадлежности нельзя)[2]. Бортные «знамена» в виде окружностей встречаются в начале XVII века в Путивльском и Рыльском уездах[3]. Скорее наоборот, массовое использование изображений окружностей как неотъемлемых атрибутов бортных знаков свидетельствует об отсутствии сакральной или магической нагрузки на знак. Интересным является предположение о том, что «глаз» на бортном «знамени» выполнял обереговую функцию и в отсутствии хозяина «сторожил» собственность[4]. Однако это никак не объясняет постоянно варьирующееся количество «рубежей» или «глазов» в «знамени», общее число которых могло быть от двух до девяти. Несмотря на то, что большинство предположений, сделанных авторами в статье, являются достаточно спорными, внимания

[1] *Лузгин А. С., Деникаева Е. А.* К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье // Регионология. 2013. № 1. С. 137.

[2] *Беляков А. В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 169–174.

[3] *Анпилогов Г. Н.* Бортные знамена как исторический источник // Советская археология. 1964. № 4. С. 158.

[4] *Лузгин А. С., Деникаева Е. А.* К вопросу бытования мордовских «знамен» в Средневековье // Регионология. 2013. № 1. С. 137.

заслуживает тот факт, что тема мордовских знаков после многолетнего перерыва вновь стала предметом научного исследования.

Авторы второй вышеупомянутой статьи сделали попытку исследования функций знаков и сравнений традиций тамгопользования у финно-угорских и тюркских народов. Несмотря на описательный характер статьи, приводятся интересные сравнения мордовских знаков с тамгами крымских татар, ногайцев, казахов и обнаруживаются значительные сходства[1]. Однако в статье не указывается, с какими конкретно мордовскими знаками и какого периода времени проводилось сравнение. Утверждается, что знаковые системы – весьма устойчивые единицы народной культуры, и многие меты употреблялись мордвой в хозяйственном обиходе ещё в середине XX века[2]. Здесь авторы вступают в противоречие со своим же предположением о сильном влиянии тюркского мира на знаковую систему у мордвы[3].

Безусловно, что генезис и развитие мордовских знаков нельзя рассматривать изолированно, без учета влияний знаковых систем пограничных этносов. Авторы, поднимая этот вопрос, совершенно правы в направлении научного поиска. Но проводить сравнение знаковых систем необходимо, учитывая территориальные и временные рамки, условия их возникновения и развития, а также конкретную историческую обстановку, в которой они использовались. Нельзя согласиться и с одним из приводимых в заключение выводов – о совпадении по форме и функциям тамг финно-угорских и тюркских народов[4]. Столь обобщающие выводы предполагают комплексное широкое исследование генезиса и развития тамговых систем всех финно-угорских и тюркских народов с привлечением огромного количества источников и должны основываться на адекватном знании тысячелетней истории этих этносов.

[1] *Рогачев В. И., Ваганова Е. Н., Деникаева Е. И.* К проблеме бытования «знамен» и тамга-знаков у финно-угорских и тюркских народов // Историко-культурное наследие и современная культура: сборник материалов международного научно-практического семинара. Алматы, 2012. С. 80.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 80–81.

[4] Там же. С. 82.

В заключение историографического обзора приведу слова исследовательницы «сарматских» тамг Э. И. Соломоник, которые вполне применимы и к изучению мордовских знаков: «Таким образом, знаки надо изучать не изолированно, а в неразрывной связи с общественно-экономическим строем определенного общества. Нельзя поэтому рассматривать знаки как нечто застывшее и однородное. Они менялись и развивались вместе с развитием общества и служили одновременно для разных целей»[1].

При исследовании происхождении мордовских «знамен» необходимо поставить ряд вопросов. Появились ли эти знаки непосредственно в мордовской этнической среде или были заимствованы? Являлась ли система бортных «знамен» первоначальной знаковой системой, ставшей впоследствии основой для появления и развития знаков семейной и личной собственности у мордвы, либо она была ответвлением уже существовавшей ранее, более древней системы родовых знаков? Конечно же, однозначных ответов на эти вопросы на данном этапе изучения проблемы быть не может. Но продвигаться в их решении необходимо.

Обычай отмечать знаками бортные деревья и межевые деревья бортных ухожьев зафиксирован Русской правдой[2]. На основании этого можно с уверенностью сказать, что в XI веке система бортных знаков существовала у славян, и с определенной долей вероятности предположить существование подобной системы и у мордвы, в силу постоянных контактов со славянским населением и развитым бортничеством. Кроме того, факт, что обычай нашел отражение в законодательстве, говорит об устойчивости его и давнем существовании. Изображения бортных знамен того времени до нас не дошли. Археологические находки не позволяют говорить о какой-либо другой знаковой системе у цнинской мордвы в этот период времени. Но и отрицать наличие родовых знаков у мордвы нельзя. Так, Р. Ф. Воронина

---

[1] *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959. С. 15.

[2] Русская правда по спискам Академическому, Карамзинскому и Троицкому / под ред. Б. Д. Грекова. М.; Л., 1934. С. 19.

на основании анализа планировки и погребального обряда среднецнинских могильников говорит о раннем появлении на территории лесной и лесостепной зон территориальной общины[1].

Со второй половины VIII века – первой половины IX века мордва вступает на завершающий этап разложения родового строя, на котором происходит выделение больших патриархальных семей из родовой общины[2]. Проживание и совместное ведение хозяйственной деятельности на определенной территории небольших разных родственных групп способствовали объединению в общину представителей разных родов. На основе анализа погребений Лядинского могильника IX–XI веков были выделены шесть обрядовых групп и выдвинуто предположение, что эти обрядовые группы являются захоронениями разных родов на протяжении нескольких веков[3]. Совместное использование лесных угодий представителями разных родов внутри территориальной общины неизбежно требовало появления определенных маркеров рода на осваиваемых участках. И именно на этом этапе начинает зарождаться знаковая система. Выдвину предположение, что, по всей вероятности, у мордвы родовые знаки появились не позже IX века и именно как межевые знаки осваиваемых и эксплуатируемых участков леса. Позднее, с развитием социально-экономических отношений, ослаблением родовых связей, возрастанием роли патриархальной семьи, родовые знаки модифицировались, подвергались стилизации, дополнялись новыми элементами, возможно, менялось их функциональное использование. Контакты с кочевым миром степи, включение в XIII веке в состав Улуса Джучи, внутри племен которого была развита и активно использовалась своя система тамгопользования, – все это неизбежно должно было повлиять на мордовскую знаковую систему. И надо понимать, что те знаки, которые предстают перед нами со страниц документов

[1] *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности. М., 2007. С. 55.

[2] *Воронина Р. Ф.* Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // Краткие сообщения института археологии. М., 2005. Вып. 218. С. 101.

[3] *Воронина Р. Ф.* Лядинские древности. М., 2007. С. 62.

XVI–XVII веков, – это уже результат многовекового развития системы, претерпевавшей изменения. Определить время и суть этих изменений, попытаться выявить первоначальные звенья развития системы – на данный момент задача практически невозможная.

Один из наиболее ранних документов, дошедших до нас, в котором упоминаются мордовские «знамена», – это докладной судный список 1509 года по тяжбе Печерского монастыря с великокняжескими бортниками о бортном лесе на р. Пьяне Нижегородского уезда[1]. Судный список включает в себя текст грамот 1508 и 1475–1479 годов. В документе есть следующее упоминание: «Знамя, господине, монастырское – налуч с четырма рубежи, а мое знамя, господине, налуч ж с тремя рубежи» [2]. Само изображение знака отсутствует. Кроме этого, в документе есть ещё один интересный момент, касающийся отмежевания монастырской земли, который нельзя не привести здесь: «...И знахори... тако ркли: Мы, господине, помним лет за полчетвертатцать что те земли Полянская и Колодливская и Фоминская слободка были Юрьевы Алачина. Да как Юрьи постригся в Печерском манастыре, ин те земли подавал в манастырь в Печерьской – тому господине, лет с полчетвертатцать. А от тех мест та мордва... те земли ходила на манастырь. И сняв знахори... знамена манастырьские старые с елищь и з дубья Полянского села и Колодливского и Фоминские слободки, да прикладывали, идучи, знамена к знаменом бортным – ино знамена одны манастырские.»[3] Из этого отрывка явно следует, что несколько монастырских межевых «знамен» были знаками трех мордовских сёл, ранее определявших их территорию хозяйственной деятельности. Этими же знаками помечались бортные деревья на отмежеванной территории. Были ли эти «знамена» общими для всех трех сёл или у каждого села был свой знак, неясно.

---

[1] Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XIV // Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов / под ред. А. К. Кабанова. Н.Новгород, 1913. Вып. 3. Ч. 1. С. 3–7.

[2] Там же. С. 4.

[3] Там же. С. 6.

Знак «налуч с четырьмя рубежами», как видно далее по тексту грамоты, принадлежал ранее селу Полянскому: «И перед судьями Чумос с товарищи тако ркли: Тот, господине, лес усть Кардача речка луг манастырьской же, а тянет, господине, изстарины х тому же лесу к Полянскому, а и знамя, господине, в нем манастырьское же – налуч с четырма рубежи»[1]. Всё это свидетельствует, что в начале XVI века у мордвы сохранялась система общинных знаков. Наличие этих общинных знаков говорит о сохранении в конце XV – начале XVI века прочных родовых связей внутри мордовской территориальной общины, которая, по-видимому, могла объединять в себе несколько сёл и деревень. Из текста грамоты мы видим, что знак «налуч с тремя рубежи» используется конкретным человеком для отметки своих бортных деревьев. То, что этот знак практически идентичен общинному «знамени» (разница в одном «рубеже») одного села, говорит о том, что и использующийся как личный, знак является таким же общинным знаком другой деревни или села. По-видимому, жители определенного поселения в конце XV – начале XVI века использовали на своей отмежеванной территории один общинный знак, который мог различаться между семьями только взаимным расположением элементов знака. Общинные «знамена» сёл и деревень внутри одной большой территориальной общины отличались друг от друга количеством элементов в знаке (например – «три рубежи» и «четыре рубежи»).

Таким образом, можно сказать, что в конце XV – начале XVI века мордовская территориальная община представляла собой совокупность родственных групп людей или семейств, происходивших, по их мнению, от одного общего (реального или мифического) предка и сформировавшихся на основе коллективной хозяйственной деятельности. Необходимость в фиксации уже освоенной коллективной территории вызвала появление знаков, связанных с родовым коллективом и являющихся его маркерами. Дальнейшее выделение из общины и расселение родственных групп привело

[1] Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XIV // Материалы по истории Нижегородского края из столичных архивов / под ред. А. К. Кабанова. Н.Новгород, 1913. Вып. 3. Ч. 1. С. 7.

к необходимости усложнения первоначального знака дополнительными элементами. Миграция такой родственной группы на другую территорию, дальнейшее её разрастание с образованием вокруг себя новой территориальной общины также влияли на изменения в родовом знаке, так или иначе модифицируя его в целях внутриобщинного использования.

Практика использования общинных «знамен» сохранялась как минимум до конца XVI века. Об этом свидетельствует упоминание общинного «знамени» в Мещерских писцовых книгах 1646–1649 годов со ссылкой на документы 1580/81 года: «За Чернеевым же монастыремпо данной и по вкладной 89 году Григорья Степанова, сына Земцова, Томниковского беляка бортника новокрещена, вотчина бортной ухожей в Томниковском ухожее... А в той вотчине знамена бортные: знамя юртовое три рубежи, знамя отца его Степана сабля...»[1].

Само слово «юрт» – тюркского происхождения, означающее жилище. В мокша- и эрзя-мордовских языках слово «юр» – это корень, основание, очаг, а в мордовской мифологии «юртава»– хранительница дома[2]. Всё это позволяет предположить, что понятие юрт могло означать общину, владеющую определенной, отмежеванной от других общин территорией для ведения совместной хозяйственной деятельности. С другой стороны, не стоит забывать, что вначале XVII века юртом называлась и административно-территориальная единица казаков. А Николо-Чернеевский монастырь, о котором говорится в документе, основанный в 1573 году донским казаком, строился и расширял свои владения за счет казачьих вкладов. То, что личным «знаменем» отца, дяди и братьев новокрещена-бортника, сделавшего вклад в монастырь, являлась сабля, также наводит на мысль о принадлежности семьи к казачеству. Мог ли существовать рядом с монастырем казачий юрт, объединявший

[1] Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Тамбов, 1887. Вып. XVI. Приложения. С. 16.

[2] Эрзянско-русский словарь / сост. М. Н. Коляденков, Н. Ф. Цыганов. М., 1949. С. 263.

компактно проживающих казаков – мордву и бортников, сказать сложно. Возможно, здесь был перенос использующегося в казачьей среде понятия территориальной общности на похожие по структуре сегменты внутриэтнического мордовского деления. Но нельзя пока отрицать и обратной связи. Мордва и мещеряки, уходившие в казачество, порывавшие связи со своей общиной, селясь на новом месте, продолжали использовать привычные модели общинной организации и переносить на них привычные названия.

В тесной связи с вопросами происхождения и развития знаковой системы стоит вопрос формы знаков. Самые ранние изображения представлены в документах конца XVI – начала XVII века, о которых упоминалось в начале главы. При работе с Книгой ясачных сборов с мордовских деревень Верхоценской волости 1622 года из 562 «знамен» были выделены 14 типов изображений знаков, представленных на рис. 2.

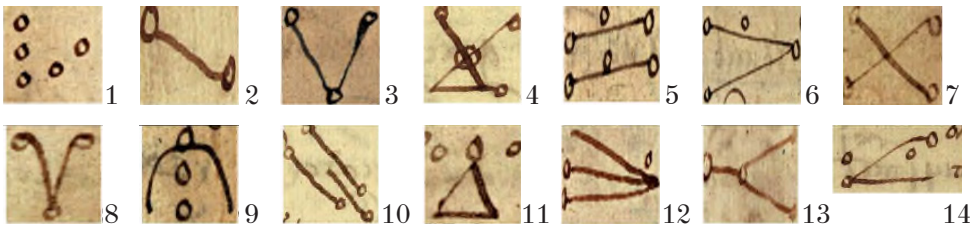


Рис. 2. Типы изображений бортных «знамен», встречающиеся в Книге ясачных сборов мордовских деревень Верхоценской волости 1622 г.

Названия «знамен» и количество изображений определенного типа в документе: *1. «рубежи»* – 457; *2. «пояс с рубежами»* – 22; *3. «рубежи с поясы», «рога с рубежами»* – 15; *4. «орлов хвост с рубежами»* – 13; *5. «рубежи с поясы»* – 12; *6. «вилы с рубежами»* – 12; *7. «воробы с рубежами»* – 12; *8. «рога с рубежами»* – 8; *9. «дуга с рубежами»* – 4; *10. «рубежи с проводы»* – 3; *11. «калита с рубежами»* – 2; *12. «курья лапа и рубежи»* – 2; *13. «вилы с поясы»* – 1; *14. «рубежи с проводы»* – 1[1].

[1] Источник: РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1.

В Столбце Сибирского приказа № 6150 1640 года представлено 681 изображение личных знаков – подписей. Типы изображений здесь более разнообразны – всего определено 24 типовых знака, представленных на рис. 3.

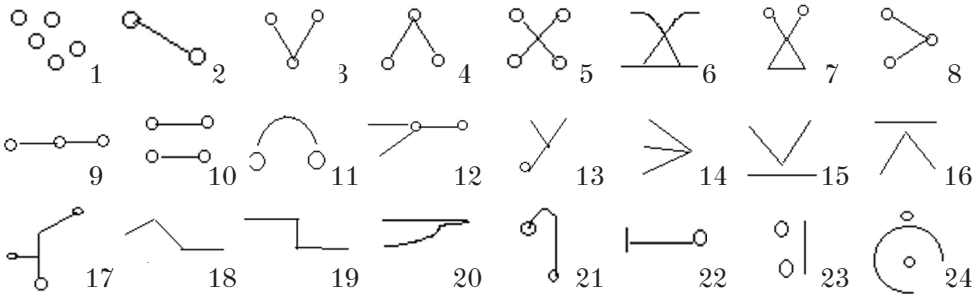


Рис. 3. Типы изображений «знамен», встречающиеся в Столбце Сибирского приказа №61501640 г.

Количество изображений определенного типа в документе: 1-496; 2-52; 3-30; 4-10; 5-13; 6-13; 7-3; 8-10; 9-8; 10-7; 11-8; 12-6; 13-2; 14-3; 15-3; 16-1; 17-3; 18-2; 19-2; 20-1; 21-1; 22-1; 23-1; 24-1

Как видно из двух рисунков, подавляющее большинство – 457 «знамен» (81% от всего количества) в документе 1622 года и 496 «знамен» (около 73%) в документе 1640 года – это различные графические комбинации нескольких окружностей. Число окружностей в знаках колеблется от двух до девяти. Остальные «знамена» представляют собой какой-либо центральный знак, обязательно дополненный небольшими окружностями в количестве от одной до девяти. Однако есть и единичные исключения. Так, «знамя» некоего Учевата Кистина выглядело как крест, представленный на рис. 2 (№ 7), но без добавления окружностей[1]. В документе есть и «знамя» с изображением единственной окружности, и его владелец имел уже русское календарное имя – Михалко Федотов[2].

[1] РГАДА. Ф. 214. Л. 39 об.

[2] Там же. Л. 265 об.

О чем говорят эти примеры? Во-первых, наличие единичного изображения знака без окружностей говорит о том, что первоначально родовой знак мог представлять одну геометрическую фигуру, которая усложнялась в процессе родовой сегментации. Одним из вариантов отражения родового деления в «знамени» стало использование дополняющих окружностей.

Дополняющие «рубежи» – окружности позволяли видоизменять «знамя» при использовании его уже внутри сегментированной родовой группы. В данном случае использование «рубежей» напоминает «отпятнание» у крестьян Архангельской губернии, когда при отделении от отцовской семьи сыновья, сохраняя клеймо отца, добавляли к нему свои «отпятки» – небольшие знаки-черточки [1].

Другой вопрос – почему дополняющие знак «рубежи» представляли собой именно окружности? Ведь, например, у русских крестьян и бортников «рубежами» в «знамени» назывались прямые линии, высеченные на дереве[2]. Возможно, это было связано с существованием в мордовской этнической среде специфической технологии по изготовлению бортей в деревьях и, соответственно, с использованием определенного бортного инвентаря, помимо всего прочего, позволяющего без особого труда нанести на дерево окружности (технологически это должно было быть проще, чем выбивать прямые линии на дереве, иначе использование множества окружностей в «знамени» объяснить сложно).

В связи с тем, что уже с конца XVI – начала XVII века бортные ухожьи становились предметом торговых сделок, массовое использование бортных «знамен» в виде окружностей свидетельствует о постепенном исчезновении связи «знамени» с родовым подразделением. Интенсивное проникновение в мордовскую этническую среду инородческого компонента в первой половине XVII века, приход русской администрации и организация нового административного

[1] *Ефименко П. С.* Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. 175. С. 69.

[2] Там же. С. 57; Акты юридические или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838. С. 213.

деления неизбежно ещё сильнее ослабляли родовые внутриэтнические связи, что, соответственно, отражалось на знаковой системе. В результате использование окружностей в бортном «знамени» переросло в сложившийся устойчивый территориальный внутрикорпоративный обычай, позволяющий лишь быстро и четко идентифицировать свою хозяйственную территорию, но уже слабо связанный с родовой сегментацией.

Во-вторых, пример единичного знака – окружности, так же, как и приводимое выше упоминание общинного юртового «знамени» в виде трех «рубежей»[1], свидетельствует о том, что окружность сама по себе могла быть первичным родовым «знаменем». При сегментации рода этот знак так же, как и остальные, дополнялся «рубежами», что давало большое разнообразие «знамен» в форме окружностей.

В начале XVII века наложение друг на друга этих двух традиций использования «знамен» – новой, отражающей территориальный корпоративный обычай, и старой, ещё связанной с родовым делением, – и стало причиной использования подавляющим большинством бортников в своей деятельности однотипных знаков.

Судя по количеству «знамен» с разнообразными модификациями окружностей, можно предположить, что этот знак являлся одним из наиболее ранних мордовских родовых знаков на территории Поценья. По общепринятому мнению, круг является солярным символом. Однако говорить однозначно о его семантике нельзя. В разные эпохи у разных этносов его трактовка отличалась. Так две или несколько вписанных одна в другую концентрических окружностей являлись неолитическим символом неба или облака[2]. В символике раннеземледельческих культур элемент в виде круга с точкой в центре или без нее или в виде двух концентрических кругов мог означать набухшее зерно[3]. В эпоху бронзы эти знаки были переосмыслены как солярные символы.

---

[1] Известия Тамбовской губернской ученой архивной комиссии. Выпуск XVI. Тамбов. 1887. Приложения. С. 16.

[2] *Голан А.* Миф и символ. М., 1993. С. 27.

[3] Там же.

Таким образом, у древней мордвы появление круга в качестве родового символа, с одной стороны, могло стать результатом формирования этнического религиозного мировоззрения, тесно связанного и вобравшего в себя космогонические представления древнетюркского культа Вечного Неба – Тенгри. С другой стороны, возможно и происхождение, связанное с сармато-аланским влиянием.

Связи с югом и степью древнемордовских племен возникли уже в первые века нашей эры. Сарматское оружие и элементы погребального обряда прослеживаются уже в древнемордовском Кошибеевском могильнике[1]. Со второй половины VIII – первой половины IX века по археологическим находкам среднецнинских могильников прослеживается аланское влияние[2]. Культ Солнца и огня был одним из основных у алан и их предшественников – сарматов. И вместе с влиянием на предметы материальной культуры, возможным было влияние и на систему верований, обычаев и обрядов, сопровождающееся трансляцией солярных символов. Кроме того, и у сарматов, и у алан была развита и широко использовалась система тамгообразных знаков[3]. Говорить в данном случае о простом заимствовании знаков нельзя. Ведь несанкционированное копирование сарматских тамг, исходя из обычаев кочевников евразийской Степи, неизбежно привело бы к войне или серьезному конфликту[4]. По мнению С. А. Яценко, распространению знаков реально могли способствовать союзнические отношения с иноэтничными соседями[5]. Таким образом, сармато-аланское происхождение мордовских родовых знаков в виде окружностей также представляется вполне реальным.

[1] *Воронина Р. Ф.* Южные и степные влияния в культуре среднецнинской мордвы VIII–XI вв. // Краткие сообщения института археологии. М., 2005. Вып. 218. С. 99.

[2] Там же. С. 103–104.

[3] *Яценко С. А.* Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М., 2001; *Соломоник Э. И.* Сарматские знаки Северного Причерноморья. Киев, 1959.

[4] *Яценко С. А.* Знаки – тамги ираноязычных народов древности и раннего Средневековья. М., 2001. С. 22.

[5] Там же.

На втором месте после знаков окружностей по количеству использований находится знак в виде одной черты (рис. 2:2; рис. 3:2). Производными от этого знака являются изображения 5 и 10 рис. 2 и изображения 9 и 10 рис. 3 в виде двух и трех черт. В общей сложности процент использования подобных знаков в документе 1622 года – около 7%, в документе 1640 года – около 10%. Ближайшими аналогиями этих знаков являются тамги кипчакских кланов. Безусловно, нельзя отбрасывать элемент случайности при совпадении изображений простейших линейных геометрических фигур у разных этнических групп. Но и игнорировать подобные совпадения при условии общей границы расселения и существовании длительных контактов было бы неверно.

Кипчаки (половцы в русских летописях) – кочевой тюркоязычный народ, входивший в IX – начале XI века в Кимакский каганат (юго-западная Сибирь). С середины XI века половцы заняли восточно-европейские степи, поглотив незначительное по численности, но устойчивое культурное население, входившее ранее в Хазарский каганат, и в большей степени остатки печенежских и гузских орд[1]. Находки каменных половецких изваяний в Доно-Хопёрском междуречье и в бассейне Хопра свидетельствуют о том, что половцы хорошо освоили этот район.

На территории Тамбовской области половцы оставили следы пребывания в виде изваяний из мягких пород камня (песчаник, известняк), а также из гранита. Статуи найдены в Мордовском, Ржаксинском и Мичуринском районах, относятся к самому раннему типу изваяний, имеющему аналог и в кимакских статуях X–XI веков[2]. По мнению С. А. Плетневой, сооружение статуй свидетельствует о переходе кочевников в этот период времени от стадии нашествия ко второй стадии кочевания, для которой характерно упорядочение кочеваний по определенным маршрутам с постоянными местами зимовищ и летовок[3].

[1] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 2010. С. 45.

[2] *Андреев С. И.* Половецкие изваяния Тамбовщины // Археологические памятники Восточной Европы. Воронеж, 2010. Вып. 9. С. 183–187.

[3] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 2010. С. 48.

Косвенным подтверждением существования постоянных кочевий в этом регионе являются гидронимы. Известно, что названия некоторых рек Поволжья соотносятся с этническими названиями племен Дешт-и-Кипчака, обозначая тем самым места кочевок отдельных огузских и кипчакских племен. За каждым родоплеменным объединением закреплялась определенная территория кочевий[1], которая вытягивалась, как правило, вдоль русла рек. При этом этническое название могло переходить в название речек, по которым шло кочевье. Таким образом, названия рек могут пролить свет на родоплеменной состав кочевников определенной территории. В Тамбовской области возможными гидронимами, связанными с кипчакским расселением, являются Керша и Карай.

Река Керша – правый приток Цны, течение которого с верховьев и до середины идет по границе леса и степи, деля местность на лесную и открытую. Практически параллельно месту, где течение полностью переходит в лесную зону, менее чем в 100 километрах к востоку, также в зоне степи находится устье небольшой речки Карша, правого притока Вороны. Сделаю предположение, что оба эти названия являются маркерами территории кочевья и связаны с кипчакским племенем каршин. Об этнической истории этого племени практически ничего не известно, и название сохранилось как этноним родоплеменной группы нижнебельских башкир, подвергшихся сильной кипчакизации в XIII веке[2]. Вероятно, появилось и развивалось оно в рамках кипчакской общности на пространствах Дешт-и-Кипчак. Тамгой этого племени являются две параллельные, вертикально расположенные черты и как вариации – одна и более черт , , , , [3]. Также зафиксированы тамга , тамга и её вариации , , тамга с вариациями , , , тамга и производные , [4].

---

[1] *Федоров-Давыдов Г. А.* Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 13.

[2] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 363.

[3] Там же. С. 371, 373.

[4] Там же. С. 371, 374.

Две реки Карай – притоки Вороны и Хопра, истоки которых находятся недалеко друг от друга, могли получить свои названия от племенного объединения огузо-кипчаков – карай, кочевавших в районе этих рек. В составе кипчакских башкирских родов сохранилась родовая группа карый-кипчак. Р. Г. Кузеев связывает происхождение этой группы с племенем Дешт-и-Кипчака Токсоба[1]. С. А. Плетнева предполагает нахождение кочевьев орды Токсобичей в междуречье Дона и Северского Донца[2]. Учитывая, что одним из значений тюркского слова kara является «северный»[3], вероятно, карый-кипчаки были самой северной откочевавшей родоплеменной группой орды Токсоба. Тамга карый-кипчаков – две параллельные, вертикально расположенные черты ||[4].

О возможном нахождении на пограничной с цнинской мордвой территории ещё одной кипчакской группы свидетельствуют летописи. Так, под 1146 годом в летописи по Ипатьевскому списку есть запись о бегстве рязанского князя Ростислава Ярославича от сыновей Юрия Долгорукого: «Ростислав же выбежа из Рязаня в Половце к Ельтукови»[5]. Логично предположить, что половцы Ельтукови кочевали вблизи границ Рязанского княжества. Это могла быть, с одной стороны, и территория Воронежско-Цнинского междуречья, и, с другой стороны, степное пространство между Цной и Вороной. Название Ельтукови – это видоизмененное Елтукоба, где древнетюркское «оба» означает жилище, становище[6], племя[7]. Елтук, или елту, в названии могло быть именем собственным (дом, племя Елтука). В то же время это могло быть и измененное тюркское числительное «алты» – шесть (шесть домов, племен), что было достаточно распространено среди кипчакских племенных объединений (например,

[1] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 178.

[2] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 2010. С. 109.

[3] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 177.

[4] Там же. С. 192.

[5] Летопись по Ипатскому списку. СПб., 1871. С. 240.

[6] *Плетнева С. А.* Половцы. М., 2010. С. 53.

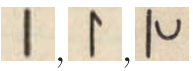
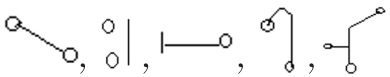
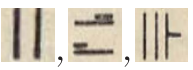
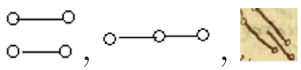
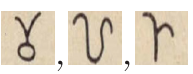
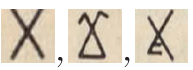
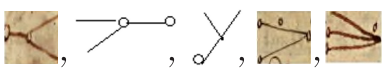
[7] *Махмуд ал-Кашгари.* Диван Лугат ат-Турк. Алматы, 2005. С. 118.

Токсоба – девять домов, Тертоба – четыре дома, Колоба – пять домов и др.). С большой долей вероятности можно предположить связь этой племенной группы с кипчакизированным племенем нижнебельских башкир Ельдяк. Тамги этого племени, помимо аналогичной каршин и карый-кипчак в виде двух прямых, косой крест с вариациями , , , , тамга и ее варианты , , [1].

Сравнение кипчакских тамг, сохранившихся в башкирских племенах, со «знаменами» цнинской мордвы приведено в таблице 3.1.

Таблица 3.1

Сравнительные изображения тамг башкирских племен и «знамен» цнинской мордвы

Кипчакские тамги башкирских племен[2]	«Знамена» цнинской мордвы[3]
	
	
	
	
	

[1] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 370–374.

[2] Источник: *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974.

[3] Источник: РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1; Ф. 214. Оп. 3. Ед. хр. 106.

Как видно из таблицы 3.1, большинство знаков не просто похожи, а тождественны друг другу. Помимо знаков – черт, таким образом, кипчакское происхождение вероятно ещё для нескольких типов мордовских знаков, в том числе для знака «орлов хвост». Общий процент знаков с вероятным кипчакским происхождением в документе 1622 года составляет 19%, в документе 1640 года – 25%. Это свидетельствует не только о тесных контактах кипчакского и мордовского этносов в лесостепной зоне Поценья. Видимо, на третьей стадии кочевания, при переходе к оседлости, часть кипчакского населения вливалась в мордовскую среду. Привнося с собой свои обычаи, язык, культуру, они постепенно растворялись в массе автохтонного населения, в то же время формируя его новый этнический облик.

Во всём массиве встречающихся в начале XVII века в Поценье мордовских «знамен» есть знаки, привнесенные из других регионов и, по всей вероятности, связанные с эрзянским субэтносом. Так, знак, представленный на рисунке 2:14 и на рисунке 3:20, встречается всего лишь один раз и в документе 1622 года, где он назван «рубежи с проводы», и в документе 1640 года. В других районах это «знамя» называлось «налуч». Название знака вполне соответствовало изображению и, действительно, напоминает футляр для лука. Оно впервые было упомянуто в цитируемом выше деле 1508 года[1] и, по всей вероятности, в XV веке уже имело хождение в отдельных районах Нижегородского края. В начале XVII века «знамя» массово использовалось в Алатырском уезде[2]. Таким образом, место появления и распространения этого знака – территория проживания эрзянского субэтноса. Единичные упоминания этого «знамени» в писцовых материалах Верхоценской волости являются свидетельством миграций владельцев знака с Поволжского региона в Поценье. Вопрос происхождения «знамени» уже связан с этнической историей эрзи и выходит за рамки настоящей работы. В связи с этим хотелось бы отметить, что сравнительный анализ мордовских «знамен» разных регионов, возможно, прояснил бы некоторые

[1] Действия Нижегородской ученой архивной комиссии. Т. XIV. С. 3–7.

[2] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 2. С. 125.

вопросы этногенеза двух мордовских субэтносов, позволил бы выделить этапы их формирования.

Переходя к рассмотрению функций знаков, необходимо отметить, что со второй половины XVI века единая до этого система родовых знаков начинает постепенно дробиться. В ней выделяются своеобразные подсистемы в виде системы бортных знаков (прямой «наследницы» первоначального знакового комплекса), системы личных «знамен»-подписей (появившейся в результате развития системы бортных «знамен» в конце XVI века) и системы личных знаков – меток (появились не ранее конца XVII – начала XVIII века), которые ставились на предметах домашнего обихода. Могильные знаки на крестах, которые фиксировались этнографами вплоть до середины XX века, по всей видимости, были завершающим этапом развития в этой цепочке.

Таким образом, для начала XVII века характерно функционирование уже двух знаковых подсистем: бортных знаков и личных знаков-подписей. Остановимся на рассмотрении функций бортного «знамени».

В. С. Ольховский отмечал «...что бортные знамена, керамические и «кирпичные» клейма можно рассматривать как особые знаковые системы, во многом схожие с тамговыми системами по форме, содержанию и структуре»[1]. Но если изначально родовое «знамя» было знаком принадлежности, то есть основная функция была сигнально-опознавательной, то к началу XVII века функциональная нагрузка на бортное «знамя» увеличилась.

В рассматриваемый период основной функцией бортного «знамени» было определение территории хозяйственной деятельности. «Знамя» было знаком оброчного владения (а не собственности) определенного бортника или группы бортников в определенном бортном ухожее (освоенном участке леса), с которого выплачивался денежный или натуральный оброк феодалу. Участок леса, находящийся в оброчном владении, в источниках называется «путь»: «...и вес путь,

[1] *Ольховский В. С.* Тамга (к функции знака) // Историко-археологический альманах. Армавир, 2001. Вып. 7. С. 80.

что хаживал Илья да Нушта Ватапины, а Беляйку и ево детем и внучатам туды ж ходить...»[1], «Да он же, Киченапко Миткин, с племянником своим, с Кирдяком Неверовым, ходят бортные ухожи Корельской, и Вышенской, и Арзазовской, Азарапинской путь»[2].

Объяснение тому, как прокладывался «путь», мы находим у П. С. Ефименко в его работе «Юридические знаки». И хотя П. С. Ефименко приводит обычай, зафиксированный в конце XIX века у крестьян Пинежского уезда Архангельской губернии, на мой взгляд, он совершенно точно повторяет аналогичную традицию цнинской мордвы в начале XVII века: «В тех местах, где крестьяне постоянно занимаются охотой за лесной дичью... почти каждый поселянин имеет для этого свое угодье или путик, который или переходит из рода в род, по наследству, или приобретается покупкой, или прокладывается самим хозяином. Вот как прокладываются эти путики или тропы. Крестьянин пробирается через нетронутые леса на протяжении нескольких десятков верст, срубает ветви с одной стороны дерев, делает на известном расстоянии тес или затес, то есть стесывает на стволе небольшую полосу, и через несколько затесей вырубает на дереве своё клеймо. ...В последнем случае клеймо служит не только знаком собственности, но и указателем границы или межи»[3]. Таким же образом проходили сквозь лес и бортники, отмечая свой «путь», то есть границы хозяйственной деятельности, «знаменами». На освоенном участке выбирались деревья для устройства бортей, которые также «знаменовались». «Путь» бортника становился источником потенциального дохода, с которого необходимо было уплачивать оброк. И «знамя» освоенного участка вносилось в оброчные книги с указанием количества выплачиваемого оброка. В зависимости от размеров и освоенности бортного ухожея, бортник мог прокладывать не один «путь» и, соответственно, владеть не одним знаменем на промысловом участке.

---

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед. хр. 1. Л. 9.

[2] Там же. Л. 30.

[3] *Ефименко П. С.* Юридические знаки // Журнал Министерства народного просвещения. М., 1874. Т. 175. С. 61.

В таблице 1 приложения приводятся изображения «знамен» мордвы – бортников двух рядом расположенных деревень Верхоценской волости – Мутасева и Алакужи. Все данные, зафиксированные в таблице, взяты из Книги ясачных сборов 1622 года[1].

Из таблицы видно, что бортники представленных деревень в большинстве своем ходили в одни и те же бортные ухожеи. Это Алакужский, Мутасевский, по малым рекам Сарыме и Пяшкичке, Орзасов липяг. Кроме этого, бортники деревни Мутасева все ходили в Палмакужской и Варалыевской ухожеи, а бортники деревни Алакужи – в бортный ухожей по реке Керемесь. В основном, все ухожеи располагались в лесных массивах по рекам. Максимальное расстояние, которое приходилось преодолевать бортникам до ухожея – 50–60 километров (Орзасов липяг). Большая же часть ухожьев располагалась в непосредственной близости от деревень на расстоянии 10–15 километров. Из таблицы также видно, что каждый бортник использовал (за небольшими исключениями) только одно изображение бортного «знамени» во всех освоенных им ухожеях. По всей видимости, это показатель того, что в этих участках леса у бортника был один проложенный «путь» и одного «знамени» было достаточно для идентификации освоенной территории.

У бортников Невера Полатова и Позняка Мялина (п. 1, 3, гр. 3, таблица 1 приложения) в Палмакужском и Варалыевском ухожеях, помимо основного «знамени», используемого в общих для бортников деревни ухожеях, появляется второе «знамя», графически немного отличающееся от первого. Причина его появления – освоение ими новых «путей» в двух ухожеях и, соответственно, увеличение налоговой нагрузки на каждого. В источнике это зафиксировано так: «Да он же Неверко Полатов с братею с Ромашком да с Пиняском, да Познячко Мялин прибавили на себя... на Палмокужской и Варалыевской ухожей, на свою бортнаю деле и на знамена, внов медвенаго оброку полпуда меду Новаселскова белека. ...А знамена им на том новаприбылом оброке ходят. Знамя Неверково с братею рога с петю рубежи. Другое знамя Познячково рога ж с петю рубежи с отбои и с прибои»[2].

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 2–12.

[2] Там же. Л. 3 об.–4.

Итак, на каждый новый освоенный «путь» бортник накладывал новое «знамя», которое заносилось писцами в оброчные книги как свидетельство увеличения выплачиваемого с ухожея оброка. И здесь перед нами ещё одна функция «знамени», связанная с выплатой налогов. Каждое «знамя» было эквивалентом определенного количества уплачиваемого ежегодно оброчного меда. Увеличение выплат сопровождалось появлением нового знака, связанного с конкретным количеством оброка.

Помимо личного освоения участков леса, бортники нередко приобретали уже освоенные территории, что сопровождалось переходом «знамен» прежнего владельца к новому (п. 2., гр. 3, таблица 1 приложения). Судя по всему, к 20-м годам XVII века некоторые освоенные «пути» в лесах Поценья уже несколько раз меняли своих владельцев в силу разных причин – смерть владельца, не оставившего наследников, продажа и перепродажа. Однако «знамена» бортника-первозаимщика, когда-то пометившего ими свой «путь», переходили к новым владельцам в неизменном виде. Об этом свидетельствует следующее упоминание: «А продал от Худечко тот ухожей и знамена Беляйку и ево детем впрок без выкупу со всяким вотчинным угодьем... А по скаске исца мордвина Худячка Серкина все те ухожи и знамена... которые ухожи и знамена у Беляйка в купчей написаны, написат в Государнины вотчинные книги за ним, за Беляйком и за ево детми»[1].

На примере этой сделки между бортниками одной деревни Худяком Серкиным и Беляем Лемясевым мы видим, что у последнего появляется девять новых «знамен» в Палмокужском и Варалыевском ухожеях, два «знамени» в Мутасевском и Орзасовском ухожеях и два таких же «знамени» в Ценском ухожее. Причем девять «знамен» Палмокужского и Варалыевского ухожьев названы в источнике «путь Ильи да Нушты Ватапиных»[2]. Таким образом, продавец Худяк Серкин не являлся первозаимщиком этих «знамен», а приобрел их либо в силу родственных связей с первоначальным владельцем, либо так же, покупкой.

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 9, 11.

[2] Там же. Л. 9 об.

Обращает на себя внимание и количество «знамен» в ухожеях – девять, тогда как уже говорилось выше, большинство бортников владели одним, максимум двумя «знаменами» в ухожее. Здесь «знамя» выступает как яркий маркер интенсивности хозяйственной деятельности. Количество «знамен» в ухожее показывало, насколько он освоен. Конечно же, здесь нельзя не учитывать и разные размеры самих ухожьев. Вполне возможно, что небольшие ухожеи, эксплуатирующиеся девятью-десятью бортниками одной деревни, не позволяли иметь каждому из них более двух-трех «путей» ввиду снижения количества получаемого меда. Это заставляло искать новые неосвоенные участки леса либо приобретать их покупкой. Однако в случае с Палмокужским и Варалыевским ухожеями говорить о предельной освоенности их мутасьевской мордвой-бортниками нельзя. Как уже говорилось выше, два бортника только осваивали в них новые территории и увеличивали за счет этого свой налог, а один бортник приобрел для дальнейшей эксплуатации значительные, судя по количеству «знамен», по размеру участки леса, когда-то освоенные первозаимщиком.

Кроме того, название одного из ухожьев – Палмакужский отсылает к названию Палмакужа, где топоформант кужо (поляна, голое место[1]), по всей вероятности, используется как определение населенного пункта (ср. Алкужи). Таким образом, можно предположить, что Палмакужи – это опустевшее мордовское селение (название не упоминается в перечне селений Верхоценской волости), находящееся в прошлом недалеко от Мутасево и Алакужи, бортные ухожеи которого в рассматриваемый период осваивались мутасевскими бортниками. Тот факт, что сохранилось имя бывшего владельца нескольких «знамен» в Палмакужском ухожее, говорит о том, что какая-то небольшая часть жителей запустевшего селения, сохранившая память о прежних владельцах, перешла в Мутасево, и вместе с ними перешло и право пользоваться Палмокужским и Варалыевским ухожеями всем мутасевским бортникам.

[1] *Вершинин В. И.* Этимологический словарь мордовских языков. Йошкар-Ола, 2005. Т. II. С. 177.

Здесь перед нами ясно вырисовывается картина относительно не так давно начавшегося освоения региона после событий, приведших к его запустению и исчезновению (смерть, уход в другие регионы) какой-то части коренного населения. Мы видим, что раньше, при, вероятно, большей плотности заселения региона, бортники могли иметь по девять «знамен» в ухожее, причем часть из них, скорее всего, переходила им по наследству от дедов и отцов. В рассматриваемый же период у большинства бортников только начинают появляться вторые «знамена», которые они накладывали на самостоятельно освоенные территории ухожьев.

О предшествующем запустении в регионе говорит факт наличия «заморных» ухожьев: «Да заморной бортнай Валгитовской ухожей отдан мутасевской мордве изо оброку на пуд меду... »[1]. Слово «заморный» здесь могло быть употреблено не только как синоним «выморочного», т.е. оставшегося без владельцев, ухожея, но и как возможное указание на то, что бывшие владельцы умерли от морового поветрия[2].

Что могло послужить причиной запустения региона в конце XVI – начале XVII века? Этот вопрос, конечно же, требует отдельного досконального исследования. Здесь комплекс причин, в котором и резкое похолодание, и последующий голод 1601–1603 годов[3], эпидемии 1603–1604 годов[4], события Смутного времени. Подобная ситуация в этот же период прослеживается и по Кадомскому уезду, где в отношении выморочных вотчин и бортных ухожьев писцами указывается: «А та де мордва после писцов вымерла, а иные побиты в Смутное время. А вотчины их, бортные ухожеи, лежат впусте. А тем мертвой мордве имена... вымерли совсем, а иные побиты в Смутное время, и жены их и дети вымерли, после их роду не сталось»[5].

[1] РГАДА. Ф. 1166. Оп. 1. Ед.хр. 1. Л. 12 об.

[2] Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1978. Вып. 5. С. 243.

[3] *Корецкий В. И.* Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975. С. 120–127.

[4] *Буссов К.* Московская хроника. 1584–1613. М; Л., 1961. С. 98.

[5] *Беляков А. В.* Писцовая книга мордовских сел Кадомского уезда 138-го (1629/30) года // Средневековые тюрко-татарские государства. Казань, 2013. Вып. 5. С. 181.

В 20-х годах XVII века начинается возрождение региона. Возвращалось население, появлялись переселенцы. Запустевшие и вымороченные ухожеи начинали осваиваться заново. У переселенцев на начальном этапе был только один способ для получения владения участком бортного леса – это личное освоение. Для возвратившегося или оставшегося местного населения, помимо лично освоения новых участков, возможно было и использование старых владений умерших родственников и, соответственно, использование их «знамен». И здесь мы можем наблюдать ещё одну интересную особенность.

Так, бортники Невер Полатов с братею Ромашком и Пиняском (п. 1, гр. 3, таблица 1 приложения), помимо общих со всеми остальными мутасевскими бортниками семи ухожьев, ходили в четыре ухожья, не упоминаемых в отношении других. Это ухожьи по рекам Керемсе, Кошмате, в Раздельном Улеше и в Пришлине. В отличие от всех остальных ухожьев деревни Мутасева, оброк с которых относился к Новосельскому беляку, с четырех отмеченных ухожьев выплачиваемый оброк записывался за Новосельским беляком Валгитова (понятие «беляк» здесь употребляется в значении податного округа).

Также в отличие от остальных семи ухожьев, где Невер Полатов использовал один V–образный рисунок бортного «знамени», в трех ухожьях использовались «знамена» в виде различного числа окружностей, на реке Кашмате использовалось «знамя» в виде дуги с окружностями. Причем в двух ухожьях – на Пришлине и на Керемсе использовались сразу три «знамени» в виде окружностей. Эта особенность использования «знамен», отраженная писцами в оброчных книгах, является следствием нового освоения заброшенных «путей» в ухожьях.

Мы видим, что в указанных четырех ухожеях бортник Невер Полатов не накладывал «знамя», используемое им в общих со всеми мутасевскими бортниками ухожьях. Он использовал уже освоенные когда-то территории леса и сохранял и записывал за собой старые «знамена». Не исключено, что он сохранил за собой семейные «пути» в этих ухожеях, переселившись в Мутасево из запустевшего близлежащего населенного пункта. Об этом косвенно может свидетель-

ствовать связь четырех ухожьев с Валгитовским беляком и упоминание Валгитовского заморного ухожья. На наследственное владение ухожьями может указывать и упоминание в отношении двух «знамен», что они использовались «вопче», то есть совместно, сообща. Это могли быть участки леса, ранее принадлежавшие их семье и оказавшиеся в общем владении братьев. С другой стороны, использование общего «знамени» в ухожье может говорить о сложности, труднопроходимости «пути», отмеченного этим «знаменем».

На основании дальнейшего анализа «знамен» бортников деревни Мутасева можно увидеть, что восемь из десяти бортников в качестве «знамени», налагаемого на лично освоенный участок леса, использовали однотипный V-образный знак во всех семи ухожьях, общих для бортников деревни. Этот знак назывался писцами «рубежи с поясы» или «рога с рубежами». Отличался он у каждого из бортников, его использующих, только количеством и взаимным расположением небольших окружностей, дополняющих знак. «Знамена» двух других бортников деревни – Богдана Пурясева и Худяка Серкина представляли собой исключительно сочетание окружностей. Приобретенные старые «знамена» прежних владельцев также представляют собой различные сочетания окружностей, за исключением трех знамен из «пути Ильи да Нушты Ватапина», где окружности соединены прямыми линиями.

Схожесть изображений «знамен» у лиц, принадлежащих к одной деревне, как характерная особенность была отмечена ещё Н. Н. Харузиным[1]. Эта же особенность, хотя и с исключениями, прослеживается и в изображениях «знамен» начала XVII века, зафиксированных А. А. Гераклитовым[2]. На примере «знамен» мордвы-бортников деревни Мутасева можно сказать, что бортные знаки в начале XVII века ещё сохраняли, хотя и в размытом виде, функцию определения принадлежности к патриархальной семье. Своеобразное ядро деревни составляла небольшая семейная группа переселенцев – носителей

[1] *Харузин Н. Н.* «Знамена» мордвы в XVI–XVII вв. // Юбилейный сборник в честь В. Ф. Миллера. М., 1900. С. 66–67.

[2] *Гераклитов А. А.* Избранное: в 2 ч. Саранск, 2011. Ч. 2. С. 43.

V-образного «знамени». Этим знаком, с небольшими изменениями для каждого из представителей группы, отмечались осваиваемые лесные участки. Вокруг этого ядра собирались семьи из запустевших, рядом расположенных селений и, возможно, оставшиеся представители семей, живших когда-то на этом же месте, носившем другое название.

По мере постепенного освоения близлежащих территорий определялись участки леса, становившиеся постоянным местом хозяйственной деятельности жителей деревни. Коренное население использовало свои старые «знамена» в тех ухожьях, которые эксплуатировались их семьями ранее. Если же в общих для селения ухожьях они не имели наследственных «знамен», то на вновь освоенные «пути» накладывалось видоизмененное в целях индивидуализации «знамя» основного ядра селения, которое становилось (хотя и с большими ограничениями) своеобразной меткой территории. Если же в селении оставались сторожилы – коренное население, то приходившие переселенцы принимались как «пущенники» (п. 9, таблица 1 приложения), то есть допускались в семью и, соответственно, в хозяйственной деятельности уже использовали «знамена» принявшего их семейства.

Здесь мы видим попытку использовать сложившиеся традиции функционирования «знамен» и традиции формирования территориальной общины, которые в новых социально-экономических условиях уже не работали как прежде. Общинное «знамя» уже не было одинаковым для всех представителей группы, а начинало видоизменяться под каждого. В меняющихся условиях владение семейными «знаменами» одновременно сосуществовало с владением «знамени» квази – семейно-территориальной общины. Покупка нескольких участков леса прибавляла их владельцу ещё n-ное количество «знамен», которые становились уже личными и никак не были связаны с его родом или семьей. Передача по наследству приобретенных ухожьев предусматривала и передачу «знамен», однако при большом количестве наследников эти «знамена» также видоизменялись. Таким образом, «знамя» постепенно теряло функцию родового маркера, становясь исключительно личным.

Дополнительную информацию для анализа даёт сравнение бортных «знамен» и «знамен»-подписей одних и тех же бортников с временной разницей в восемнадцать лет. В таблице 3.2 приводятся данные по бортникам, имена которых фигурируют как в Книге ясачных сборов 1622 года, так и в сыскном деле 1640 года. Сложность представляет идентификация конкретного бортника в документе 1640 года, так как там отсутствует прямая связь упоминаемых населенных пунктов с подписями «поручиков» и лишь говорится о «бортниках и мордве пяти «нижних» и пяти «верхних» деревень Верхоценской волости»[1].

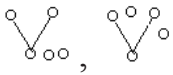
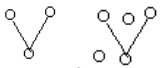
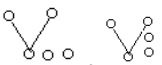
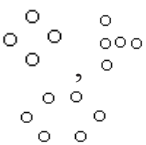
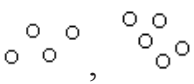
В данном случае за основу брался контекст документа 1622 года. В нем для сравнения выявлялись не единичные схожие имена и фамилии, что могло привести к ошибке, а группы имен и фамилий бортников конкретной деревни, предполагая, что их подписи в документе 1640 года должны стоять рядом. Совпадения таких групп были найдены для деревень Мутасева, Морша и Корели. Хотя по деревням Мутасева и Морша приведены примеры только в отношении двух бортников, их имена в сыскном деле 1640 года были найдены в группе их содеревщиков, «знамена» которых не приводятся в таблице ввиду того, что они отсутствуют в документе 1622 года (в Книге ясачных сборов они упомянуты как плательщики водяного оброка). Нельзя исключать и то, что к 1640 году найденные группы содеревщиков могли проживать теми же группами и в других населенных пунктах. Кроме того, сделана попытка выявить в документе 1640 года имена детей бортников, фигурирующих в документе 1622 года, что было бы важно для выяснения возможного изменения «знамени» при его наследовании.

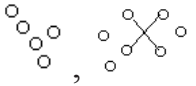
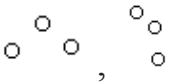
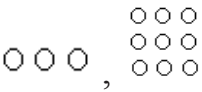
Несмотря на то, что бортник мог владеть несколькими бортными «знаменами», подписывался он только одним «знаменем». Исключение мы видим в отношении Позняка Мялина (п. 1, таблица 3.2), который на разных листах документа приложил свои разные «знамена». В трех из одиннадцати примерах (п. 4, 9, 10, таблица 3.2) можно увидеть полное совпадение рисунка одного из бортных «знамен»

[1] РГАДА. Ф. 214. Оп. 3. Ед.хр. 106. С. 249 об.

и «знамени»-подписи. Ещё в четырех случаях (п. 1, 3, 11, 7, таблицы 3.2) в «знамени»-подписи сохраняется основной знак бортного «знамени», но есть отличия в количестве и расположении дополняющих знак окружностей. Полное несовпадение бортного «знамени» и «знамени»-подписи установлено в отношении трех бортников (п. 2, 5, 6, таблица 3.2).

Таблица 3.2

№	Фамилия имя бортника	«Знамя» в Книге ясачных сборов 1622 г.	«Знамя» в сыскном деле 1638 г.
	Деревня Мутасева		
1	Позняк Мялин		
2	Невер Полатов с братьями Романом и Пиняском		– «знамя» Романа Полатова – «знамя» Кистана Неверова (возможно, сын Невера Полатова)
	Деревня Корели		
3	Кирдяш Неверов		
4	Шиндоновка Беляев		
5	Позняк Мокшанов		

6	Ерка Беляев		
7	Кудашко Худяков		
8	Велмиска Сыряпин		– «знамя» Ивана Велмисева (возможно, сын Велмиса Сыряпина)
9	Болой Куштин		
Деревня Морша			
10	Позняк Кечатов		 – «знамя» Митки Познякова (возможно, сын Позняка Кечатова)
11	Невер Полатов		

Конечно, на таком небольшом количестве примеров выявить какие-либо устойчивые закономерности и сделать обоснованные выводы невозможно. Однако некоторые тенденции всё-таки прослеживаются. Так, идентичность рисунков бортного знамени и подписи могла наблюдаться только в случае сохранения в течение восемнадцати лет права владения на определенный участок леса. Учитывая, что каждое «знамя» несло налоговую нагрузку, невозможно представить, что бортник подписывался знаком, с которого он уже не платил оброк.

Таким образом, можно выделить три группы населения. Первая группа старалась сохранять свои старые участки в ухожьях и, соответственно, старые «знамена». Возможно, «знамя» для этой группы ещё оставалось элементом этнической и родовой идентификации. Это были представители старшего поколения, не склонные менять место жительства или место хозяйственной деятельности под действием разного рода обстоятельств. Другая группа активно самостоятельно осваивала новые участки, увеличивая тем самым свой доход, оставаясь при этом проживать в одном месте (селении). «Знамя» для них было и территориальным знаком, и личным. Большую часть этой группы составляли, по-видимому, переселенцы конца 10-х – начала 20-х годов XVII века. Третья группа уже воспринимала «знамя» только как личный идентификатор. Здесь уже произошел разрыв с родовой и семейной традицией (возможно, в силу самостоятельного, вне группы, ухода на другую территорию либо вследствие разрушения родовой общности под воздействием внешних факторов). Покупкой приобретались освоенные участки, и «знамена» этих участков могли использоваться уже как личная подпись. Предпочтение, вероятней всего, отдавалось «знамени», имевшему наибольшую налоговую нагрузку. Таким образом, сопоставление знаков из разных подсистем позволяет увидеть достаточно неоднородный состав населения, формировавшийся в первой половине XVII века в Поценье.

При сопоставлении «знамен» бортников и их возможных сыновей выявлено следующее. В отношении «знамен» Невера Полатова и Кистана Неверова (п. 2, таблица 3.2) мы видим сохранение основного знака отцовского «знамени», но количество (увеличение на одну) и взаимное расположение окружностей меняется. В случае Велмиска Сыряпина и Ивана Велмисева (п. 8, таблица 3.2) «знамя» передается в неизмененном виде. На примере Позняка Кечатова и Митки Познякова (п. 11, таблица 3.2) можно наблюдать сохранение и основного знака, и дополняющих окружностей, но количество их при переходе к сыну уменьшается на одну. Опять же, примеров очень мало. Но здесь, во всех трех случаях, при переходе к наследникам четко прослеживается сохранение основного знака «знамени».

Такая ситуация с сохранением знака была возможна только в первой и второй выделенных нами группах населения. В первой группе, сохраняющей ещё старые традиции использования «знамен», наследник получал во владение участки, помеченные старыми «знаменами», сохраняя как личный знак наиболее старое «знамя». Скорее всего, это был один из сыновей, оставшийся жить в отцовском доме и, соответственно, эксплуатирующий те же ухожьи, что и отец. Сыновья, обзаводившиеся собственными домами, но также являющиеся наследниками, могли получить позднее освоенные участки в тех же ухожьях с уже видоизмененным семейным «знаменем».

Во второй группе теоретически ситуация должна была складываться подобным же образом. Однако уже при наследовании в следующем поколении, при столь динамично изменяющейся системе бортных «знамен», наследование личного знака отца неизбежно должно было оторваться от наследования бортного «знамени». На это повлияли и приток населения, и дробление бортных ухожьев, и, как следствие, снижение доходности бортного промысла, и его постепенное угасание. Сохранялась и развивалась система личных знаков, но уже по другим законам, складывавшимся в соответствии с нуждами и потребностями людей, живших теперь в других социально-экономических условиях. Зафиксированные этнографами в конце XIX века мордовские «тешксы» уже мало чем напоминали бортные знаки и имели другое функциональное назначение.

В заключение хотелось бы отметить, что разработка данной темы на начальном этапе связана больше с постановкой вопросов, нежели с их разрешением. Проведенный анализ мордовских знаков показывает широкие перспективы в дальнейшем изучении темы. Важное значение будут иметь результаты сравнения знаков разных территорий. Однако это возможно будет сделать только при публикации писцовых материалов XVII века регионов проживания мордовского населения и введении в научный оборот большого числа новых знаков.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Верхоценская волость Шацкого уезда как административная единица была образована на территории расселения коренного народа Поценья –мордвы в начале XVII века. Верхоценская волость занимала обширную территорию по всему течению реки Цны, являясь относительно слабозаселенной южной окраиной Московского государства. Географическое местоположение делало данную территорию благоприятной для проживания и ведения многоотраслевого хозяйства. Выгодные природно-географические условия стимулировали активный колонизационный процесс из центральных регионов страны. С созданием эффективной системы обороны этот процесс только усилился и привёл к тому, что коренное мордовское население было постепенно ассимилировано.

Система управления волостью учитывала национальный фактор и предусматривала институт мордовских воевод или приказчиков. В рассматриваемый период мордовское население составляло около 70% от всего населения волости. В селах Конобеевского присуда, расположенных в нижнем течении Цны и еще в XVI веке входивших в царскую вотчину, преобладало русское население. В находящихся также в нижнем течении мордовских деревнях русские и мордва проживали совместно, но мордовское население преобладало. Далее, вверх по течению реки, в деревнях проживало либо преимущественно, либо исключительно мордовское население.

В зависимости от этнического состава селений отличалась и основная хозяйственная деятельность. Для русских сёл в нижнем течении Цны основным видом хозяйственной деятельности было

трехпольное земледелие. Для мордовских деревень – добывающие промыслы, хотя земледелие также присутствовало. Значительное место в структуре хозяйства занимало коневодство. Развитию земледелия препятствовал фактор внешней угрозы – частые набеги степняков на поля мордвы и крестьян.

В первой четверти XVII века практически всё мужское население деревень и сел Поценья, вне зависимости от этнической принадлежности, в той или иной степени занималось бортевым пчеловодством. Это обуславливалось, прежде всего, высоким спросом как на внутреннем, так и на внешнем рынках на продукты бортничества. Занятие бортным промыслом требовало практически круглогодичной занятости, в связи с чем определялась промысловая специализация мордовских деревень – они считались бортными. Расстояние до бортных промысловых участков могло составлять от 10–15 до 280 километров. Непосредственная связь бортных промысловых участков с речной системой способствовала развитию и подсобных промыслов – рыбной ловли и охоты.

Высокий уровень развития промыслов в Верхоценской волости, в первую очередь добывающих, при вспомогательной роли земледелия, свидетельствует об их товарном характере. Это указывает на включенность волости в рассматриваемый период в систему товарно-денежных отношений формирующегося Московского государства. Кроме того, промысловый характер волости делал из нее потребителя сельскохозяйственной продукции, тем самым стимулируя развитие близлежащих земледельческих районов, в данном случае – Конобеевского присуда, и притягивая крестьян-переселенцев из других областей страны.

Национальный фактор и специфика хозяйственной деятельности отразились на применяемой в волости системе налогообложения. Сёла в нижнем течении Цны платили налоги с выти пашенной земли. Они делились на две большие группы. Значительная часть податей и повинностей была платежом за пользование дворцовыми землями и угодьями, другая же часть состояла из так называемых целевых налогов и повинностей, вытекавших из потребности

покрывать по раскладке различные государственные и местные нужды. Мордовские деревни платили натуральный оброк медом, а также пропорционально ему денежные выплаты в виде ясака, куничных денег и пошлин с меда и куницы. В общей структуре налогов мордовских деревень основная часть – около 60% приходилась на натуральный оброк медом, тогда как денежные выплаты с натурального оброка составляли чуть более 40%. Сохранение в структуре платежей ясака говорит о переходном характере применявшейся в волости налоговой системы.

Налоговая политика в начале XVII века приводила к тому, что подати населения Верхоценской волости сочетали в себе как натуральную (медвяный оброк), так и денежную ренты. Причём сравнение их объёма показывает, что натуральная рента превосходила денежную в полтора раза. Несмотря на это, отмечен постепенный переход от натуральных выплат к денежным, что, во-первых, диктовалось потребностью государства в «живых» деньгах, а во-вторых, свидетельствовало о развитии товарно-денежных отношений и тенденциях к экономическому подъему.

Система налогообложения Верхоценской волости в XVII веке постепенно трансформировалась под общегосударственную налоговую систему, однако продолжала учитывать выработанные в этнической среде способы владения промысловыми участками и их идентификации.

Восстановление государственности после избрания царем Михаила Федоровича способствовало активизации южного направления внутренней политики страны. Передача Верхоценской волости в собственность Марфы Иоановны усилила миграционные процессы в Поценье русского населения. Они активно проникали в мордовские поселения, включаясь в промысловую деятельность местного населения, одновременно осваивая земледельческие занятия. Русские привносили сюда прогрессивное по тем временам трехполье, что фиксировалось по многим документам налогообложения. Традиции русского земледелия постепенно переносились и в мордовскую среду.

Активным актором колонизационных процессов в Поценье выступили монастыри. Наряду с миссионерской деятельностью по распространению христианства среди мордвы, монастыри выступали как центры хозяйственной деятельности и притяжения беглого населения. Отсутствие серьезной конкуренции помещичьего землевладения и постоянная поддержка волостной администрации и владелицы волости Марфы Иоановны, а затем царя Михаила Федоровича способствовали быстрому становлению и развитию монастырского церковного имущества и хозяйства. Среди местных монастырей особо выделялся Чернеев монастырь, как самый старый, с развитой хозяйственной структурой.

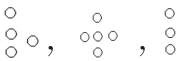
Относительно небольшая по численности группа цнинской мордвы объективно оказалась втянута в мощные центростремительные процессы, происходившие в Московском государстве в начале XVII века, начав растворяться в большой массе русского крестьянства. Неизбежная христианизация мордовского населения стала толчком к изменению, трансформации традиционных религиозных обычаев и верований, способствовала ускорению ассимиляции в Поценье. Этому способствовала определенная замкнутость цнинской мордвы от основной массы мордовского народа. Цнинский национальный анклав не смог противостоять мощной русской переселенческой волне, оказался втянутым не только в экономические, но и социальные и духовные процессы формирования великорусской нации.

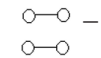
Основной проблемой в дальнейшем освоении территории междуречья Воронежа и Цны оставалась угроза постоянных татарских набегов. Мелкие и крупные силы кочевников регулярно тревожили местное население, угоняя пленных, скот, раззоряя имущество. Силами небольших сторожевых отрядов и гарнизонов Шацка и Ряжска остановить татарскую угрозу было невозможно, требовалось строительство новых городов-крепостей, формирование воинских гарнизонов, создание гибкой системы обороны границ.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1

Изображения бортных «знамен» мордвы деревень Мутасева и Алакужи по данным 1622 года

№ графы/	Мордва-бортники (один или группа- *«с братею»*)	Бортный ухожей (место хоз.деятельности)	Бортные «знамена» по документу 1622 г.
№ пункта	1	2	3
Деревня Мутасева			
1	Неверко Полатов с братею с Ромашком и Пиняском	«в верх по Цне по реке по левою сторону и по речке по Керемсе»	
		«на Кашмоте оприч Ламоиса»	«Дуга 3 рубежи» – *ходят знамя «вопче»*
		Роздельный Улеш	«6 рубежев» – *ходят знамя «вопче»*
		Пришлина	
		Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг	- «5 рубежев с поясы»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	– «5 рубежев с поясы» – «рога с 5 рубежи» (знамя «новоприбылого» оброка)

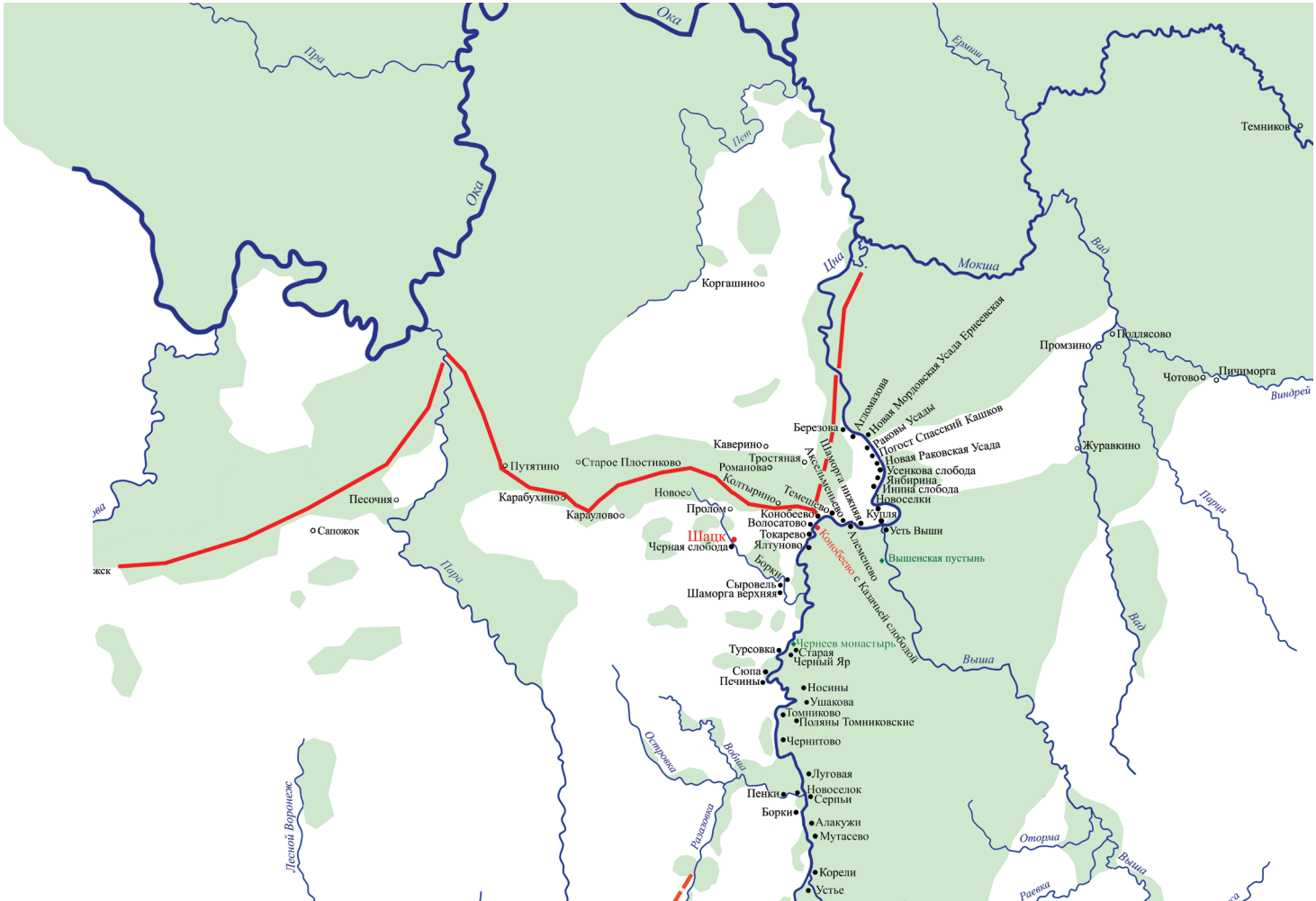
2	Беляйка Лемясев	Алакужский (по обе стороны реки Цны) «На Пяшкичке» На речкена Сарыме	– «4 рубежи с поясы»
		Мутасевской (по обе стороны реки Цны) Орзасов липяг	– «4 рубежи с поясы» *Знамена, купленные у Худячка Серкина:* – «4 рубежи с проводы» – «5 рубежев с проводы»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	– «4 рубежи с поясы» *Знамена, купленные у Худячка Серкина («путь Ильи да Нушты Ватапина»):* « 6 рубежев с поясы», – «4 рубежи с поясы», – «5 рубежев с проводы»
		Ценский	*Знамена, купленные у Худячка Серкина:*  – «4 рубежи с проводы» – «5 рубежев с проводы»

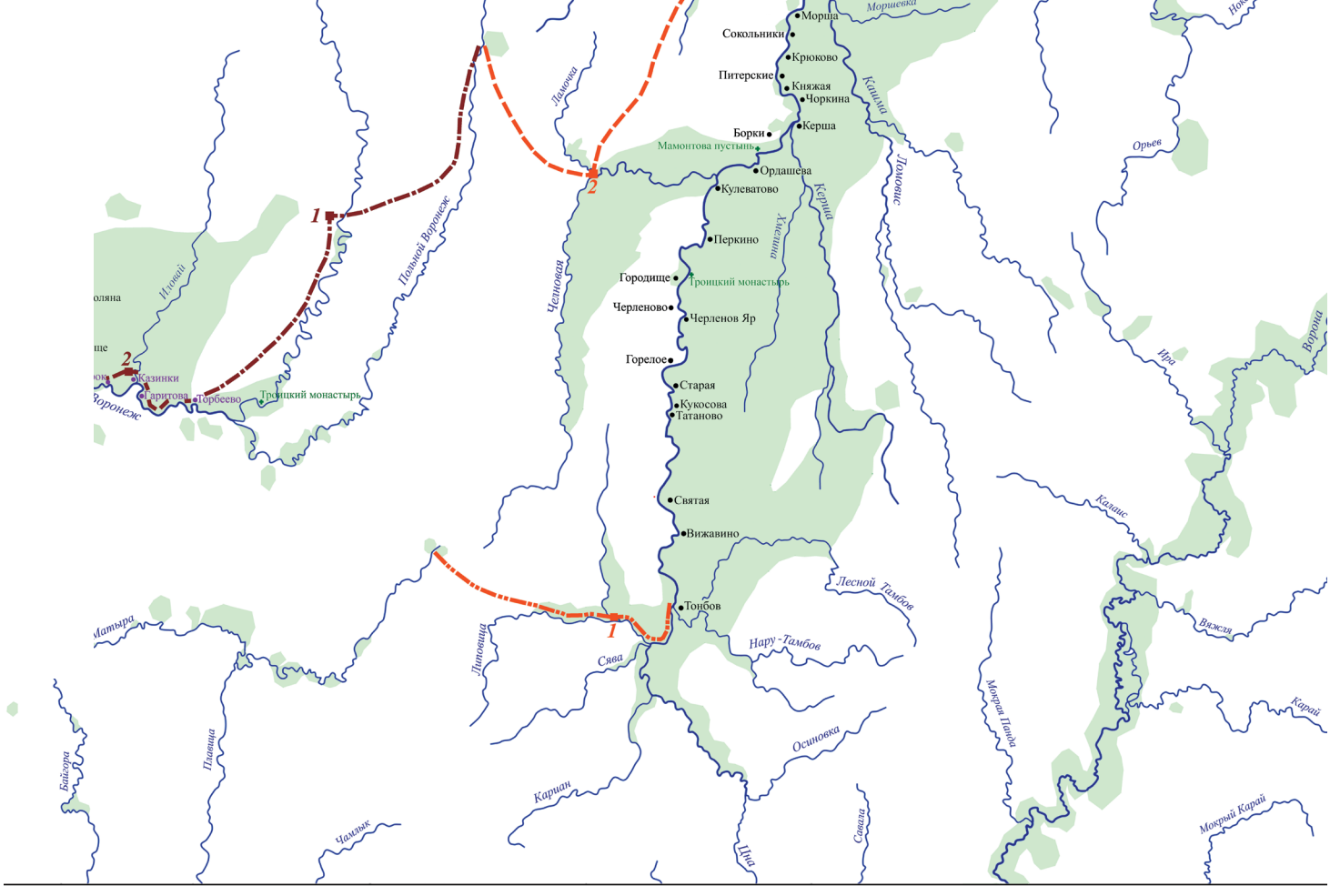
3	Познячко Мялин	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг	– «5 рубежев с поясы»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	– «5 рубежев с поясы» – «рога с 5 рубежи» (знамя «новоприбылого» оброка)
4	Носайко Неверов	Мутасевской (по обе стороны реки Цны)	
		Арзазовской (по обе стороны реки Цны)	– «рога с 5 рубежи»
		Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	
5	Дружинка Пачин с братом своим с Бориском Саяпиным	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	– «5 рубежев с поясы» – знамя Дружинки – «4 рубежи с поясы» – знамя Бориска

6	Богдашко Пурясев	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг Палмакужской (на Цне) Варалыевской (на Цне)	
7	Худечко Серкин	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке»	
Деревня Алакужи			
8	Кистонапка Коротаев, с братом своим, с Девяткою	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Керемесь	– « 2 рубежа»
		Орзасов липяг	– «орлов хвост с 3 рубежи»
9	Васка да Куземка Кижапины, с их детми (пущенники Кистонапки Коротаева)	Алакужский (по обе стороны реки Цны) Мутасевской (по обе стороны реки Цны) «На речкена Сарыме» «На Пяшкичке» Орзасов липяг Керемесь	– «орлов хвост с 2 рубежами» – знамя Васки, – знамя Васки, – знамя Куземки

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Карта-схема Верхоценской волости и владений князя Д.М. Пожарского до 1635 г.





Населенные пункты: • - Верхоценской волости • - Д.М. Пожарского ◦ - другие. — - Шацкая засека 1622/23 года

Шацкие сторожи: 1 - на р. Липовице 2 - на р. Челновой. Ряжские сторожи: 1-2 - на р. Воронеже

Карта выполнена Моисеевым Н.Б.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение *(авторы Ю.А. Мизис, П.К. Напольникова)* 7

ГЛАВА ПЕРВАЯ. ЗАСЕЛЕНИЕ КРАЯ РУССКИМИ ДО 1635 ГОДА
(автор Ю. А. Мизис) 27

1.1. Географическая характеристика Тамбовского края 28
1.2. Начало освоения края русскими переселенцами 32
1.3. Заселение бассейна р. Воронеж 41
1.4. Монастырское освоение Поценья и бассейна реки Лесной Воронеж ..43
1.5. Набеги татар и сторожевая служба на юге Русского государства, вторая половина XVI в. – 1635 г. 59

ГЛАВА ВТОРАЯ. ВЕРХОЦЕНСКАЯ ВОЛОСТЬ ШАЦКОГО УЕЗДА
(автор П.К. Напольникова) 87

2.1. Образование Верхоценской волости 88
2.2. Территория, численность и этнический состав населения Верхоценской волости 105
2.3. Хозяйственная деятельность населения Верхоценской волости 132
2.4. Налогообложение населения Верхоценской волости 162
2.5. Проблема происхождения мордовских бортных «знамен» 186

Заключение *(авторы Ю.А. Мизис, П.К. Напольникова)* 224

Приложение 228

Книга издана на средства ТГУ имени Г. Р. Державина
и при финансовой поддержке Президентского фонда
культурных инициатив в рамках проекта
«Пограничный край не небесный рай»
(ПФКИ-21-1-010776)
(Тамбовское общество любителей краеведения)

НА ЮЖНЫХ РУБЕЖАХ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА

85